

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства»
(ПГУАС)

В.С. Горбунова, С.В. Сботова, Е.Ю. Куляева

ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Пенза 2014

УДК81'1 (035.3)

ББК 81

Г67

Рецензенты: кандидат педагогических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков ПАИИ
И.Л. Сергиевская;
кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков Пензен-
ского государственного университета
архитектуры и строительства Т.А. Козина

Горбунова В.С.

Г67 Основы лингвистических знаний: моногр. / В.С. Горбунова,
С.В. Сботова, Е.Ю. Куляева. – Пенза: ПГУАС, 2014. – 132 с.
ISBN 978-5-9282-1106-6

Содержит теоретические материалы по проблемам исследования отече-
ственных и зарубежных лингвистов Л. Блумфилда, Н. Хомского, Ч. Филлмора,
О.С. Ахмановой, Ю.Д. Апресяна, А.Д. Швейцера, А.В. Кунина и др.

Монография подготовлена на кафедре иностранных языков и предназначена
для студентов, обучающихся по направлениям 07.04.01 «Архитектура», 08.04.01
«Строительство», 07.03.04 «Градостроительство», а также «Переводчик в сфере
профессиональной коммуникации».

ISBN 978-5-9282-1106-6

© Пензенский государственный университет
архитектуры и строительства, 2014

© Горбунова В.С., Сботова С.В.,
Куляева Е.Ю. 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография состоит из двух частей. Часть I. «Из истории лингвистических учений» содержит информацию о теоретических исследованиях известных зарубежных лингвистов Л. Блумфилда, Н. Хомского, Ч. Филлмора. Рассматриваются положения современной структурной лингвистики – метод непосредственно составляющих, дистрибутивный и трансформационный методы анализа и т.п. Представлены результаты исследований дескриптивной, т.е. описательной лингвистики, возникшей в США. Кроме того, показаны семантические падежи (роли) по Ч. Филлмору, способствующие семантическому анализу предложений.

Часть II. «Вопросы английской лексикологии» посвящена происхождению и функционированию фразеологических единиц в английском языке, роли заимствований как средств обогащения словарного состава. Кроме того, представлен сравнительно-сопоставительный анализ британского и американского вариантов английского языка.

Содержание монографии предусматривает более глубокое изучение английского языка и знакомство с лингвистическими концепциями и теоретическим наследием ученых, занимающихся изучением структуры и содержания английского языка. Весь материал в целом предлагается для изучения студентами, обучающимися по направлению «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» и способствует более полному познанию английского языка как системы.

Часть I. ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Глава I. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. БЛУМФИЛДА

Дескриптивная (описательная) лингвистика возникла в Соединенных Штатах в 20–30-х годах XX века. Она опирается в своих исследовательских приемах на структурные принципы, поэтому ее рассматривают как одно из направлений структурализма. Как и в развитии других наук, в языкознании в эти годы особенно остро встает проблема метода, тесно связанная с определением задач и содержания лингвистической науки. Важность этих вопросов была обусловлена рядом причин: новыми требованиями к принципам научного анализа, возникшими в значительной степени под влиянием достижений в других областях человеческих знаний, постановкой новых проблем общей теории языка; воздействием разносторонних связей языкознания с другими науками: психологией, математической, физиологией, логикой.

Разрыв с господствующими традициями прошлого, выражающийся, прежде всего, в резкой критике младограмматической традиции, характеризует развитие лингвистической мысли как в Америке, так и в Европе. Л. Блумфилд объединяет теоретическое наследие Женевской и Пражской школ 20-х гг., он является непосредственным создателем системы дескриптивной лингвистики. В этой связи показаны такие факты, как публикация некоторых статей Блумфилда в трудах пражских ученых, а тем более включение им в предисловие к книге «Язык» прямых ссылок не только на Ф. де Соссюра, но и на работы И.С. Трубецкого и других представителей Пражского кружка. Поэтому ошибочно было отделять развитие системы взглядов Л. Блумфилда от направления идей, определяющих развитие мирового языкознания того периода. Вместе с тем необходимо учитывать и специфические национальные особенности американского языкознания, в целом, и лингвистической концепции Л. Блумфилда в частности.

1.1. Истоки и проблематика американского структурализма

Прежде всего, очевидна ярко выраженная утилитарная направленность целого ряда отраслей лингвистики в США. Американские языковеды еще в середине прошлого столетия в связи с потребностями миссионерско-просветительской деятельности столкнулись с практическими задачами создания алфавитов и письменности для многочисленных североамериканских племен и проблемой адекватного перевода на эти языки религиозной литературы.

Огромную роль в своеобразном пути американского языкознания сыграл богатейший материал бесписьменных языков коренного населения Северной и Центральной Америки (Amerindian languages). Эти языки, резко отличающиеся по своей структуре от описывавшихся дотоле европейских языков, никак не укладывались в традиционные схемы «универсальной» грамматики, построенной по образцам латино-греческих моделей. Уже на заре американистики устоями Ф. Боаса было провозглашено требование описывать языки, исходя из их конкретных особенностей, не навязывая им никаких априорных схем, ибо «языки различаются не только по характеру составляющих их фонетических элементов и по звуковым группам, но также и по группам идей, находящих выражение в фиксированных фонетических группах» [17].

Отсутствие лингвистической традиции в описании столь разнородных языков, какими оказались языки американских аборигенов, заставляло лингвистов США строить собственный теоретический фундамент, а задача неотложного описания быстро исчезающих языков способствовала выработке особых методов работы с информантом, приемов записи и фиксации нового лингвистического материала, известной унификации в его подаче и т.д.

Более того, по-видимому, многие приемы, выработанные при этом, т.е. при фиксации данных незнакомого языка, были перенесены затем в процедуры анализа языка вообще. В частности, быть может в связи с этим, получил неправомерное расширение тезис о возможности описания языка без учета семантики. По существу, сведения о значениях речевых форм были обязательной частью лингвистического анализа нового языка. Факт этот, однако, затемняется тем, что подобными сведениями часто располагал информант, а не непосредственно сам исследователь, тем самым игнорирование значения практически оказывалось в большинстве случаев фикцией. Это не помешало, однако, в дальнейшем постулировать требование чисто формального описания языка и утверждать реальную возможность такого описания.

Было и другое обстоятельство, положившее конец безраздельному засилью сравнительно-исторического языкознания. Примерно в то же время в больших масштабах развернулось изучение иностранных языков. Возникла необходимость в создании научной методики их преподавания. Для практики преподавания языка сравнительно-историческое языкознание мало что может дать. Ведь, чтобы понимать иностранную речь или правильно говорить на языке, нет необходимости знать его историю. Для того чтобы практически владеть языком, надо знать не то, чем этот язык был когда-то, но то, чем он является сейчас. Так потребности самой практики привели к осознанию ограниченности чисто исторического подхода к языку и созданию научных основ изучения языка в описательном плане, с точки зрения его внутренней структуры на определенный

момент его существования. В современном языкознании подобное изучение языка носит название синхронного (в отличие от исторического – диахронного) изучения языка.

Отрасль лингвистики, задачей которой является разработка научных методов синхронного описания языка и применения этих методов к изучению структуры отдельных конкретных языков, получила название структурной лингвистики. Еще одной отличительной чертой, определившей своеобразный и далеко не однородный путь развития лингвистической мысли в США, явилась тесная связь одного из направлений американского языкознания с психологией. Еще более существенными для американской лингвистики оказались ее связи со всем комплексом вопросов так называемой «культурной антропологии», под которой в Америке понимают не только этнографию, но более широко – науку о различных формах культуры человека, включая и язык.

1.2. Влияние теоретических основ бихейвиоризма на теорию языка Блумфилда

В 20–30-х гг. XX века большую популярность в американской психологии имело бихейвиористское течение (англ. Behavior «поведение»). Основные задачи бихейвиоризма состоят в изучении поведения человека и животных со стороны условно-рефлекторных механизмов. В качестве основного понятия используется схема «стимул-реакция». Основные усилия бихейвиористы направляют на описание структуры поведения как системы внешних реакций организма на влияние сигнала. Они пытаются заметить субъективное – осязаемым, физической очевидностью, что приводит к смещению фактов мышления и речи, мышления и речевого поведения. Бихейвиористское учение оказало сильное влияние на лингвистическую мысль Америки. Лингвистическая концепция Л.Блумфилда формировалась в непосредственном взаимодействии с идеями бихейвиоризма.

Общую теорию языка Л. Блумфилд называет материалистической или механической и противопоставляет ее менталистским построениям, под которыми он понимал как психологизм XIX в., так и другие направления фоссерианства. Вслед за Л. Блумфилдом аналогичное определение этой концепции повторяется многими языковедами, в том числе Л. Грем и Дж. Бонфанме. Л. Грей, в частности, писал по этому поводу: «Механическое рассмотрение языка ведет свое начало от теории поведения (la théorie du conduitionnalisme), если мне будет позволено создать слово для перевода английского бихейвиоризма, или, как его называет господин Блумфилд, физикализма. Последний является материалистической и позитивистской системой...». [59]

Все общие характеристики языка даются Блумфилдом с позиций бихейвиоризма: ср. определение языка как особой формы поведения человека; сведение коммуникативной функции языка к цепи стимулов и реакций, а социальной природы речевой деятельности к процессам одного порядка с биологическими процессами. Показательно, что в этой системе существует теоретический постулат «биологическая сущность», причем основа языковых и неязыковых стимулов одна и та же, различие лишь в том, что языковая реакция в известной мере является «субститутом» практических реакций; но и это различие между двумя типами реакций существует, по мнению Блумфилда, только для лингвиста, поскольку последний изучает именно речь. С другой стороны, Блумфилд отмечает, что некоторые биологические процессы еще и социальные («биосоциальные» процессы), это те процессы, которые возникают при общении людей. Но в понятие «общение» Блумфилд вкладывает свое содержание: для него это такой, же «биологический акт», как любые другие формы приспособления человека к среде и его реакции на внешние стимулы.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в качестве примеров речевого процесса Блумфилд всегда выбирает простейшие ситуации, связанные с удовлетворением простейших потребностей. Тем самым снимаются фактически все сложные проблемы, связанные с соотношением языка и мышления, ролью языка в формировании понятийного мышления и т.д. Для лингвистической теории Блумфилда они являются лжепроблемами, порожденными «метафизической» трактовкой основных языковедческих вопросов. Таким образом, «материалистическая» или «механистическая», точка зрения на сущность языка оказывается одним из вариантов вульгарного материализма позитивного толка.

Основным объектом лингвистического исследования по мысли Блумфилда является речевой отрезок, данный в высказывании. Речь является мостом между говорящим и слушающим, ей предшествуют и за ней следуют практические события, цепи стимулов (S) и реакций (R). Весь акт коммуникации изображается схемой: $S - r \dots s - R$, где $r \dots s$ – речевой отрезок, замещающий стимул. Речевой отрезок, акт речи – центральное звено бихейвиористического ряда, который вскрывает механику речевой деятельности: говорящий – высказывание – слушающий.

Центральное звено извлекается из этого ряда, изолируется от других звеньев и рассматривается как единственная объективная данность и вместе с тем как исходный момент лингвистического анализа и описания. Поэтому язык определяется как «совокупность высказываний, которые могут быть сделаны в данной языковой группе» [16]. Тем самым, практически снимается рассмотрение языка как системы, возможное только на основе обобщения и интерпретации фактов, полученных в непосредственном наблюдении. Блумфилд стремится не выходить за пределы фактов, данных в опыте, вести весь лингвистический анализ на

уровне наблюдения, исключить все, что соотносено с уровнем обобщения. Этот своеобразный лингвистический позитивизм обнаруживает влияние теоретических основ бихейвиоризма и вместе с тем он диаметрально противоположен не только сосюрровскому учению о языке, но и ведущим структурным направлениям в европейском языкознании.

1.3. Проблема значения в концепции Л. Блумфилда

Исключительное положение среди общих постулатов занимал у Блумфилда «критерий значения». Традиционному использованию значения был брошен дерзкий вызов. Значение в лингвистическом анализе обычно понимается так же, как оно воспринимается говорящим, как это подсказывает «здравый смысл». Значение неизбежно является многообещающим, поскольку оно охватывает все стороны семиозиса (семиотической деятельности человека). Значение складывается из трех типов отношений речевых форм: а) отношение речевых форм к другим речевым формам; б) – к неязыковым ситуациям (предметы, явления и т.д.); в) – к лицам, принимающим участие в коммуникации.

Блумфилд считал, что точное, с научной точки зрения, определение значения каждой формы языка невозможно. На практике все лингвисты определяют значения, исходя из ситуации говорящего и слушающего. Этого совершенно недостаточно. Даже если бы наука шагнула настолько далеко вперед, что стало бы возможным отождествлять разные ситуации и реакции, что и составляет значение речевых форм, то мы не достигли бы других результатов. В тех случаях, когда мы располагаем научной классификацией, оказывается, что значения слов не согласуются с ней. Так, кит по-немецки «рыба» (Walfisch), а летучая мышь – «мышь» (Fledermaus), хотя в зоологии кит – не рыба, а летучая мышь – не мышь.

У многих лингвистов сложилось впечатление, будто Блумфилд «отрицает» значение вообще, исключает его из научного анализа языка. «В действительности он неоднократно указывал, что изучение языка с необходимостью должно включать рассмотрение и использование значения».[46] Он пытается переформулировать проблему значения в терминах структурных определений. Блумфилд противопоставил традиционному значению «языковые значения». Необходимо дифференцировать не дистинктивные признаки ситуации (например, величину, форму, окраску и т.д. какого-либо конкретного яблока) и дистинктивные признаки, которые являются общими для всех ситуаций, вызывающих произнесение данной языковой формы (например, признаки, являющиеся общими для всех предметов, которые люди, говорящие по-английски, называют apple «яблоко»). Лингвистическое исследование должно касаться только дистинктивных признаков формы и значения. Блумфилд отожде-

ствяет определение «дистинктивный» и «языковой» и говорит просто о формах и значениях [16].

Из всего комплекса смыслового содержания высказывания Блумфилд требовал вычленения языкового значения, которое в семиотических терминах предстает как синтактика в первую очередь. Современная семиотика выделяет три аспекта в знаковой системе: 1) синтактику – отношения знаков друг к другу; 2) семантику – отношения знаков к обозначенным предметам; 3) – прагматику – отношение к знакам лиц, которые их используют. Блумфилд настаивает на том, что значения нельзя использовать для наших определений, т.е. для метаязыковых формулировок. Отличительные особенности предложений, частей речи и т.д. нельзя установить путем анализа смыслового содержания. Из значений нельзя исходить при отождествлении и различении структур.

В исследовании языка Блумфилд исходил из допущения, что все сигналы языковых значений представляют собой формальные явления, которые можно описывать в материальных терминах. Поэтому лингвист должен каким-то образом – непосредственно или через информанта – контролировать значения элементов высказывания, чтобы узнать, одинаковы они или различны.

Блумфилд, стремясь по возможности формализовать описание языка, не создал последовательной формализованной модели именно потому, что он, быть может, даже вопреки своим теоретическим устремлениям, понимал невозможность элиминировать из описания значимую сторону языка. Некоторые его ученики попытались быть более последовательными и создать непротиворечивую формализованную модель описания. Однако история языкознания показала, что вопреки своей непоследовательности Блумфилд был на более правильном пути, чем они.

1.4. Трактовка Блумфилдом противопоставления диахрония – синхрония

Для дескриптивной лингвистики характерен принципиальный отрыв описания языка на данном этапе его исследования от его истории. Дескриптивисты считают, что когда мы сталкиваемся с новым, неизвестным нам языком, мы должны описывать его так, как мы его слышим, так, как он непосредственно дан нам в нашем опыте. Если же мы начинаем заниматься историей языка, стараться выяснить, какие родственные (генетические) связи имеются у него с другими языками и т.д., мы переходим уже в совершенно иную область, никакого отклонения по существу к описанию языка на данном этапе его развития не имеющей. Л. Блумфилд в своей основной работе «Язык» писал: «Для того чтобы описать язык, не требуется никаких исторических знаний; более того,

наблюдатель, который позволил бы таким знаниям повлиять на производимое им синхроническое описание, обязательно исказит полученные им данные» [16].

То, что вообще различие диахронии и синхронии не только необходимо, но и по самой природе вещей неизбежно, если речь идет о научном подходе к явлениям языка, не вызывает никакого сомнения. Также, совершенно несомненным является то, что в процессе научного исследования постоянно оказывается необходимым, целесообразным и оправданным выделение той или иной стороны или аспекта. Поэтому возможно смешивать эти два аспекта, подменять рассмотрение некоторого данного состояния другим состоянием, уже переставшим фактически существовать, но нельзя отрывать их друг от друга. По самой своей природе язык каждой данной эпохи – это язык, существующий и развивающийся во времени и поэтому непременно заключающий в себе момент диахронии. Попытки синхронического описания языка, которые основывались бы на «поперечном разрезе языка», не имеющем протяженности во времени, обречены на неудачу. Сделать такой разрез языка невозможно, так как фактор времени по самому существу предмета входит в язык. Поэтому и при синхроническом подходе система языка непременно должна рассматриваться во времени.

Однако у дескриптивистов в центре их внимания оказывается все же статистическое описание языковых структур, оторванное от их истории, рассматриваемое вне фактора времени. При этом такое описание не должно вовсе стремиться к обнаружению подлинной природы изучаемого явления или явлений, к вскрытию подлинных внутренних закономерностей развития и функционирования, свойственных языку. Задача лингвиста сводится к отысканию лишь наиболее удобных, наиболее эффективных способов, посредством которых можно было бы легко и быстро регистрировать языковой материал и составлять парадигмы и ряды.

1.5. Проблемы языка и речи у Л. Блумфилда

Понимание предмета лингвистики, развиваемое Блумфилдом, свидетельствует о продолжении соссюрской доктрины структурализма. Он писал, что его представления о языке как объекте и предмете исследования совпадают с тезисами Ф. де Соссюра. Синхронически язык определенного коллектива следует рассматривать как систему сигналов. Эта строгая система представляет собой *la langue*. Но человеческая речь (*le langage*) включает нечто большее, потому что индивидам не всегда удается придерживаться системы с абсолютным единообразием. В реальной речи – высказывания (*la parole*) – явления, закрепленные системой, варьируются. Для Блумфилда, как и для Соссюра, все это (*la parole*) лежит за пределами

возможностей языкознания. Лингвистика может изучать только те черты языка (*la langue*), которые являются общими для всех говорящих – фонемы, грамматические категории, словарь. Это абстракции, поскольку они представляют собой лишь повторяющиеся частичные признаки речевых высказываний.

Общая картина взаимодействий всего комплекса явлений, связанных с речью (*la parole*) и актами речи (*la langage*), была правильно обрисована Блумфилдом. Это позволило ему сделать более четким представление о языке (*la langue*) как системе моделей (типов) противопоставлений, благодаря которой индивидуальные речевые акты говорящего становятся эффективными заменителями стимулов (сигналами) для слушающего. При наличии этой строгой системы моделей мы можем предсказать регулярные реакции говорящих, когда они стимулируются одной из моделей данной системы.

Блумфилд углубил основную дихотомию Соссюра. Конкретизируя задачи языка, он ставит проблему моделирования типовых противопоставлений в системе. Наиболее интересные результаты были получены им самим и позднее дескриптивистами в исследовании грамматики языка. В этой сфере мы имеем «довольно скудные абстракции», которые проще изучать, поскольку они в малейшей степени затрагиваются ситуативными факторами, реальными потребностями людей, удобством общения и т.д.

1.6. Проблемы морфологии в трудах Л. Блумфилда

Для дескриптивного языкознания весьма показателен интерес к проблемам методики лингвистического анализа, особенно фонологического и морфологического. Принцип формализованного описания морфологии языка заключается в выделении минимальных значащих элементов речи (морфемных сегментов), определении их функционирования в разных лингвистических окружениях, объединении морфемных сегментов в морфемы и группировке морфем в грамматические разряды. Такова общая программа морфологического анализа, разработанная в трудах американских ученых.

Под морфологией в трудах Л. Блумфилда, Б. Блока и Дж. Трейгера, Ч. Хоккета понимается изучение структуры слова. Слову практически отводится более скромное место. Оно используется лишь как материал для исследования, как отправная точка анализа, но всё описание языка дается в терминах морфемы. Структура слова и структура более крупных конструкций (словосочетаний, предложений и т.д.) осмысливается и анализируется через посредство морфемы – этой центральной единицы лингвистического исследования, которая подверглась самому притязательному изучению представителями американского дескриптивизма.

Л. Блумфилд в своем труде «Язык» (1933) определяет морфему как минимальную языковую форму, лишенную частичного фонетико-семантического сходства с другой фонемой, другой последовательностью фонем [16]. Из этого определения логически вытекает, что исследование особенностей морфемы должно быть связано не только с изучением ее формальных признаков, но и с анализом ее содержания. Вопрос о значении морфемы, однако, не получает в трудах Блумфилда правильного решения, и проблема соотношения формальных признаков морфемы и ее содержания является одной из самых сложных проблем языкознания.

Морфема – это наименьшая единица выражения, которую можно соотнести с каким-либо одним конкретным фактом в структуре содержания [16]. Последний обозначается термином семема и определяется Блумфилдом как «черта практического мира» (*feature of the practical world*). Определение показывает, что Блумфилд рассматривает семему не как лингвистическую категорию, а как категорию экстра-, т.е. внелингвистическую. «Значение морфемы есть семема, – пишет Блумфилд, – и лингвист принимает как данное, что каждая семема является постоянной и определенной единицей значения, отличной от всех других значений, включая все другие семемы языка, но лингвист не может пойти дальше этого.

В рамках лингвистической науки морфема должна быть описана лишь с точки зрения ее звукового состава, значение же морфемы, т.е. семемы, лежит за пределами языкознания. В структуре таких морфем, как *wolf* «волк», *fox* «лиса», *dog* «собака» и т.д., ничто не обнаруживает взаимоотношений между их значениями. Последнее является проблемой, изучаемой зоологами ... » [16]. И далее «значения – в нашем примере семемы языка – могут быть проанализированы или систематически описаны только почти всезнающим наблюдателем». В такой постановке вопроса кроется основа будущих противоречий, связанных с ролью значения в характере отдельных языковых категорий: если значение выводится за пределы языкознания, оно не может служить критерием для выделения лингвистических единиц. Однако именно значение входит, например, в определение морфемы.

Рассмотрим вопрос о том, какие элементы языка изучаются дескриптивистами при исследовании морфологии и выделяются ими наряду с морфемой. «Морфему можно описать фонетически, – пишет Блумфилд, – поскольку она состоит из одной или более фонем ... » [16, с. 171]. Звуковым материалом, служащим для создания морфем, являются фонемы. Однако в построении морфем не всем типам фонем отводится одинаковое место. Морфемы, по Блумфилду, – это, прежде всего, определенная последовательность первичных, т.е. линейных или сегментных фонем.

Вторичные, или так называемые надлинейные, суперсегментные фонемы в образовании морфемы участия не принимают, и такие явления, как интонация, ударение и т.д. к числу морфемообразующих не относятся. Вторичные фонемы характеризуют не сами морфемы как таковые, а лишь их грамматическую аранжировку. Они выступают только в грамматически организованной речи и сопутствуют последовательности первичных фонем. Пытаясь найти более прямые связи между определенными типами фонем и морфемами, Блумфилд соотносит лексические, словарные значения с первичными фонемами, а грамматические значения – со вторичными. «Такие морфемы, как John или gun, являются в сущности абстракцией, поскольку в любом реальном высказывании морфему сопровождают вторичные фонемы, придающие ей грамматическое значение». Итак, все то, что связано с характеристикой высказывания в целом, не является релевантным (существенным) признаком морфемы.

Помимо морфемы, Л. Блумфилд выделяет еще некие морфологические категории. По отношению к ним он применяет термин *features*, т.е. «черты, особенности». К таким морфологическим явлениям Блумфилд относит нулевой элемент (*zero – feature*), замещение одного элемента другим (*substitution – feature*), исчезновение или выпадение звука (*minus – feature*), супплетивность и т.д. Блумфилд не сводит к одной морфеме весь смысловозначительный арсенал языка, и при анализе морфологических конструкций он дает не только характеристику морфем, входящих в их состав, но и описание морфологических процессов.

Из каких стадий состоит и в какой последовательности осуществляется морфологический анализ? Определение морфемы у Блумфилда – это общая формула, выделяющая морфему среди других лингвистических единиц, но не позволяющая сопоставить разные последовательности фонем, обладающие частичным фонетико-семантическим сходством. Иначе говоря, дефиниция еще не дает возможности произведения морфологического анализа языка. Задачей морфологического анализа является достижение удобного способа регистрации материала в виде обобщенных формул, сводящих весь многообразный материал к неким повторяющимся единицам функционирования.

Морфологический анализ начинается с дробления высказывания на мельчайшие смысловые элементы или отдельные значащие сегменты, откуда и происходит термин «сегментирование». В работах Блумфилда можно найти упоминание о двух способах членения высказывания. Одним из них является метод анализа предложения по непосредственно составляющим (НС), другим – метод выделения элементарных значимых единиц путем сопоставления высказываний, частично различающихся по форме и значению.

Метод НС производит дробление высказывания на основе образующих его конструкций, он осуществляется с учетом лингвистических моделей.

Общая часть любых двух сложных форм, являющаяся языковой формой, представляет собой конституант, или компонент, этих сложных форм. Конституанты делятся на непосредственно составляющие и конечные (терминальные) составляющие, которыми являются морфемы. Понятие непосредственно составляющих, близкое сосюрровскому понятию синтаксис, иллюстрируется следующим примером: *Poor John ran away* («Бедный Джон убежал прочь»); это предложение делится на две непосредственно составляющие – *poor John* и *ran away*, – каждая из которых в свою очередь еще на две новых непосредственно составляющие (*poor* и *John*, *ran* и *away*) и т.д., пока не дойдем до отдельных морфем. Подобный анализ по НС является важным методом синтаксического анализа у американских дескриптивистов.

Блумфилд ввел также в лингвистический анализ понятие субституции. Языковая форма, которая в определенных условиях заменяет любую форму из некоторого множества форм, называется субститутом. Субституты образуют класс форм. Языковые формы, в которых ни одно из непосредственно составляющих не является связанной формой, называются синтаксическими конструкциями. Существует два основных типа синтаксических конструкций: экзоцентрические и эндоцентрические. Если фраза принадлежит к тому же классу форм, что и какая-либо из ее составляющих, она является эндоцентрической (ср. *poor John*, заменяемое на *John* и поэтому относимое к тому же классу форм). В противном случае мы имеем дело с экзоцентрической конструкцией (ср. *John ran*).

Такова в основных чертах разработанная Л. Блумфилдом система понятий, связанных с изучением языка. Многие из его приемов получили признание за пределами структурной лингвистики и стали развиваться далее в трудах различных ученых-лингвистов.

Выводы

Итак, с именем Л. Блумфилда в Америке связан кардинальный пересмотр основополагающих постулатов младограмматической теории языка. Его лингвистическая концепция представляет собой цельную и последовательную теорию структуры языка. Вклад, внесенный этим выдающимся ученым в языкознание, можно сравнить с тем, что создал Н.С. Трубецкой в фонологии. От Блумфилда исходит разработка общей методики и конкретных исследовательских приемов, определивших область центрального направления американского языкознания – дескриптивной лингвистики. Выдвинув целый ряд общелингвистических установок, главной среди которых была установка на формальное описание языка в «физических» терминах, Л. Блумфилд наметил и способ разрешения

узловых проблем, стоявших перед американскими лингвистами, и надолго опередил направления развития лингвистической теории в США.

Последователи Л. Блумфилда сумели устранить некоторые слабые моменты в его теории, которые были связаны главным образом с манерой изложения. В целом грамматическая теория была описана содержательным образом, элементы аксиоматики и формальных определений пересекались с богатым иллюстративным материалом. В силу этого многие положения теории оказывались труднодоступными для понимания и не отличались наглядностью. Это обстоятельство приводило к частным непоследовательностям и нечеткости в терминологии.

Представители дескриптивной лингвистики использовали все основные постулаты и понятия грамматики Блумфилда в целях более высокой формализации описания. В результате были выработаны три основных метода структурного анализа языка – дистрибутивный анализ, анализ по непосредственно составляющим и трансформационный анализ. Эти методы получили всеобщее распространение и создали условия для построения алгебраических моделей грамматики. Без этих методов также трудно представить современную структурную лингвистику.

Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. ХОМСКОГО

Лингвистическая концепция Н. Хомского широко известна в науке о языках. Проводя научное исследование, он занимался методами формально-логического анализа с целью логико-математического моделирования языков. Язык рассматривался как множество предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов – символов алфавита. Таким образом, понятие языка у Хомского формализовано. Оно рассматривается вне плана содержания, берется только алгебраический аспект языка.

Большую роль при этом играет анализ по непосредственно составляющим (НС). Он заключается в разложении сложного целого на части. Этот метод применяется как для анализа сложных слов, так и для анализа моделей предложений. Целое предложение разбивается на составляющие его компоненты – различные части речи, т.е. существительные, прилагательные, глаголы и т.д. Метод НС показывает, что таким способом можно не только анализировать определенную цепочку лингвистических знаков, но и синтезировать её. Продолжением метода НС является трансформационный анализ, введенный Хэррисом.

2.1. Структурализм и его основные методы анализа

Основные положения современной структурной лингвистики являются продолжением и развитием идей Ф. де Соссюра, сформулированных в его «Курсе общей лингвистики». Ф. де Соссюр заложил основы структурной лингвистики. Его идеи были восприняты за рубежом тремя школами языковедов: пражской, копенгагенской, американской. Между тремя школами структурной лингвистики имеются иногда довольно значительные различия в научных интересах, в понимании некоторых аспектов языка и в методах его анализа. Представители различных школ структурной лингвистики по-разному оценивают роль фонетического субстрата и роль изучения значения при описании языка. Расхождение между различными школами обнаруживается и в методах исследования языка. Тем не менее, структурализм можно рассматривать как принципиально единую лингвистическую теорию. Разные школы структурной лингвистики объединяются в нечто целое благодаря тому, что они:

- 1) понимают язык в соссюрсовском смысле, т.е. как структуру,
- 2) выделяют в качестве ключевых одни и те же проблемы,
- 3) выдвигают единые методические требования, важнейшим из которых является требование максимальной формализации лингвистической теории.

О состоянии науки можно в некоторой мере судить по использованным в ней методам. В этом отношении структурная лингвистика достигла значительных успехов, т.к. техника лингвистического исследования разработана структуралистами с исключительной тщательностью и скрупулезностью. Несомненным достоинством структурной лингвистики является не только то, что она владеет весьма современной техникой анализа, но и то, что один и тот же сравнительно небольшой набор методов может применяться для решения всех задач лингвистического описания на всех уровнях исследования лингвистической структуры.

Методы, разработанные структурной лингвистикой, настолько немногочисленны, просты и универсальны, что могут с успехом применяться и за её пределами. Важнейшими методами анализа, разработанными структурной лингвистикой являются: дистрибутивный анализ, метод дифференциальной бинаризации и компонентный анализ, метод непосредственно составляющих и трансформационный анализ.

С помощью этих методов можно построить законченную модель для данного языка, т.к. они позволяют:

- 1) выделить основные языковые единицы и объединить их в классы эквивалентных элементов,
- 2) проанализировать эти элементы,
- 3) сформулировать правила построения из них таких фраз, которые будут приемлемы для информанта.

Обычно на любом этапе анализа используется одновременно несколько методов, но один из них является при этом основным. Применение любого метода анализа, вообще говоря, невозможно без информанта, т.е. лица, для которого изучаемый язык является родным. Информант должен давать ответы «да» или «нет» на следующие вопросы:

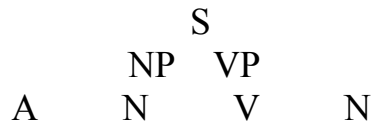
- 1) являются ли предъявляемые формы тождественными или разными?
- 2) говорят так или нет?

Двумя принципиальными методами анализа на синтагматической или горизонтальной оси являются анализ по непосредственно составляющим (НС) и трансформационный анализ.

Анализ по НС заключается в разложении сложного целого на такие 2 и только 2 части, которые структурно выделяются в первую очередь, т.е. из них непосредственно, без каких-либо промежуточных звеньев вырастает целое. Так, английское *ungentlemanly* (неджентель-менский) разбивается сначала на *un-* и *-gentlemanly*, а не на *un-gentleman* – и *-ly*, т.к. *ungentleman* – не встречается как самостоятельная часть где-либо ещё. *Gentlemanly* разбивается на *gentleman-* и *-ly*, а не на *gentle-* и *-manly* (т.к. такая структурная модель не характерна для английского языка). *Gentleman* разбивается, наконец, на *gentle-* и *-man* и анализ считается исчерпанным.

Метод НС используется и для анализа моделей предложения. Если, например, у нас есть предложение «Меткий охотник подстрелил белку», то

лежащая в его основе модель разобьется на НС следующим образом: S – символ предложения, N – существительного, A – прилагательного, V – глагола, NP – именной группы, VP – глагольной группы :

Методом НС можно не только анализировать какую-то цепочку лингвистических знаков, но и синтезировать её. На уровне синтаксиса метод НС обнаруживает одну существенную слабость. Он не «берет» некоторых структурных различий, интуитивно вполне очевидных. Эта трудность решается разработанным лингвистами методом трансформационного анализа. Этот метод формируется в 50-е XX в. годы и представляет собой дальнейшее развитие формальных методов анализа структуры предложения.

В отличие от метода НС, трансформационный анализ допускает одновременную замену всех символов, представляющих компоненты некоторой лингвистической цепочки (ср. трансформацию «рабочие строят дом – дом строится рабочими»). Подобно методу НС, трансформационный метод может быть использован для анализа и для синтеза.

В связи с тем, что трансформационным методом изучения лингвистической структуры в последнее время пользуются довольно широко, понимая под трансформацией любое преобразование фразы, синтаксическую синонимику и т.д., необходимо подчеркнуть, что далеко не всякое преобразование можно считать трансформацией в строгом смысле слова.

Трансформационный метод является строго формальным и действует в рамках:

- 1) определенного набора ядерных конструкций,
- 2) набора морфологических правил образования форм,
- 3) списка допустимых трансформаций,
- 4) списка правил, определяющих порядок применения трансформаций и морфологических правил к ядерным конструкциям.

Методы трансформации как особая система аналитических процедур были введены З. Хэррисом. Первоначальный перечень трансформаций английского языка описан в его работе «Discourse Analysis». Одновременно с ним Н.Хомский начал изучать трансформации и их место в лингвистическом анализе. В 1955 году он защитил диссертацию «Transformational Analysis». Среди учеников З.Хэрриса Н.Хомский выделяется тем, что он создал новое направление в изучении грамматики, которое часто называют трансформационной грамматикой. В действительности работы Н. Хомского заложили основы формальных моделей грамматики.

2.2. Лингвистические исследования в рамках формальных грамматик

Работы Н. Хомского и его последователей, положили начало новому движению в языкознании. Аксиоматические или формальные модели грамматик в настоящее время выделяются в самостоятельное направление исследователей. Это область алгебраической лингвистики, которая развивает свое понимание предмета, свои методы формально-логического анализа. Решающим для определения новой области исследования является вопрос о взаимоотношении общей лингвистической теории и грамматик (описаний) конкретных языков. Общепринятым в лингвистике является мнение, что цель всеобщей теории языка состоит в выявлении аналитических процедур, позволяющих шаг за шагом перейти от конкретных фактов языка к общим законам его структуры.

Н.Хомский становится в резкую оппозицию к общепринятым взглядам. По его мнению, дескриптивная лингвистика, занимаясь разработкой аналитических процедур для открытия общих законов языка, вынуждена уделять внимание бесконечным частностям, связанным с эмпирическим многообразием объекта. Попытка построить описание на базе аналитических процедур заводит лингвиста в бесконечный лабиринт тривиальностей, которые заслоняют действительно важное и существенное в языке. Как показывает опыт наиболее развитых эмпирических наук, в том числе физики, теория, которая ставит задачей дать практичный и механический метод получения описания из эмпирических данных, не допускает формализации. Хомский говорит, что такая теория должна была бы дать процедуру открытия грамматик (англ. discovery procedure).

Более слабое требование заключается в том, чтобы теория давала механическую процедуру для оценки адекватности грамматики относительно данной совокупности текстов. О теории, не затрагивающей вопрос о том, как строится описание, говорят, что она представляет собой процедуру суждения (англ. decision procedure). И снова такое условие было бы слишком непомерным, как свидетельствует, например, классическая математика, которая не может механически определить, является ли данное утверждение теоремой или нет.

Ещё более слабым требованием к теории является требование дать процедуру выбора грамматик (англ. choice procedure). При этом имея совокупность высказываний и две грамматики G_1 и G_2 можно формально решить, какая из них лучше для данного языка. Все эти подходы к постановке задач теории можно изобразить схематически.

Схема 1. Текст	Грамматика	(Как?)
Схема 2. Текст	Грамматика	Да/Нет
	(Правильная?)	

Схема 3. Текст

Грамматика 1

Грамматика 2

Грамматика 1/Грамматика 2

(Какая?)

На схеме 1 представлена теория, понимаемая как кибернетическое устройство (формальная модель), получающая на входе совокупность высказываний и выдающая на выходе грамматику, т.е. теория, дающая формальную процедуру открытия, имитирующая деятельность лингвиста. На схеме 2 показан механизм с грамматикой и текстом в качестве входов и ответами ДА/НЕТ на выходе, означающими правильность/неправильность грамматики. Схема 3 представляет собой теорию с грамматиками G1 и G2 и текстом на входе и решением о предпочтительности G1 или G2 на выходе, т.е. теорию дающую процедуру выбора грамматик.

2.3. Основные понятия алгебраической лингвистики

Хомский считает неразумным требовать от лингвистической теории чего-либо большего, чем механической процедуры выбора грамматик. Между тем лингвисты стремятся к удовлетворению самого сильного из возможных требований. Здесь возникает необходимое разветвление путем исследования. Алгебраическая лингвистика в качестве объектов изучения должна иметь несколько грамматических описаний, каждое из которых было бы совместимо с эмпирическими фактами языка. Только при таких исходных данных она может разрабатывать формальные процедуры выбора грамматик. Иначе обстоит дело с объектом и задачами структурной лингвистики. Исходные данные здесь ограничены наблюдениями за текстом и поведением говорящих, задачи сводятся к открытию, реконструкции структуры языка (схема 1).

Сравнивая между собой разные задачи лингвистической теории, нельзя не согласиться, что возможности формализации в обоих случаях резко расходятся. Вероятнее всего, что построение формальной теории лингвистического исследования, тем более экспериментальной модели, имитирующей деятельность лингвиста, окажется в принципе невозможным на современном этапе науки. Однако если допустить, что эмпирическая работа в этом направлении вовсе прекратится, то будут сняты и проблемы алгебраической лингвистики. По существу аксиоматические теории языка представляют собой метатеории по отношению к обычным лингвистическим теориям. Они оперируют не только с текстовыми данными (естественными языками), но главным образом, с различными описаниями естественных языков (или с метаязыками).

Таким образом, не следует думать, что постановка задач алгебраической лингвистики отрицает понимание предмета структурной лингвистики.

Напротив, взаимоотношение между ними удовлетворяет принципу дополненности. Оба отдела лингвистики обогащают друг друга. Формальные грамматики могли возникнуть только на фундаменте структурного анализа языка – дистрибутивных и трансформационных описаний. Можно говорить в этом смысле о наличии прямой связи между ними. Обратное же воздействие имеет место благодаря тому, что алгебраические модели языка углубляют наши знания о синтаксических структурах и приводят к более корректной постановке задачи анализа структурных свойств языка.

Математическому моделированию присущ промежуточный характер: строится модель не самого языкового феномена, а описания языка, или иначе модель нематематического описания языка. При этом формальная грамматика выступает посредником между оригиналом и его описанием.

Формальная теория не содержит в себе операционных определений, устанавливающих соответствие терминов модели с языковыми единицами. Например, она не дает механической процедуры для распознавания того, какие слова относятся к существительным или иным категориям. Она ограничивается синтаксическими определениями символов. За лингвистикой остается построение грамматик, которые описывают предложения конкретных языков и устанавливают правила корреспонденции между символическим аппаратом теории и единицами текста.

Возможное разделение труда между лингвистами и математиками может привести к сотрудничеству, при котором каждый из них наилучшим образом сможет решать свои задачи. Алгебраическая лингвистика открывает новый аспект логико-математического моделирования языка. В целом она должна рассматриваться как метатеория второго, более высокого слоя по отношению к собственно лингвистической теории. Решение задач формальной оценки грамматик оказывается возможным только при условии, что описание языка в свою очередь представляет формальные модели. Термин «грамматика» у Хомского получает новое осмысление по сравнению с принятым в лингвистике.

В теории формальных грамматик используются лингвистические термины: предложение, язык, грамматика, грамматическая структура, а также некоторые необычные для традиционной лингвистики понятия: грамматическая правильность предложения, правила порождения фразы. Каждый из этих терминов имеет однозначное понимание. Некоторые понятия являются исходными, они имеют лишь иллюстративные определения (не строгие), другие выведены из первых. Алгебраическая лингвистика оперирует лишь абстрактными терминами, лишенными того смысла, который передается им эмпирической лингвистикой («бессодержательные» термины). Именно такой подход позволяет проникнуть в глубинные процессы грамматики языка и описать наиболее общие её закономерности.

Предложение рассматривается как последовательность (цепочка) букв некоторого алфавита, например, фонем, морфем и словоформ. Язык L

понимается как множество (конечное и бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов (символов алфавита). Все естественные языки в их письменной или устной форме являются языками в указанном смысле, поскольку в них имеется конечное число фонем и каждое предложение можно представить как конечную последовательность фонем, хотя количество предложений бесконечно велико. Подобным же образом множество «предложений» некоторой формализованной математической теории можно рассматривать как язык, например, язык алгебры.

Как видно, понятие языка L у Хомского формализовано, рассматривается вне плана содержания, в отличие от обычной лингвистики берется только алгебраический аспект языка. «Язык» выступает как родовое понятие, охватывающее как естественные, так и формализованные языки $L = EЯ, ИЯ$. Тексты естественного языка можно представить в виде «предложений», составленных из фонем или морфем, или словоформ. При этом они не рассматриваются в плане выражения смысла как сообщение. Формальное изучение структуры таких цепочек символов и составляет предмет алгебраической лингвистики.

2.4. Порождение грамматически правильных предложений

На множестве предложений задается предикат грамматической правильности. Это неопределяемое понятие, которое можно пояснить следующим образом. Основная проблема формального анализа состоит в том, чтобы отделить грамматически правильные последовательности символов, которые являются предложением языка L , от грамматически неправильных, которые не являются предложениями в L . Хомский указывает некоторые неправильные ответы на вопрос о том, что такое грамматическая правильность.

Множество грамматически правильных предложений не тождественно с совокупностью высказываний, полученных лингвистом. Любая грамматика данного языка проецирует конечную случайную совокупность высказывания на множество (бесконечное) грамматически правильных предложений. В этом отношении грамматика отражает поведение носителей языка, которые на базе конечного и случайного языкового опыта в состоянии произвести и понять бесконечное число новых предложений. Любой логический «анализ» грамматически правильного, в L может пониматься как объяснение этого фундаментального аспекта языкового поведения.

Понятие «грамматически правильный» нельзя отождествлять с понятием «осмысленный», «значимый». Всякие поиски определения грамматической правильности через семантику тщетны. Сравним следующие

английские примеры; они одинаково бессмысленны, но правильным является только первое из них:

1) Colorless green ideas sleep furiously.

(Бесцветные зеленые идеи спят яростно.)

2) Furiously sleep ideas green colorless.

Понятие «грамматической» правильности в английском языке нельзя отождествлять с понятием «статистически частый».

С уверенностью можно предположить, что ни (1), ни (2) никогда не появлялись в английской речи. Значит, по любой статистической модели грамматической правильности оба они были бы отброшены. Тем не менее, первое – грамматически правильно. Носитель языка прочтет первое с правильной интонацией и легко запомнит его. А второе будет читать с интонацией, падающей на каждом слове, т.е. как последовательность бессвязных слов.

Источником недоразумения служит обычай считать грамматически правильными те предложения, которые «могут встречаться», «возможны» т.е. «имеющие большую вероятность». Статистическое изучение не имеет прямого отношения к понятию множества грамматически правильных высказываний. Грамматика автономна и независима от наблюдения значения, и вероятностная модель не дает особого проникновения в сущность основных проблем синтаксической структуры.

Очевидно, грамматическое или грамматически правильное предложение языка есть конструктор, т.е. тип, отражающий существенные особенности предложения английского языка в отличие от других языков. Другими словами, это класс предложений одного языка, в отличие от класса (классов) предложений другого языка. Так, чтобы определить этот класс классов, нужно обнаружить инвариант в структурах предложений, связать его операционными правилами с текстовыми предложениями. В текстовом предложении не всегда явно, наглядно можно рассмотреть эти существенные особенности предложения вообще, нужен механизм для интерпретации, анализа и нахождения в конкретном высказывании признаков грамматической правильности предложения. Это должна делать формальная теория структуры языка.

ГРАММАТИКА ЯЗЫКА $G(L)$ представляет собой своего рода механизм (формальное устройство, автомат), порождающий все грамматически правильные последовательности языка L , и не порождающий ни одной грамматически неправильной. Понимание грамматики как порождающего устройства представляет значительный интерес. При эмпирическом подходе к языку грамматикой называют правила для построения предложений, которыми пользуются говорящие на этом языке. При этом весь процесс манипулирования правилами остаётся скрытым от исследователя, ему не требуется точно и явным образом формулировать эти правила.

Иначе ставится вопрос о грамматике в алгебраической лингвистике. Она описывается как совокупность правил порождения предложений. Необходимо объяснить термин «порождать» (англ. Generate). Не следует смешивать этот термин с «производить» (англ. Produce). В математическом смысле понятие порождения – синоним перечисления, выбора посредством некоторого правила. Имеется в виду «эффективная процедура» вычисления или рекурсивного перечисления членов множества X . Процедура считается эффективной, поскольку это чисто механический, поэтапный процесс, приводящий к определённому результату.

Техника порождения предложений формальными грамматиками сводится к собиранию целого из кусков, к сцеплению символов. Цель порождающей грамматики – описать язык как множество (конечное или бесконечное) комбинаций символов (служащих аналогами предложений), которые построены с помощью конечного алфавита, служащего аналогом словаря. Существенной особенностью порождающей грамматики является её ориентация не на описание готовых предложений как они выступают в тексте, а на процесс их порождения, выведения из некоторых начальных элементов. Здесь открывается генеративный подход к синтаксису, динамический его аспект, в отличие от статистического, которым преимущественно занималась традиционная грамматика. Понятие «порождать» не следует также смешивать с понятием «синтезировать» или «анализировать» предложение.

Формальные грамматики вполне нейтральны по отношению к говорящему и слушающему, по отношению к синтезу и анализу высказываний. Грамматика не говорит нам, как синтезировать любое конкретное высказывание, она не говорит и того, как анализировать то или иное заданное высказывание. Фактически задачи, которые должны решать говорящий и слушающий, тождественны в своем существе и выходят за пределы порождающей грамматики. Каждая из таких грамматик есть просто описание некоторого множества высказываний, имение тех, которые она порождает. С помощью этой грамматики можно реконструировать формальные отношения, справедливые для высказывания в терминах определённой структуры и т.д. Такая грамматика порождает все грамматически «возможные» высказывания, т.е. типовые структуры предложений, может служить базой для анализа и синтеза конкретных высказываний.

G порождает все предложения данного языка, т.е. указывает способ их механического перечисления – без обращения к ситуации или дополнительным рассуждениям. G не производит предложений, порождаемых ею подобно говорящему. Слушающий использует ту же G , что и говорящий (грамматика порождает все множества предложений в целом, не упорядочивает их каким-либо способом). Производить предложения и

понимать их – очень разные действия, однако нет оснований думать, что у этих предложений не одна, а несколько грамматик.

В алгебраической лингвистике грамматика рассматривается независимо от её применения говорящим для построения текста независимо от понимания содержания сообщений слушающим. Грамматика языка L в сущности есть теория языка L (модель). Подобно любой формализованной теории, она основывается на конечном множестве высказываний (наблюдений). Задачи её состоят в установлении общих законов в терминах гипотетических конструкторов, которые предсказывают новые явления, т.е. выражают соотношения между наблюдаемыми предложениями и бесконечным числом порождаемых предложений (возможных для данного языка). Грамматика языка L в частности должна дать определение конструктора «грамматически правильное предложение в L », т.е. объяснить грамматически правильное предложение, через понятие «наблюдаемого предложения».

Порождающая грамматика, рассматриваемая как теория языка (предложения), связана с моделированием его структуры. Естественно исходить из возможности построения различных моделей языка. Тип модели во многом будет зависеть от задания исходного алфавита символов, т.е. от выбора в качестве первоэлементов языка единиц типа фонем, морфем, фраз и т.д. Модель языка зависит также от механизма порождения (вида порождающих правил). Простейшая грамматика порождает предложение как одноуровневую цепочку символов. Более сложный механизм порождает предложение как структуру с несколькими уровнями. Одним из важнейших результатов лингвистики является постановка проблемы обоснования грамматик или общей теории грамматик как метатеории по отношению к некоторым моделям языка (формальным грамматикам).

Конечная цель алгебраической лингвистики по Н.Хомскому сводится к формальному методу выбора грамматики и сравнения её с другими предложенными грамматиками. Её интересует описание форм (типов) грамматик (или описаний структуры языка) и изучение эмпирических последствий принятия определенной теории структуры. Хомский попытался формально, математически описать возможные типы, модели грамматик. При этом он воспользовался традицией, накопленной в языкознании, формализовал описание предложения в терминах НС, построил трансформационную грамматику, обобщив некоторые приемы трансформационного анализа. Н.Хомский выделил три модели языка (теории структуры): язык с конечным числом состояний, модель фразовых структур (или НС) и трансформационная модель. Он показал, что последняя модель является самой эффективной, поскольку отвечает двум требованиям: адекватности и простоты. Она применима для порождения большого количества высказываний на естественном языке и позволяет сконструировать наиболее компактную грамматику естественного языка.

2.5. Причины неудач порождающих грамматик

Математическая модель, примененная за пределами математики, оказывается на уровне тени или отражения в воде: во-первых, никакая модель в конечном счете не тождественна воспроизводимому объекту, во-вторых, ее конструктивные характеристики отнюдь не свободны, а, напротив, заданы реальными свойствами моделируемого объекта. Об этом реальном различии между математикой и вещественно-предметными науками забывают многие исследователи, занимающиеся построением моделей языка, – с тем результатом, что их продукция, небезынттересная для психологии научного творчества, в итоге оказывается иррелевантной по отношению к естественным языкам.

Именно к этому классу ситуаций принадлежит тупик, в который зашли трансформационный анализ, порождающая грамматика и порождающая семантика, которые мы в дальнейшем будем обозначать общим названием квазилингвистика Хомского. В накопленных наукой достоверных знаниях о языке содержатся многочисленные факты, свидетельствующие о том, что к числу наиболее существенных, фундаментальных свойств языка принадлежат четыре пары диалектически противоречивых характеристик:

- 1) язык одновременно оказывается синхронически стабильным и диахронически изменчивым,
- 2) язык одновременно выступает как социально обусловленная система и как индивидуально варьируемое отклонение от неё,
- 3) язык одновременно характеризуется структурной упорядоченностью своих единиц и вероятностной неопределенностью их выбора,
- 4) язык одновременно обладает синтагматической однозначностью составных единиц и парадигматической многозначностью их компонентов.

Если концептуальная схема, претендующая на роль теории по отношению к языку, не в состоянии удовлетворительным образом объяснить четыре названные выше антиномии, то из этого следует, что данная схема, быть может, и является теорией чего-то, но это описываемое ею что-то представляет собой некий специфический объект, который нельзя отождествить с естественным языком.

Именно так обстоит дело с квазилингвистикой Хомского: по отношению к естественным человеческим языкам эта концептуальная схема продемонстрировала очевидное бессилие. Ни изменчивость языкам и его социальная обусловленность, ни его вероятные характеристики, ни полиморфизм компонентов его сложных целых не получили удовлетворительного объяснения в квазилингвистике Хомского.

В квазилингвистике Хомского объект исследования выступает во-первых, как имманентно стабильная система, употребляемая в рамках некоторого панхронически фиксируемого набора правил порождения, во-вторых, как система возникающая у индивида в силу его врожденной

способности к речевой деятельности, в-третьих, все элементы и операторы этой системы в равной мере безразличны по отношению к вероятным распределениям, в-четвертых, язык представляется как вполне детерминированная система перехода от глубинных структур к поверхностным.

Начнем рассмотрение с последнего положения как легче всего поддающегося анализу. Оно построено на молчаливом предположении того, что переход от мысли к высказыванию однозначно определяется некоторой детерминированной последовательностью операции, т.е. алгоритмом перехода. Однако это чрезвычайно ответственное допущение не доказывается. Конечно, допущение Хомского об алгоритмическом характере перехода от мысли к высказыванию может быть сформулировано и без доказательств, на уровне постулата, однако это возможно лишь при том условии, что ему не будут противоречить факты естественных языков.

Рассмотрим простейший пример:

Вопрос: – А куда девался тот слабенький цыпленок?

Ответы:

1. Тот слабенький цыпленок давно уже съеден соседской кошкой.
2. Того слабенького цыпленка давно уже съела соседская кошка.

В этих двух ответах совпадают:

- а) денотат
- б) лексическая семантика
- в) стилистическая характеристика
- г) актуальное членение.

Различие между ответами сводится к оппозиции залоговых конструкций. Спрашивается, каким внутренним элементом языковой структуры детерминирован выбор одного из этих двух ответов? Иначе говоря, где тот оператор, который обязывает говорящего предпочесть в терминах квазилингвистики Хомского – переход от ядерной структуры к развертыванию фразы в пассиве и переходу от этой последней к развертыванию фразы в активе? Или, наоборот, где тот оператор, который заставляет говорящего поступить противоположным образом. Если же таких операторов безусловного перехода нет, иначе говоря, если наличествуют лишь операторы условного перехода, т.е. существует альтернатива выбора, то каковы те условия, которыми этот выбор определяется?

В книге «Синтаксические структуры» [47] Хомский рассматривал пассивную трансформацию, как факультативную, т.е. истолковывал выбор между активной и пассивной конструкциями в терминах работы оператора условного перехода. Однако относительно условий, определяющих эту работу, во всей книге не было сказано ни слова, тем самым, выбор о том, являются ли эти условия внутрилингвистическими или экстралингвистическими, на этом этапе попросту не рассматривался. После выхода в свет работы Каца и Постала Хомский пересмотрел свою точку зрения и в книге

«Аспекты теории синтаксиса» [53] стал расценивать пассивную трансформацию уже как обязательную в том смысле, что существует некий фразовый маркер (а именно № 26), появление которого где-то на полпути между глубинной структурой и поверхностной делает применение пассивной трансформации принудительным. Иначе говоря, переход к пассивной конструкции рассматривается теперь в терминах работы оператора безусловного перехода.

Рассмотрим внимательнее ситуацию, возникающую после введения такого оператора в трансформационную грамматику. Оператор «фразовый маркер №26» ни в коем случае не может принадлежать глубинной структуре, весь смысл постулирования которой именно в том, чтобы сконструировать инвариант различных поверхностных структур (в данном случае активной и пассивной). Об именной непричастности глубинной структуры к специфическим чертам разных поверхностных образований Хомский говорил так часто и столь обязывающим образом, что отказаться от данного постулата значило бы лишить фундамента все «здание», после чего оно либо повисло бы в воздухе, либо рухнуло бы. Поэтому остается единственный выход: поместить «фразовый маркер № 26» между глубинной и поверхностной структурами, т.е. внутрь алгоритма перехода от первой ко второй.

Таким образом, в лице «фразового маркера № 26» мы получаем удивительный феномен: данный оператор однозначно детерминирует переход к пассивной грамматической конструкции и благодаря этому составляет часть грамматического уровня языка, однако природа включения самого этого оператора остается полностью скрытой, в силу чего цена его собственного детерминизма неотличима от нуля.

В ряде подязыков построение фразы в пассиве значительно более распространено, чем это имеет место для языка в целом. Рассмотрим следующие примеры:

1) «Гипотеза Римана с этой точки зрения нами ещё не рассматривалась» вместо «Мы еще не рассматривали гипотезу Римана с этой точки зрения» (математика).

2) «В нашей стране паровозы давно уже заменены тепловозами и электровозами» вместо «В нашей стране тепловозы и электровозы давно уже заменили паровозы» (техника).

Естественно, что человек, часто употребляющий такие конструкции в силу принадлежности к соответствующей профессии, будет иметь подсознательную тенденцию переносить привычные для него обороты речи за пределы своего профессионального подязыка и непроизвольно предпочтет первый ответ второму.

Стремление к однозначным решениям в квазилингвистике Хомского выражается не только в попытках жестко детерминистского объяснения переходов от мысли к речи, но и в пренебрежении к типологическим

различиям между языками. Порождающие схемы у Хомского строятся с верой в то, что все необходимое и достаточное для описания английских структур будет так же необходимым и столь же достаточным при описании прочих разных языковых систем, т.е. он исходит из допущения, что трансформационные и генеративные компоненты английской языковой системы являются сплошными универсалиями.

На англоцентризм построений Хомского уже указывали многие, например, Коллиндер, однако слабость квазилингвистики вскрыл Даниэльсон. Опираясь на материал более чем 30 языков, он показал, что выполненный Хомским в его книге «Язык и мышление» [54] анализ предложения «A wise man is honest», во-первых, плохо экстраполируется внутри даже английского языкового материала, во-вторых, никак не может быть сочтен достаточным для изучения содержательно эквивалентных предложений других языков.

Стремление к описательной однозначности и жесткому детерминизму в квазилингвистике Хомского возникает отнюдь не случайно: во-первых, такое стремление основывается на определенном философском базисе, во-вторых, оно порождается автодидактной узостью лингвистического кругозора. Но того, что в какой-то мере простительно Хомскому, который, в сущности, не лингвист, а логик, нельзя простить последовавшим за ним языковедам, в любом случае обязанным знать факты на профессиональном уровне. Не подлежит сомнению, что неверная философская концепция языка, принятая на вооружение в квазилингвистике Хомского, в немалой степени ответственна за неадекватность его однозначно определенной, сугубо алгоритмизированной модели тому лишенному однозначности и отнюдь не алгоритмически построенному человеческому языку, который мы употребляем в повседневной жизни.

Переходя к панхронизму трансформационного анализа, порождающей грамматике и порождающей семантике, отметим, что для правильного понимания сути дела совершенно необходимо понятие толерантности. Напомним о различии между эквивалентностью и толерантностью: первая из них обязана обладать свойством, «если А эквивалентно В и В эквивалентно С, то из этого следует, что А эквивалентно С», тогда как для второй дело обстоит совершенно иначе, а именно: «если А толерантно В и В толерантно С, то А может быть толерантно С, но отнюдь не обязательно». Простейшим примером отношения толерантности в языке могут служить синонимы. Возьмем ряд: «дымка-марево-мгла-туман-пар». Любые два соседние слова из этой цепочки синонимы, однако, её два крайние члена уже не могут считаться синонимами.

По законам отношения толерантности происходит и изменение языка во времени. Англичанин времен Чосера и британец эпохи Шекспира с грехом пополам сумели бы разговаривать друг с другом, то же следует предполагать относительно диалога между современниками Шекспира и

Голсуорси, однако можно быть уверенным в том, что англичанин из века Чосера и житель современной Великобритании не смогли бы толком объясниться.

Именно в толерантности внутри цепи последовательных языковых состояний кроется сущность первых из 4-х антимоний, перечисленных в самом начале нашего рассмотрения. Язык одновременно стабилен в такой мере, что смежные поколения всегда могут понять друг друга, и изменчив - в такой степени, что через определенное число поколений мы уже имеем дело с новым языком: француз должен специально изучать латынь, чтобы читать Цезаря в подлиннике.

Языковые изменения имеют тысячи причин, крупных и мелких, внутренних и внешних, по отношению к языку легко заметных и глубоко скрытых. Изучение истории разных языков показывает, что крайне редко эти причины действуют поодиночке, намного чаще они переплетены в трудно распутываемый клубок. Лингвисты в большинстве случаев знают, как что-то изменялось в языке, но гораздо реже могут ответить на вопрос, почему это произошло.

О внеисторичности трансформационного анализа уже писалось не раз: с наибольшей определенностью на данную тему высказался Мизл. В связи с этим представляет большой интерес анализ, выполненный Итконеном. Анализируя попытку Кинга применить методы порождающей грамматики к описанию истории языка, Итконен указывает на то, что эти усилия свелись к установлению диахронических соответствий между последовательными синхроническими грамматиками в терминах добавления новых порождающих правил при переходе от века к веку, устранения некоторых из старых и переупорядоченности части старых по-новому. Он подчеркивает, что переходы от одного синхронного состояния к другому при такой интерпретации оказываются дискретными переключениями.

В реальной истории языка дело обстоит как раз противоположным образом: изменения в языковой структуре происходят не путем переключения, а постепенными сдвигами, непрерывными изменениями состояния языка, которые могут выглядеть дискретными переключениями лишь тогда, когда мы ничего не рассматриваем, кроме начальной и конечной точек переходного процесса.

Панхронизм (лучше сказать ахронизм) построений квазилингвистики Хомского имеет своим логическим следствием «теорию переключателей». Это позволяет сравнительно легко обнаружить его предшественников. Например, Ж.Кювье, не признававшего никаких промежуточных форм, никаких эволюционных сдвигов, т.е. говоря современным языком, никаких переходных процессов, связывающих различные состояния объекта отношениями толерантности. В его изложении одна система классов эквивалентности при очередном катаклизме целиком сменилась другой

системой таких классов, нанизанные цепочки подобных катаклизмов и составляли его знаменитую «теорию катастроф».

Воздавая должное Гобосу, Ламетри и Кювье, тем не менее, среди философских предков Хомского мы обязаны поставить на первое место Декарта. В пользу этого выделения свидетельствует не кто иной, как сам Хомский; им написана специальная книга, посвященная Декарту вообще и «картезианской лингвистике» в частности.

В литературе вопроса высказаны весьма критические суждения по поводу того, насколько верна концептуально (да и фактически) нарисованная Хомским картина «рационалистской теории языка». Столь же острой критике подвергаются попытки Хомского построить теоретическую базу его квазилингвистики на картезианской основе: одни критики этих попыток находят серьезные противоречия в самой внутренней структуре его аргументации, другие фиксируют несоответствие концепции «врожденных идей» тому, как в действительности происходит усвоение языка ребенком; третьи указывают на необоснованность стремления Хомского рассматривать язык как самодовлеющую формальную систему, лишь случайно связанную с коммуникацией, четвертые подчёркивают идеализм философской теории картезианства и результирующую идеалистичность порождающих грамматик.

Основная идея, которую Хомский извлекает из картезианства, состоит в том, что существует некая универсальная грамматика, эксплицирующая фундаментальные свойства разума и состояния из заданного комплекса глубинных структур. В частности, Хомский ищет в синтаксисе проявление принципов нервной организации, которые мыслятся им как инвариант по отношению к конкретным языкам: в другом месте он утверждает, что языковое значение по сути дела не связано с коммуникацией, более того, даже с попыткой к общению.

Таким образом, перед нами дилемма:

1) либо мы согласимся с тем, что язык как объект есть автономное порождение разума, не нуждающегося в коммуникации для продуцирования такого объекта, и тогда Хомский прав;

2) либо мы признаём, что вне общения нет языка, благодаря чему и онтогонезис, и свойства последнего могут быть поняты только через анализ его функционирования в обществе, и тогда концепции Хомского иррелевантны по отношению к языковедению.

Одним из сильных аргументов против «картезианской лингвистики» является тот многократно подтвержденный факт, что младенцы, потерянные в джунглях и через несколько лет найденные живыми, не только не вырабатывают языка сами, но и практически не в состоянии овладеть речью своих спасителей. Выясняется, что в подобных ситуациях «врожденные идеи» беспробудно спят, глубинные структуры наотрез отказываются выходить наружу, а механизм универсальной грамматики за

годы, проведенные в джунглях, становится непоправимо проржавевшим и, несмотря на все усилия окружающей человека среды, упорно не желает работать.

Ленинская теория отражения дает простой и ясный ответ на вопрос, почему ситуация с языком оказывается качественно различной у ребенка в джунглях и у ребенка среди людей: они оба отражают в своем сознании свойства природного мира, но только второй из них сталкивается с миром социальным и отражает в своем сознании его характеристики, среди которых важнейшей является язык. Период детства, конечно, является решающим в овладении родным языком, однако развитие языковой системы индивида не прекращает меняться вместе с остановкой его биологического роста.

Во-первых, за среднее время человеческой жизни язык окружающих не слишком сильно, но все же успевает измениться, вместе с ним в какой-то степени эволюционируют все индивидуальные речевые системы носителя этого языка – прежде всего за счет новых слов (остальные уровни языка менее лабильны, но тоже подвержены изменениям, хотя и более медленным).

Во-вторых, выйдя из детского возраста и вступив в самостоятельную жизнь, индивид, как правило, включается в какую-то профессиональную или хозяйственную деятельность, у него возникают определенные устойчивые интересы, он участвует в действиях микроколлективов различного рода – все это отражается в его сознании и сказывается на эволюции его индивидуально-речевой системы. В терминах социолингвистики это означает, что наряду с той частью языка, которая является общей всем его носителям, индивид приобретает навык употребления специальных подъязыков, тем самым модифицируя свою языковую систему в сторону её максимального приспособления к специфическим условиям своей личной, профессиональной и общественной жизни.

Подъязыковое варьирование происходит прежде всего на лексическом уровне, но отнюдь не ограничивается таковым. Подъязыки также оказываются главными поставщиками инноваций не только в развитии речи индивида, но и в эволюции языка как целого: онтогенез и филогенез имеют здесь общий источник движения, лежащий за пределами внутриязыковой системы и в силу этого имманентно недоступный квазилингвистической формализации. Хомского неоднократно упрекали за маркирование количественными характеристиками языковых единиц, причем не только специалисты по лингвостатистике, но и языковеды, в общем далекие от математической лингвистики.

Многие лингвисты считают количественные характеристики относящимися не к структуре языка, а к системе речи. Такая постановка вопроса основана на печальном недоразумении: смешиваются три совершенно разных вида вероятностей, связанных с языком, а именно:

речевая, языковая, метаязыковая. Каждой языковой единице (группе единиц) присуща некоторая вероятность ее появления в коммуникативной сфере, вероятность, заданная фактически складывающимися пропорциями элементов в потоке речи. Здесь мы имеем дело с речевой вероятностью, существующей независимо от наличия или отсутствия исследователей данного языка.

Лингвист, изучающий относительную частоту появления языковой единицы (группы единиц) как манифестацию её объективной речевой вероятности, в результате своих измерений получает некую величину, каковая с заданной точностью и оценкой статистической достоверности моделирует истинную речевую вероятность. Эта величина является частью метаязыкового описания и соответственно должна быть названа метаязыковой вероятностью.

В сознании носителей языка корреляции между объективными вероятностями языковых единиц (групп единиц) отражаются с точностью до градации пятиступенчатой интуитивно-статистической шкалы «всегда-часто-неопределённо-редко-никогда». Субъективные отражения этих соотношений между вероятностями лингвистических единиц (групп единиц) присутствуют в сознании носителей языка как оппозиции, устойчиво закреплённые в его памяти и известные ему сами по себе, вне привязки к фиксированному контексту, т.е. на парадигматической оси. Именно в силу этого они и составляют часть системы языка. Только такие субъективные оценки, постоянно присутствующие в сознании носителей языка, имеют право называться языковыми вероятностями, только они составляют базу множества структурно-вероятностных разбиений единиц языка в синхронии и количественных сдвигов в диахронии.

Для иллюстрации достаточно одного лингвистического примера. Почти в каждом языке есть подкласс существительных множественного числа *pluralia tantum* (сани) и подкласс существительных единственного числа – *singularia tantum* (тепло), все остальные существительные множественного числа принадлежат к подклассу обладателей двух форм числа (если отвлечься от несклоняемых). Но есть большое различие между такими существительными, как «солнце» и «развитие», формы множественного числа которых крайне редки и у носителей русского языка, т.к. вызывают интуитивно-статистическое ощущение чего-то весьма необычного, и такими именами, как «оладья» или «габарит», формы единственного числа у которых встречаются гораздо реже, чем формы множественного и опять-таки вызывают у носителей языка острое ощущение раритетности. Структурно-вероятностные свойства таких существительных конституируют еще два подкласса: доминантно-сингулярных имен (солнце) и доминантно-плюральных (оладья).

В противоположность этому квазилингвистическая схема исходит из двух чрезвычайно сильных допущений: во-первых, в терминах нулевой

или единичной вероятности, во-вторых, в допущении, что изменения в языке происходят только скачкообразным способом от одной крайней вероятности к другой. Оба эти допущения элементарно опровергаются фактическим материалом но, тем не менее, их научно некорректное использование продолжается в квазилингвистике по сей день.

Такого рода заблуждения не новы: тут предшественниками Хомского были П.А. Гольбах и П.С. Лаплас, отрицавшие объективное существование случайностей и тем самым существование заданных ими вероятностных распределений.

Подводя итоги рассмотренному материалу, следует констатировать, что модель языка, построенная в квазилингвистике Хомского, неадекватна своему объекту, т.к. она с искажениями описывает его наиболее существенные свойства: сочетание изменчивости со стабильностью, сочетание социального с индивидуальным, сочетание структурного с вероятностным, сочетание однозначности с полиморфизмом.

Выводы

Таким образом, Н. Хомский, как и его последователи, заложил основы так называемой алгебраической лингвистики, развивающейся на основе методов формально-логического анализа. Алгебраическая лингвистика описывается как совокупность правил порождения предложений. В рамках такой лингвистики грамматика рассматривается независимо от понимания содержания сообщений слушающим. Грамматика языка основывается на конечном множестве высказываний. Порождающая грамматика связана с порождением структуры языка. При этом существует возможность построения различных моделей языка. Тип модели зависит от задания исходного алфавита символов.

Простейшая грамматика порождает предложение как одноуровневую цепочку символов. Более сложный механизм порождает предложение как структуры с несколькими уровнями. Н. Хомский формализовал описание предложения в терминах непосредственно составляющих, построил трансформационную грамматику, обобщив приемы трансформационного анализа. Он выделил три модели языка: язык с конечным числом состояний, модель фразовых структур (НС), трансформационная модель, которая, по его мнению, считается наиболее эффективной, так как отвечает двум основным требованиям: адекватности и простоты, она может быть использована для порождения большого количества высказываний на естественном языке.

Глава 3. СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАДЕЖЕЙ ПО Ч. ФИЛЛМОРУ

Вопрос о существовании глубинной структуры предложения интересовал ученых на протяжении многих лет. Многие лингвисты внесли определенный вклад в изучение развития «плана выражения» на основе «плана содержания», т.е. построение структуры предложения на основе глубинного смысла в зависимости от его общего содержания. Каждое предложение строится по формальным признакам при соблюдении определенного порядка составляющих его компонентов это, как правило, Subject (S), Predicate (P), Object (O), или как минимум, Subject – подлежащее и Predicate – сказуемое. Формальное предложение, построенное на основе формальной логики, может и не иметь смысла это, как например, предложение: Colorless green ideas sleep furiously. Бесцветные зеленые идеи спят яростно.

Здесь соблюдены формальные признаки построения английского предложения: имеется подлежащее – ideas (S), сказуемое – sleep (P) и второстепенные члены. Подлежащее распространено определениями green и colorless. Сказуемое дополнено обстоятельством образа действия – furiously, т.е. мы видим предмет как бы выполняющий действие, какой это предмет, так как есть его характеристики по цвету и показано как выполняется действие. Однако все это предложение в целом абсурдно и не имеет смысла как абсурдно и другое, построение грамматически правильного предложения: Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка. В этом предложении есть имена, есть предикаты, но нет смысла. Налицо деятель, выполняющий действие, присутствует характеристика (глокая), показано как выполняется действие – штеко и далее над кем оно выполняется теперь. Но смысл этого предложения отсутствует полностью. «План выражения» – формальная структура предложения представлен правильно, а «план содержания» не выдержан, не имеет никакого отражения.

Некоторые зарубежные лингвисты, а впоследствии и отечественные стали обращать внимание не только на «план выражения», но и на «план содержания». Ч. Филлмор явился одним из них. Рассмотрим, как он занимался изучением глубинных структур, и какие семантические падежи, т.е. роли, он выделяет в рамках определенных предложений – высказываний. Падеж у него не грамматический. Понятие «падеж» подразумевает роль структурных компонентов предложения.

3.1. Особенности выявления синтаксических категорий

Как считает Ч. Филлмор, ученые, прилагавшие усилия к тому, чтобы выявить синтаксические категории, общие для всех языков мира, обычно включали в свое рассмотрение следующие три круга вопросов, тесно связанных между собой, но, тем не менее, все же различающихся: «(1) Каковы формальные и субстанциальные универсалии синтаксической структуры? (2) Существует ли универсальная база, и если существует, то каковы ее свойства? (3) Существуют ли какие-либо универсальные ограничения на то, каким образом глубинно-синтаксические представления предложений находят свое выражение в виде поверхностных структур?»

Что касается формальных универсалий, то к ним можно отнести утверждение Н. Хомского о том, что всякая грамматика должна иметь базовый компонент, позволяющий задать глубинную синтаксическую структуру всех предложений данного языка (и только их) и содержать еще по крайней мере набор трансформационных правил, функцией которых является отображение множества глубинных структур, порождаемых базовым компонентом, в множество структур, которые уже более непосредственно сопоставимы с фонетическими описаниями высказываний в данном языке. [47,53]

Важным высказыванием на тему о субстанциальных синтаксических универсалиях служит утверждение Лайонза (Lyons, 1966, p. 211, 223) о том, что во всякой грамматике должны фигурировать такие категории, как Имя, Предикат и Предложение, а прочие грамматические категории и признаки могут использоваться в разных языках по-разному. Кроме того, Бах (Bach, 1965) представил аргументы, дающие основания полагать, что существует универсальный набор трансформаций, из которого каждый язык черпает свои трансформации; он показал также, какой вид могут иметь подобные трансформации, например, при описании придаточных определительных предложений.

В пользу универсальных глубинных структур без линейного порядка выступали в своих работах Хэллидей (Halliday, 1966), Теньер (Tesnière, 1959) и другие. Лайонз (Lyons, 1966, p. 227) рекомендует вопрос о соотношении глубинного представления и линейного порядка оставить для эмпирического исследования, а Бах (Bach, 1965) высказывает предположение, что продолжающиеся исследования синтаксических правил в языках мира, возможно, дадут основания для постулирования тех или иных конкретных отношений порядка между элементами в правилах универсальной базы.

Данные, которые могут интерпретироваться как один из возможных ответов на наш третий вопрос, обнаруживаются в исследованиях «маркированности» у Гринберга (Greenberg, 1966) и среди так называемых

импликативных универсалий Якобсона (Jacobson, 1958). Если эти исследования можно понимать так, что в них высказываются эмпирические утверждения об отображении глубинных структур в поверхностные, то можно считать, что в них содержатся универсальные ограничения следующего вида: «Грамматический признак «двойственное число» может использоваться тем или иным образом во всех языках, однако этот признак эксплицитно выражается некоторой морфемой только в тех языках, в которых имеется эксплицитно выраженная морфема, обозначающая множественное число» [43].

Грамматическое понятие «падежа» должно найти свое место в базовом компоненте грамматики любого языка. Прежде исследования понятия «падеж» ограничивались рассмотрением всевозможных семантических отношений, которые могут иметь место между именем существительным и остальной частью предложения; считалось, что описывать падежи – это то же самое, что изучать семантические функции именных словоизменительных аффиксов или отношения формальной зависимости между определенными именными аффиксами и лексико-грамматическими свойствами соседних элементов предложения; иногда эта задача сводилась к установлению морфонематических рефлексов, лежащих в основе «синтаксических отношений», которые выбирались независимо от понятия «падежа». Последние признаются оправданными только в поверхностных структурах некоторых (но, вероятно, далеко не всех) языков.

Для построения доказательства существенно принять два предположения, которые на самом деле обычно и принимаются как само собой разумеющиеся исследователями, придерживающимися правил порождающей грамматики. Первое из них – это предположение о центральном месте синтаксиса в грамматике. Было время, когда типичная грамматика содержала длинный и подробный перечень морфологических структур различных классов слов, за которым следовало двух-, трехстраничное приложение под названием «Синтаксис»; в нем предлагается набор приблизительных правил о том, как «использовать» слова, описанные в предыдущих разделах, как соединять их в предложения.

В тех грамматиках, где синтаксису отводится центральное место, формы слов определяются в соответствии с синтаксическими понятиями, а не каким-либо иным способом. Иначе говоря, современные грамматисты стараются описать «сравнительную конструкцию» в данном языке посредством возможно более общих терминов, а затем дополняют свое описание указанием на те морфологические последствия, которые влечет за собой выбор того или иного конкретного прилагательного или количественного слова в пределах такой конструкции. Этот подход, в общем, конечно, отличен от того, при котором сначала описывается морфология слов типа *taller* «выше» и *more* «больше, более», а затем добавляются

случайные наблюдения о поведении этих слов в более сложных конструкциях.

Второе предположение — это важность скрытых категорий. Многие из недавних и не таких уж недавних работ убедили нас в том, насколько существенны грамматические признаки, которые даже при отсутствии очевидных «морфемных» реализаций, безусловно, существуют в действительности, проявляясь в сочетаемостных ограничениях и в трансформационных возможностях лингвистических единиц. Мы постоянно сталкиваемся с тем, что грамматические признаки, обнаруженные в одном языке, выявляются в той или иной форме также и в других языках, если при поиске скрытых категорий обеспечена достаточная тонкость исследований. Между прочим, небезынтересно будет заметить, что понятие «скрытой категории» — понятие, которое позволяет полагать, что в конечном итоге все языки в сущности похожи, — было введено с наибольшей убедительностью в работах Б. Уорфа, человека, чье имя особенно непосредственно связывается с учением о том, что глубоко заложенные структурные различия между языками определяют принципиально несопоставимые отношения к действительности у носителей разных языков (Whorf, 1965, p. 69).

Примером «скрытого» грамматического различия может служить различие между категориями, традиционно именуемыми объект, подвергаемый воздействию и создаваемый объект. Это различие, имеющее по некоторым свидетельствам явное выражение в ряде языков, может быть продемонстрировано на примере предложений 1 и 2:

- (1) John ruined the table.
«Джон разломал стол».
- (2) John built the table.
«Джон сделал стол».

Можно заметить, что в одном случае предмет понимается как существовавший до начала деятельности Джона, тогда как в другом случае его существование явилось результатом деятельности Джона. Наша способность дать разные интерпретации отношениям между глаголом и дополнением в этих двух предложениях не имеет связи, как можно было бы полагать, с правильным описанием специфических синтаксических навыков носителя английского языка.

Тем не менее, это различие является также и синтаксически значимым. В случае создаваемого объекта нельзя задать вопрос к сказуемому с глаголом *do to* «сделать с», а в случае объекта, подвергаемого воздействию, — можно. Так, предложение 1 (но не предложение 2) можно считать ответом на вопрос в предложении 3:

- (3) What did John do to the table? «Что сделал Джон со столом» ?

Кроме того, если предложение 1 может иметь в качестве перифразы предложение 4, то предложение 5 уже не будет перифразой предложения 2:

(4) What John did to the table was ruined it.
букв. «Что Джон сделал со столом, так это разломал его».

(5) What John did to the table was built it.
букв. «Что Джон сделал со столом, так это сделал его».

Еще одним примером, где наличествуют оба указанных отношения, служит предложение 6, причем можно заметить, что только в одном из двух его смыслов предложение 6 является перифразой предложения 7.

(6) John paints flowers.
«Джон рисует цветы».

(7) What John does to flowers is paints them.
«Что Джон делает с цветами, так это рисует их».

Различие заключается все же в том, когда существовали объекты, которые рисовал Джон, до того или только после того, как он их нарисовал.

3.2. Семантические падежи по Ч. Филлмору

Смыслы падежей, как считает Ч. Филлмор, образуют набор универсальных, возможно врожденных, понятий, идентифицирующих некоторые типы суждений, которые человек способен делать о событиях, происходящих вокруг него, — суждений о вещах такого рода, как «кто сделал нечто», «с кем нечто случилось», «что подверглось некоему изменению». В число падежей, по мнению Ч. Филлмора, входят:

Агентив (A) — обычно падеж одушевленного инициатора действия, идентифицируемого с глаголом.

Инструменталис (I) — падеж неодушевленной силы или предмета, который включен в действие или состояние, называемое глаголом, в качестве его причины.

Датив (D) — падеж одушевленного существа, которое затрагивается состоянием или действием, называемым глаголом.

Фактив (F) — падеж предмета или существа, которое возникает в результате действия или состояния, называемого глаголом, или которое понимается как часть значения глагола.

Локатив (L) — падеж, которым характеризуется местоположение или пространственная ориентация действия или состояния, называемого глаголом.

Объектив (O) — семантически наиболее нейтральный падеж, падеж чего-либо, что может быть обозначено существительным, роль которого в действии или состоянии, которое идентифицируется глаголом, определяется семантической интерпретацией самого глагола. Естественно, этот падеж бывает только у названий вещей, которые затрагиваются состоянием или действием, идентифицируемым глаголом. Объектив не надо

путать ни с понятием прямого дополнения, ни с именем поверхностного падежа, являющимся просто синонимом для аккумулятива.

Как считает Ч. Филлмор, в рамках семантики вообще понятие глубинных падежей входит в ту ее область, которую можно назвать внутренней семантикой в противоположность внешней; иначе говоря, оно связано не с семантикой истинности, или логического следования (entailment), или внеречевой силы (illocutionary force), а с семантической природой внутренней структуры несамостоятельного предложения (clause). В рамках внутренней семантики рассматривается ее синтагматический, а не парадигматический аспект, то есть глубинные падежи можно отнести к тому типу семантических отношений, которые связывают элементы структуры предложения друг с другом в контексте.

Одним из важнейших элементов теории глубинных падежей является падежная рамка (frame «фрейм») – [45, с.27], функция которой состоит в том, чтобы перекинуть мостик между описаниями ситуаций и глубинными (underlying) синтаксическими представлениями. Она выполняет эту задачу путем приписывания семантико-синтаксических ролей конкретным участникам (реальной или воображаемой) ситуации, отображаемой предложением. Это приписывание определяет, или ограничивает приписывание перспективы, налагаемой на ситуацию, с помощью средств, названных Ч. Филлмором «принципы выбора субъекта» и «иерархия падежей».

Для ситуаций, включающих механические действия, довольно легко установить концептуальный каркас, части которого весьма непосредственным образом соответствуют падежным понятиям (или очень близким к ним). Так, предмет, который используется, — это пациент, предмет, на который с его помощью оказывают воздействие, — это цель (goal), а тот, кто оперирует первым предметом, — это агент. Для глагола hit и ряда других глаголов из того же семантического поля существует определенный набор возможных перспектив: агент и цель, где агент выступает в виде субъекта, а цель — в виде прямого объекта; агент и пациент, где агент выступает в виде субъекта, а пациент — в виде прямого объекта; пациент и цель (когда оперирующая сущность оставляется вне перспективы), при этом пациент выступает в виде субъекта, а цель — в виде прямого объекта.

По мнению В. В. Бурлаковой, «определение семантических функций актантов привело к созданию падежной, или, как её иногда называют, ролевой грамматики». [18,с.11] Ч. Филлмор называет семантическим падежом тот тип семантических отношений, которые возникают между предикатным словом и его актантами. В дальнейшем его идеи падежной грамматики получили своё дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Количество семантических падежей или ролей меняется от автора к автору, а иногда и в работах одного автора. Наличие падежей удобно для целей семантического анализа. Их использование в проводимых исследованиях позволяет наглядно представить сочетаемость

исследуемых компонентов, проследить их связи и взаимоотношения, что способствует адекватному восприятию общего смысла предложения или целого высказывания. Так, при анализе предложения *Ann cut a cake with the knife* мы определяем, кто выполнил действие, какое действие было выполнено. Имеется предмет, которым выполняют действие и предмет, над которым это действие осуществляется.

Выводы

Как видно из предыдущих глав, зарубежные лингвисты обращали большое влияние на формализацию структуры предложений, их внешнюю характеристику, отбрасывая понятийные аспекты. Такие ученые как Ч. Филлмор и его последователи в нашей стране и за рубежом стали изучать внутреннее содержание предложения, способы передачи его смысла. При этом стали использоваться такие понятия как семантические падежи. Таким образом, анализ предложений стал проводиться на основе ролевой грамматики с учетом семантических характеристик. Стали учитываться те роли, которые выполняют те или иные участники ситуации. В результате такого анализа становится ясно, кто выполняет действие, каким способом, зачем, с какой целью, когда, где, в каком месте, какое действие выполняется, как осуществляется указанное действие и т.п. Выполняемые роли разнообразны и они могут варьироваться в зависимости от ситуации, описываемой в предложении.

Глава 4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И АСПЕКТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

По отношению к слову предложение выступает как более крупная языковая единица, членимая на слова и словосочетания. В то же время предложение – минимальная коммуникативная единица, так как только предложение способно обеспечить общение, т.е. только предложению свойственна коммуникативная функция.

Коммуникативная функция существенно отличает предложение от других единиц языковой системы, но предложению свойственна и номинативная функция. Однако в отличие от слова предложение называет не отдельный предмет, явление действительности, а событие, ситуацию.

События, называемые предложениями, могут быть очень разными, но все же, возможно, сведение их к некоторому количеству основных типов, подобно тому, как многообразие слов, называющих различные явления действительности, типизируется по классам и группам.

Могут быть выделены различные типы номинации: наличие (существование) предмета (*Зимнее утро. Весна*); выражение отношения одного предмета к другому (*Всем понравилась эта книга. Люди любовались полетом чаек*); активное воздействие одного предмета на другой (*Ветер разогнал тучи. Маяковский упорно работал над своими стихами*); сравнение, сопоставление предметов (*Луна значительно меньше Земли. Цветы последние милей роскошных первоцветов полей*) и т. п.

Каждому такому типовому значению соответствует определенная структурная модель предложения. Например, активное воздействие одного предмета на другой (*Ветер разогнал тучи*) предполагает наличие: а) слова, называющего производителя действия (существительное или местоимение в именительном падеже), б) название активного действия (глагол), в) название объекта действия.

Важным было и определение места предложения в системе других единиц языка. Предложение членился на слова и словосочетания, единицы низшего уровня по отношению к предложению.

Словосочетание и предложение являются синтаксическими единицами, но отличаются рядом существенных признаков. Разграничение словосочетаний и предложений разработано В. В. Виноградовым, который основным различием считал противопоставление функций. Словосочетанию не свойственно быть коммуникативной единицей (оно не предназначено для выражения сообщения), для предложения же выражение сообщения является основным назначением, поэтому коммуникативная функция есть основная, первичная функция предложения. Первичность коммуникативной функции определяет особенности предложения, которые В.В. Виноградов видел прежде всего в том, что предложение всегда соотносено с действительностью.

Эта соотнесенность выражается в том, что предложение обязательно содержит временную и модальную характеристику, т. е. указание, к какому времени относится сообщение (*Трава зеленая. Трава была зеленая. Трава будет зеленая*) и какое содержание вкладывает в него говорящий: утверждает реальность факта (*Трава зеленая*) или указывает на возможность (*Если бы трава была зеленая*), желательность его (*Пусть трава будет зеленая*). Совокупность модально-временных значений вместе со значением лица (в приводимых примерах – указание на 3-е лицо) В.В. Виноградов называл предикативностью и считал важнейшим свойством предложения, отличающим предложение как коммуникативную единицу от других единиц.

4.1. Коммуникативно-синтаксический аспект

Усложнение понимания предложения привело к развитию новых подходов к его изучению. Наряду с грамматической структурой началось и изучение семантической структуры предложения (его типичных значений, «глубинного смысла»). При выделении разных аспектов изучения предложения особенно существенным представляются коммуникативно-синтаксический и конструктивно-синтаксический аспекты.

При коммуникативно-синтаксическом подходе предложение рассматривается как функционирующая единица, используемая в процессе общения. Для говорящего и слушающего важно правильно выявить и воспринять основное в предложении, то, ради чего оно создается. Но правильное восприятие главного, основного в предложении определяется не только строением предложения, а и окружающим текстом, т. е. тем, что было сказано раньше и всей обстановкой, ситуацией общения. Изолированная фраза *Вчера мы были на катке* (прочитанная, а не услышанная) не подскажет, что здесь главное: то ли то, что посещение катка состоялось вчера, то ли то, что были на катке, а не в театре. В устной речи существенное, главное будет выделено интонационно: ***Вчера*** мы были на катке или *Вчера мы были **на катке***. Но почему требуется выделение того или иного слова? Потому что собеседников могут интересовать разные вещи. Фраза может быть ответом на вопрос *Когда были на катке?* или *Где были вчера?* Прямого вопроса может и не быть, но вся речевая и внеречевая ситуация подсказывает, что надо выделить, что новое сообщается. Таким образом, для выявления нового, главного в предложении надо знать предшествующий текст или ситуацию общения. Например, в романе М. Горького «Мать» Ниловна задает вопрос сыну: «Хочу я спросить тебя, – тихонько сказала она, – что ты все читаешь?» Павел отвечает: «Я читаю запрещенные книги». В данном случае то, что Павел читает, известно обоим собеседникам, а новым является известие,

что читаются запрещенные книги. Именно это является центром, ядром высказывания. Аналогичное противопоставление обнаруживаем и в примере из пьесы К. Симонова «Парень из нашего города».

В а р я . ...Ну, что же ты делал пятого апреля вечером?

С е р г е й . Пятого апреля вечером... я занимался французским языком.

В данном случае *пятого апреля вечером я* – известие, основа для последующего нового в сообщении – *занимался французским языком*.

Рассмотренное противопоставление дает основание для особого коммуникативного членения предложений, называемого обычно актуальным членением, т.е. членением, выделяющим различные по степени актуальности (значимости) части предложения.

4.2. Конструктивно-синтаксический аспект

Актуальное членение предложения раскрывает особенности предложения как речевой единицы. Но предложение не только речевая, а и языковая единица. Отсюда необходимость выявить принципы устройства этой единицы, т.е. принципы ее структурной организации. Это и составляет задачу конструктивно-синтаксического аспекта изучения предложения.

Главной задачей в современном языкознании считается выявление структурной схемы предложения. При этом большинство исследователей опирается на традиционное учение о членах предложения. Прежде всего, на выделение главных и второстепенных членов предложения.

Главными называются те члены предложения, которые определяют его структуру, входят в предикативную основу предложения. Их наличие создает предложение (ср.: *Лес шумит. Трава – зеленая*) и определяет особенности его структуры (ср.: *Зима наступила. Зима. Морозит. Студент пришел. Петров – студент* и т. д.).

Прибавление второстепенных членов или устранение их не меняет основы структуры предложения. Ср.: *Наступила зима* и *В декабре наступила настоящая холодная зима* или *Морозит* и *По утрам сильно морозит*. В первом случае предложение так и осталось двусоставным, а во втором – односоставным, т. е. имеющим только один главный член. Или: *Через час Сабурова в маленьком докторском газике перевезли на другой конец деревни* и *Сабурова перевезли*. Предложение осталось односоставным неопределенно-личным.

С другой стороны, пропуск одного из главных членов меняет структуру предложения. Ср.: *В трактуре посетители знали Герасима и понимали его знаки* – предложение двусоставное и *В трактуре знали Герасима и понимали его знаки* – предложение односоставное неопределенно-личное.

На основе учета состава главных членов предложения и их формы (способов выражения) разработаны структурные схемы русского предложения. Одной из самых распространенных является схема двусоставного глагольного предложения, включающая существительное в именительном падеже (*Лес шумит*) либо его заместители (*Брат с сестрой жили дружно*) и глагол в спрягаемой форме (*Грачи прилетели*) или сочетание спрягаемой формы глагола с инфинитивом (*Брат собирается приехать*). Для односоставных глагольных предложений характерна схема, включающая главный член, представленный спрягаемым глаголом в форме 3-го лица единственного числа (*Светает. Ветром сломало дерево*).

Выявлены и более редкие структурные схемы предложения, состоящие, например, из существительного или местоимения в дательном падеже со значением субъекта и инфинитива со значением долженствования, предстояния (*Быть беде. Мне завтра дежурить*).

Подобные исследования важны не только для углубления наших знаний о синтаксической структуре русского языка, но и для выявления специфики предложения как определенной единицы языка.

4.3. Семантическая субкатегоризация

В традиционной грамматике семантическая субкатегоризация охватывает не все глаголы, а лишь отдельные группы. Обычно выделяют глаголы речи, чувственного восприятия, психического состояния, передвижения в пространстве, умственной деятельности и некоторые другие. При этом значительная часть глаголов, таких, как *read, write, give, take, bring*, остаются вне семантической классификации. В работах последних лет эти глаголы иногда называют «глаголами конкретной деятельности». Это название группы нельзя считать удачным, так как и многие другие глаголы, например, глаголы речи, передвижения в пространстве, также являются глаголами конкретного действия, хотя и не входят в эту группу.

Кроме традиционной, существует еще и нетрадиционная субкатегоризация глаголов по различным признакам.

На трактовку глагола оказало влияние появление теории валентности Л. Теньера, в результате чего возникла субкатегоризация глаголов, основанная на количестве имеющих у них валентностей. Так стали различать нульместные, одноместные, двухместные и т.д. глаголы, которые иногда называют одновалентными, бивалентными, тривалентными и т.п. В последние годы был выделен еще один подкласс глаголов, получивших название «амбивалентные» (*ambivalent*). К этой группе относят глаголы, чья валентность может быть описана в терминах двух или более различных схем сочетаемости. Например, глагол *to kill* можно проанализировать по двум различным схемам валентности. С одной

стороны, этот глагол можно рассматривать как глагол, который передает действие, дающее результат (operative verb), так как воздействует на «страдающее лицо», называемое поэтому «пациент» (patient). Однако с другой стороны, этот же глагол можно отнести к группе так называемых фактитивных глаголов, т.е. глаголов, обозначающих процесс или событие, где причина вызывает следствие. Таким образом, валентность глагола kill может быть представлена следующими двумя схемами:

- 1) Affect (agent, patient) (operative)
- 2) Produce (cause, effect) (factitive)

В связи с появлением этого нового класса следует пересмотреть старую схему субкатегоризации по валентности и разбить все глаголы на две группы: а) амбивалентные глаголы и б) глаголы, которые не имеют этого свойства. Затем их надо сгруппировать по количеству и типам валентностей.

Семантический подход к классификации глаголов, основанный на выявлении участников действия и их ролей, позволил выделить группу глаголов, названных *конверсивами*. Глаголы-конверсивы характеризуются тем, что представляют одну и ту же ситуацию с разных точек зрения. Например, глаголы give и receive представляют акт передачи как с точки зрения передающего (give), так и с точки зрения получающего (receive). Количество участников при обоих действиях одинаково, но распределение ролей различно. При глаголе give агентом выступает тот, кто что-то отдает, а при глаголе receive роль агента выполняет получатель.

По мнению целого ряда лингвистов, конверсивы предназначены для передачи различий в актуальном членении предложения, предоставляя возможность говорящему решить, что является коммуникативно более важным. В связи с этим необходимо кратко остановиться на сущности актуального членения предложения. Как известно, актуальное членение - такой приём анализа, который вскрывает коммуникативную организацию предложения. Согласно современным взглядам, синтаксическую структуру следует рассматривать на трёх уровнях: 1) уровне семантики, 2) уровне грамматики и 3) уровне функциональной перспективы предложения, т.е. его актуального членения. Так, например, если в плане семантики различаются Деятель – Действие – Объект, то в плане грамматики, вернее синтаксиса, различаются подлежащее – сказуемое – дополнение, а в плане его актуального членения – тема (theme) и рема (rheme). Было принято считать, что тема – это та часть предложения, которая передает нечто известное, или, по крайней мере, очевидное в данной ситуации, а рема – то новое, что сообщается о теме.

Это определение разделяют многие лингвисты, которые полагают, что предложение строится так же, как движется наша мысль — от известного к неизвестному. Поэтому порядок слов, по их мнению, тесно связан с актуальным членением, и группа подлежащего соответствует теме

высказывания, а группа сказуемого – реме. Однако было признано, что граница между темой и ремой не очень ясна и поэтому следует выделить третий элемент актуального членения – переход (transition). Строго говоря, переход является частью ремы, но занимает периферийное место в рематическом поле и, таким образом, представляет собой нечто среднее между темой и ремой. В связи с возможностью актуального членения только в речи необходимо соотносить его не с предложением, которое является единицей языка, а с высказыванием (utterance), являющимся актуализацией предложения в речи. Существуют определенные классы слов, характеризующиеся тематическим употреблением.

Например, все личные местоимения обычно обозначают тему, так как этот класс слов может употребляться лишь тогда, когда упоминаемый объект известен: I know this girl. She is my friend's sister. С другой стороны, существуют рематизаторы, т.е. слова, которые делают сочетающееся с ними слово ремой независимо от его морфологического класса. К рематизаторам в первую очередь относятся частицы only, even, just. Only John was present. Even she knew it.

Дальнейшее развитие теории актуального членения привело лингвистов к мысли о том, что функциональная организация предложения может быть более точно определена с помощью выявления коммуникативной нагрузки каждого входящего в него слова и выявления того из них, которое более всего движет высказывание вперед, т.е. степень, с которой данный элемент способствует развитию высказывания. Степень, с которой элемент способствует развитию высказывания, была названа коммуникативным динамизмом (КД). Понятие коммуникативного динамизма позволило более точно представить развертывание функциональной перспективы предложения. На основании этой теории было предложено считать темой тот элемент или те элементы, которые несут самую низкую степень коммуникативного динамизма.

Существуют и другие определения терминов тема и рема в лингвистике. Например, предлагали относить к теме контекстуально зависимые слова, а к реме – контекстуально независимые.

В устной речи актуальное членение проявляется более четко и однозначно, чем в письменной, так как ударение и интонация позволяют безошибочно установить тема-рематическую структуру высказывания. В письменной форме речи распределение КД (коммуникативного динамизма) внутри высказывания установить значительно труднее. Отдельные высказывания в письменном виде допускают мультифункциональность (multi-functionality). Однако это явление относится к периферийным в поле актуального членения.

В теории актуального членения до настоящего времени нет полной ясности, и ряд вопросов продолжает оставаться нерешенным. Так, например, до сих пор еще нет полной уверенности в необходимости

выделения перехода. Кроме того, появилась тенденция дробить как тему, так и переход, а также рему и в каждом из них выявлять собственно тему (theme proper), собственно переход (transition proper) и собственно рему (rheme proper) и, кроме того, тему, переход и рему. Подобный метод позволяет в значительной мере уточнить анализ функциональной перспективы предложения. В качестве примера можно привести следующие предложения:; He (theme) – has (transition proper) – fall – (transition)-en (transition proper) – ill (rheme).

Как полагают лингвисты, глагол редко включается в собственно рематическую часть и обычно представляет собой переход.

В последнее время была высказана мысль о том, что актуальное членение организуется вокруг предикативных центров и что оно иерархично по своей природе. Коммуникативное поле более низкого ранга функционирует как коммуникативная единица в поле более высокого ранга. Так, например, придаточное предложение имеет собственное деление на тему – переход – рему, но, включаясь в функциональную перспективу сложного предложения, может относиться либо к теме, либо к реме более высокого ранга, т.е. к теме или реме всего сложноподчиненного предложения. Кроме того, следует учитывать, что могут быть коммуникативные поля еще более высокого ранга, чем предложения, а именно – параграфа, главы и т.п. Необходимо также отметить, что в особых условиях под ударением любой элемент предложения может рематизироваться: A girl broke a vase (she didn't paint it). I didn't tell you that a girl broke a vase. В подобной интерпретации собственно ремой становится местоимение you, а вся остальная часть высказывания интерпретируется как распространенная тема.

Таким образом, порядок слов не может считаться решающим фактором при актуальном членении, и, хотя расположение тема – переход – рема является наиболее типичным для стилистически нейтральных предложений, этот порядок ни в коем случае нельзя считать обязательным. Вместе с тем нельзя забывать, что построения типа a man found a path, a girl made a cake, a boy wrote a letter наиболее естественны для языка и могут быть представлены на семантическом уровне как Деятель — Действие — Цель, на грамматическом как подлежащее – сказуемое – дополнение, а на уровне актуального членения как тема – переход – рема. Построения такого типа отражают существующее в объективной действительности положение вещей, так как Деятель, осуществляющий действие, естественно, должен существовать ранее начатого им Действия, а действие может распространиться на Объект только после того, как оно было начато. Поэтому вполне закономерно, что линия коммуникации развивается аналогично развертыванию события в реальной действительности. Иными словами, цель коммуникации определяется ситуацией.

Возвращаясь к вопросу семантической классификации глаголов, следует отметить, что этот тип субкатегоризации глагольных единиц позволил выделить еще одну группу, которая ранее не была замечена. Речь идет о глаголах, которые в определенных синтаксических условиях ведут себя совершенно особым образом. Вместо того чтобы передавать определенную информацию о действии, они сами равны действию. Называя действие, они тем самым его выполняют. Например, I promise... I swear... I name this ship the Queen Elizabeth, I bequeath my watch to my brother.

Для того чтобы глагол, называя действие, становился осуществлением этого действия, требуется, чтобы глагол был употреблен в 1-м лице ед. числа настоящего времени. Только при соблюдении этих условий название действия совпадает с его исполнением. Такие глаголы получили название перформативов, так как, произнося слова типа I promise, я произвожу сам акт обещания, т.е. исполняю (perform) само действие.

Кроме перечисленных групп, сторонники семантического синтаксиса предложили субкатегоризацию глаголов, основанную на выборе приглагольных зависимых элементов. По мнению авторов этой теории, значение глагола предопределяет истинность содержания, передаваемого приглагольными зависимыми.

Выводы

Таким образом, предложение рассматривается как компонент языковой системы. Только предложению свойственна коммуникативная функция. Предложение имеет определенную структурную модель. Основные его компоненты – это слова, называющие производителя действия (существительные или местоимения в именительном падеже), т.е. подлежащие и слова как названия активного действия (глаголы), т.е. сказуемые.

Предложение обладает предикативностью. Это свойство отличает предложение как коммуникативную единицу от других единиц. Структура предложения реализуется в устной и письменной речи. Особенности построения предложения зависят от ситуации общения. При анализе структуры и содержания предложения выделяют тему (известное) и рему (новое). Было установлено также, что между ними имеется переход – третий элемент актуального членения. Очень важно обращать внимание на это не только для полного понимания содержания предложения, но и для выполнения адекватного перевода предложений с английского языка на русский. Это очень важно в переводческой практике.

Часть II. ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Изучением фразеологических единиц (ФЕ) занимается наука – фразеология. Фразеология – это наука о фразеологических единицах (фразеологизмах), т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой, не образующихся по порождающим структурно-семантическим моделям переменных сочетаний. Фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д.

Образование фразеологизмов ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка. В тех же случаях, когда у фразеологизма имеется лексический синоним, они обычно различаются в стилистическом отношении. Фразеология – это сокровищница языка. Во фразеологизмах находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. Фразеологизмы часто носят ярко национальный характер. Наряду с чисто национальными фразеологизмами в английской фразеологии имеется много интернациональных фразеологизмов. Английский фразеологический фонд – сложный конгломерат исконных и заимствованных фразеологизмов с явным преобладанием первых. В некоторых фразеологизмах сохраняются архаические элементы – представители предшествующих эпох.

Во фразеобразовании огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Фактор адресата является важнейшим элементом коммуникации. Кроме того, человек стремится наделить человеческими чертами объекты внешнего мира, в том числе и неодушевленные. Источники происхождения фразеологизмов в современном английском языке очень разнообразны. По происхождению английские фразеологизмы можно разделить на два класса: исконно английские ФЕ и заимствованные ФЕ. Заимствованные фразеологизмы в свою очередь подразделяются на межъязыковые и внутриязыковые. В особую группу выделяются заимствования в иноязычной форме. Таким образом, можно выделить четыре группы:

- 1) исконно английские ФЕ;
- 2) межъязыковые заимствования, то есть ФЕ, заимствованные из иностранных языков путем того или иного вида перевода;

3) внутриязыковые заимствования, то есть ФЕ, заимствованные из американского варианта английского языка (фразеологизмы, заимствованные из других вариантов, немногочисленны);

4) ФЕ, заимствованные в иноязычной форме;

Таким образом, все ФЕ представляют собой языковой пласт, представляющий интерес для изучения. Рассмотрим способы образования ФЕ и их происхождение.

1.1. Исконно английские фразеологические единицы терминологического и нетерминологического происхождения

Фразеологизмы в английском языке в своем большинстве являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Примерами подобных широко распространенных оборотов, созданных народом, являются; *bite off more than one can chew* – «*взять в рот больше, чем можешь проглотить*», т.е. *взяться за непосильное дело; зарваться, не рассчитать своих сил; орешек не по зубам, дело не по плечу*; *Have a bee in one's bonnet* – *носиться с какой-л. идеей, быть помешанным на чём-л.*; *in for a penny, in for a pound* – «*рискнул на пенни, рискуй и на фунт*»; «*назвался груздем, полезай в кузов*»; «*взялся за гуж, не говори, что не дюж*»; *pay through the nose* – *платить бешеные деньги, платить втридорога* и многие другие.

Исконно английские фразеологизмы связаны с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами.

1. Фразеологические единицы, отражающие традиции и обычаи английского народа:

by (или with) bell, book and candle (*шутл.*) – *окончательно, бесповоротно; по всей форме*; *baker's dozen* – *чертова дюжина* (по старинному английскому обычаю торговцы хлебом получали от булочников тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шел в счет дохода торговцев); *good wine needs no bush* – «*хорошее вино не нуждается в ярлыке*»; «*хороший товар сам себя хвалит*» (по старинному обычаю трактирщики вывешивали ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино).

2. Фразеологические единицы, связанные с английскими реалиями:

blue stocking (*презр.*) – *синий чулок* («*собранием синих чулков*» назвал бытность свою в Англии голландский адмирал Босковен один из литературных салонов середины XVIII в. в Лондоне, так как ученый Бенджамин Спеллингфлит появился в этом салоне в синих чулках); *carry coals to Newcastle* – «*возить уголь в Ньюкасл*» (т.е. возить что-л. туда, где этого и так достаточно; Ньюкасл – центр английской угольной промышленности; ср. *ехать в Тулу со своим самоваром.*); *play fast and loose* - *вести*

нечестную игру; поступать безответственно; играть чьими-л. чувствами (выражение связано со старинной народной игрой, в которую играли на ярмарках в Англии); *put smb. in the cart* – *поставить кого-л. в тяжелое положение* (словом cart называли повозку, в которой доставляли преступников к месту казни или возили по городу с позором); *a strange bedfellow* – *странный знакомый* (часть пословицы *adversity makes strange bedfellows* – *в нужде с кем не поведешься*. В Англии в средние века, а также в XVI и XVII вв. отдельные кровати были редкостью. Лица одного пола часто спали вместе.).

3. Фразеологические единицы, связанные с именами английских писателей, ученых, королей и др. В пределах данной группы можно выделить три подгруппы:

а) фразеологизмы, содержащие фамилии: *according to Cocker* – *«как по Кокеру», правильно, точно, по всем правилам*. (Э. Кокер, 1631 -1675, автор английского учебника арифметики, широко распространенного в XVII в.); *the Admirable Crichton* – *ученый, образованный человек, ученый муж* (по имени Джеймса Крайтона, известного шотландского ученого XVI в.);

б) фразеологизмы, содержащие имена: *a good Jack makes a good Gill* – *«если Джек хорош, то и Джилл хороша», у хорошего мужа и жена хороша*; *King Charles's head* – *навязчивая идея, предмет помешательства, «пунктик»* (выражение из романа Диккенса «Давид Копперфилд», связанное с увлечением полоумного мистера Дика Карлом I); *Queen Anne is dead!* – *«это было известно при королеве Анне»; открыл Америку* (ответ сообщившему устаревшую новость); *Torn, Dick and Harry* – *всякий, каждый; первый встречный*;

в) фразеологизмы, содержащие имена и фамилии: *a Sally Lunn* – *сладкая булочка* (по имени женщины-кондитера конца XVIII в.); *a Florence Nightingale* – *Флоренс Найтингейл, медицинская сестра* (Флоренс Найтингейл (1820-1910) – английская медсестра, организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853-1856 гг. Г. Лонгфелло посвятил Ф. Найтингейл поэму «Святая Филомена»); *a Sherlock Holmes* – *Шерлок Холмс, сыщик-любитель* (герой произведений А.К. Дойла; назван по фамилии Холмса).

4. Фразеологические единицы, связанные с поверьями:

a black sheep – *паршивая овца, позор в семье* (по старому поверью, черная овца отмечена печатью дьявола); *lick into shape* – *придавать форму, вид; сделать человека из кого-либо; отделявать*; *an unlicked cub* – *зеленый, желторотый юнец; молоко на губах не обсохло* (оба оборота связаны со средневековым поверьем, по которому медвежата рождаются бесформенными, и медведица, облизывая их, придает им должный вид).

5. Фразеологические единицы, связанные с астрологией:

be born under a lucky star – *родиться под счастливой звездой*; *be born under an unlucky (или evil) star* – *родиться под несчастливой звездой*;

believe in one's star – *верить в свою звезду, судьбу*, bless (или thank) one's stars (тж. thank one's lucky stars) – *благодарить свою звезду, судьбу*; curse one's stars – *проклинать свою судьбу*; have one's star in the ascendant – *быть удачливым, преуспевать, идти в гору*; the stars were against it – *сама судьба против этого* и др.

6. Фразеологические единицы, взятые из сказок и басен:

Fortunatus's purse – *неистоимый кошелек* (Fortunatus – сказочный персонаж); the whole bag of tricks – *весь арсенал хитростей, фокусов*; (in) borrowed plumes *ворона в павлиньих перьях* и др.

7. Фразеологические единицы, связанные с карикатурами:

drop the pilot *отказаться от умного и преданного советчика* (выражение возникло в связи с помещенной в английском юмористическом журнале «Punch» в 1890 г карикатурой на отставку Бисмарка по требованию Вильгельма II); the old lady of Threadneedle Street – (*шутл.*) *«старая леди с Треднидл-стрит»*, *Английский банк* (выражение обязано своим происхождением карикатуре Джона Гилрея (1797), на которой премьер-министр Уильям Питт Младший пытается завладеть золотом старой леди, сидящей на запертом сундуке. Деньги были нужны Питту для войны с Наполеоном. Подпись под карикатурой гласила: Political Ravishment, or The Old Lady of Threadneedle Street in Danger).

8. Фразеологические единицы, связанные с преданиями:

halcyon days – *спокойные, мирные дни, спокойное время* (halcyon – *зимородок*; по древнему преданию, зимородок выводит птенцов в гнезде, плавающем по морю, в период зимнего солнцестояния, и в этот период, около двух недель, море бывает совершенно спокойным); have kissed the Blarney stone – *быть льстецом*.

9. Фразеологизмы, связанные с историческими фактами:

As well be hanged (или hung) for a sheep as a lamb – *«если суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть заодно и ягненка»* (отголосок старого английского закона, по которому кража овцы каралась смертной казнью через повешение); the curse of Scotland (*карт.*) – *«проклятие Шотландии»*, *девятка бубен* (карта названа так по сходству с гербом графа Далримпла Стейра, вызвавшего ненависть в Шотландии своей проанглийской политикой).

Использование слова Dutch в ряде фразеологизмов, имеющих отрицательное значение, восходит к англо-голландской конкуренции на морях и войнам в XVII в.

Важнейший источник ФЕ – профессиональная речь. В ней широко распространены термины и разговорные или просторечные профессионализмы. Некоторые идиомы восходят к профессиональной речи, например, ФЕ sprick and span – *элегантный, щегольской; с иголки*.оборот sprick and span – фразеологическое сращение. В его составе два некротизма. **Некротизм** – это устаревшее слово в составе ФЕ. Первоначальная полная

форма была *spick and span new*. В.Скиг, выдающийся английский этимолог, таким образом, объясняет происхождение этого оборота: *Literally «spike and spoon new», where spike means a point, and spoon – a chip; new as a spike or nail just made and a chip just cut off.*

Многие термины и профессионализмы в различных сферах человеческой деятельности приобретают переосмысленное значение и входят в состав идиофразеоматизмов.

Мореплавание: *cut the painter – 1) (мор.) обрубить канат; 2) порвать связь, отделиться от метрополии, добиться автономии, стать самостоятельной (о колонии); painter в данном выражении значит «фалинь» (веревка, которой шлюпка привязывается к пристани или судну); lower one's colours – 1) (мор.) спустить свой флаг; 2) сдаться, спасовать, отступить; strike sail – 1) (мор.) убрать паруса; 2) признать себя побежденным, признать свое поражение; trim one's sails to the wind – 1) (мор.) поставить паруса по ветру; 2) держать нос по ветру; знать, откуда ветер дует.*

Военная сфера: *draw smb's fire – 1) (воен.) вызвать огонь на себя; 2) стать мишенью чьих-либо нападков; fall into line – 1) (воен.) стать в строй; 2) соглашаться (с кем-либо или с чем-либо), присоединиться (к кому-либо или к чему-либо); mark time – 1) (воен.) обозначить шаг на месте, маршировать на месте; 2) пережидать, бездействовать; топтаться на месте.*

Спорт: *come up to the scratch – 1) (спорт.) подойти к стартовой черте; 2) быть готовым к борьбе, быть в форме, действовать решительно; hit below the belt – 1) (спорт.) ударить ниже пояса; 2) нарушать правила, поступать бесчестно, не стесняться в выборе средств; jump the gun – 1) (спорт.) начать бежать до выстрела из спортивного пистолета; 2) забегать вперед, предрешать события.*

1.2. Шекспиризмы и их использование в языке

По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100. Большинство шекспиризм встречается в произведениях Шекспира лишь один раз, и форма их является фиксированной.

The be-all and end-all («Macbeth») – то, что заполняет жизнь, всё в жизни; eat somebody out of house and home («King Henry IV») – разорить человека, живя на его счет; a fool's paradise («Romeo and Juliet») – призрачное счастье, мир фантазий; gild refined gold («King John») – «золотить чистое золото», т.е. стараться украсить, улучшить что-либо и без того достаточно хорошее; give the devil his due («King Henry V») – отдавать должное противнику; the green-eyed monster («Othello») (книжн.) –

«чудовище с зелеными глазами», ревность; have an itching palm («Julius Caesar») – быть взяточником; быть корыстолюбивым, жадным человеком; midsummer madness («Twelfth Night») – умопомрачение, чистое безумие; the milk of human kindness («Macbeth») (ирон, шутл.) – «бальзам прекраснодушия»; the observed of all observers («Hamlet») – центр всеобщего внимания; our withers are unwrung («Hamlet») – хула нас не задевает; paint the lily («King John») – «подкрашивать цвет лилии», т.е. пытаться улучшить или украсить что-либо, не нуждающееся в улучшении и украшении; the seamy side («Othello») – неприглядная сторона, изнанка чего-либо; that's flat («Love's Labour Lost») (разг.) – окончательно (решено), решительно и бесповоротно, коротко и ясно; to one's heart's content («Merchant of Venice») – вволю, сколько душе угодно, вдоволь, всласть; a triton among the minnows («Coriolanus») – гигант среди пигмеев; the wish is father to the thought («King Henry IV») – желание порождает, мысль, люди охотно верят, тому, чего сами желают, и др.

В современном английском языке в шекспиризм могут вноситься те или иные изменения. Шекспиризм at one fell swoop («Macbeth») – одним ударом, одним махом, в один момент сразу стал употребляться в сокращенном виде at one swoop, в результате чего возникли количественные варианты. Количественные варианты образуются благодаря усечению или прибавлению элементов. Например:

They go quick, one after another – five of them vanished already **at one swoop** (S. O'Casey).

Американский вариант – это in one fell swoop.

Mr. Strongfort had decided, he said, to teach me everything **in one fell swoop** (W. Saroyan).

Шекспиризм wear one's heart upon one's sleeve for days to peck at («Othello») – *выставлять напоказ свои чувства; душа нараспашку* в современном английском языке обычно употребляется в сокращенном виде: wear one's heart upon one's sleeve. Примером шекспиризма с добавлением компонента может служить оборот more honoured in the breach than in the observance – *чаще нарушается, чем соблюдается*. Этот оборот создан Шекспиром, но без второго in («Hamlet»). Второй предлог in был добавлен позднее, в результате чего и возникли количественные варианты.

У Шекспира оборот more honoured in the breach than the observance сочетается со словом custom. В современном английском языке сочетаемость этого шекспиризма значительно расширилась, и он может относиться ко всему, что чаще нарушается, чем соблюдается. Многие шекспиризмы с течением времени приобретают лексические варианты: например, applaud (или cheer) to the echo – *шумно, восторженно аплодировать, устроить овацию* (applaud to the echo – шекспиризм; «Macbeth»); cram (ram или thrust) smth. down smb's throat – *навязывать кому-либо* (свое мнение,

свои взгляды и т.п.), thrust smth. down stub's throat – шекспиризм; «Titus Andronicus».

Вследствие контаминации двух шекспиризмов gild refined gold и paint the lily возник оборот gild the lily, являющийся вариантом ФЕ paint the lily. Шекспиризм the better part of valour is discretion («King Henry IV») – *одно из украшений храбрости – скромность* существует в современном английском языке с измененным порядком слов: discretion is the better part of valour.

Из шекспиризма fool smb. to the top of his bent – *дурачить кого-либо, оставлять кого-либо в дураках* выделился в самостоятельный фразеологизм to the top of smb's bent – *полностью, совсем, совершенно, вдоволь, сколько душе угодно*. Оборот lay it on with a trowel – *преувеличивать, пересаливать; грубо льстить; хватить через край* (в похвалах) употреблялся Шекспиром с глаголом в страдательном залоге. Например:

Col11a: Well said: that was laid on with a trowel («As You Like It»).

В современном языке эта ФЕ употребляется и в действительном залоге:

She continued to flatter him... She got a little private amusement by seeing how much he should swallow. She **laid it on with a trowel** (W.S. Maugham).

В шекспиризме buy golden opinions – *заслужить благоприятное, лестное мнение о себе, вызвать восхищение* в современном языке вместо глагола buy употребляется глагол win. Может меняться и стилистическая окраска шекспиризмов. Так, оборот a Daniel come to judgement – *честный, праведный, нелицеприятный судья* в современном английском языке может употребляться иронически. Например:

Webster Thayer, a Daniel come to judgement, would hand down *his* decision on the motion for a new trial (U. Sinclair).

В современном английском языке этот шекспиризм приобрел второе значение – *мудрый человек*:

«...I recommend the settlement. Bunting, you're on the beam. **A Daniel come to judgement**» (P.G. Wodehouse).

Оборот the milk of human kindness – *«бальзам прекраснодушия», сострадание, добро, сердечность* – в устах леди Макбет звучит осуждением мягкости, которую, по ее мнению, проявляет муж.

Lady Macbeth: ...yet do I fear thy nature: It is too full o' **the milk of human kindness...** (W. Shakespeare. «Macbeth», Act 1, sc. 5).

В современном английском языке эта ФЕ употребляется с положительной оценкой, а также шутливо или иронически.

1.3. Другие литературные источники фразеологических единиц

Помимо Шекспира, многие другие писатели обогатили английскую фразеологию. Среди них в первую очередь следует назвать Джеффри

Чосера, Джона Мильтона, Джонатана Свифта, Александра Попа, Чарльза Диккенса и Вальтера Скотта. Рассмотрим ФЕ, которые встречаются у Джеффри Чосера: *he needs a long spoon that sups with the devil*, – «когда садишься за стол с чертом, запасись ложкой подлиннее», *связался с чертом, пеняй на себя*; *murder will out* *шила в мешке не утаишь*; *through thick and thill* – *решиительно, стойко, несмотря ни на какие препятствия*. У другого писателя Джона Мильтона можно встретить следующие ФЕ: *confusion worse confounded* (книжн.) – *путаница, полный хаос* («Paradise Lost»); *fall on evil days* – *впасть в нищету; бедствовать; влачить жалкое существование; черные дни наступили*; *the light fantastic toe* – *танец* («L'Ауегго») и др.

Джонатан Свифт также использует ФЕ в своих произведениях: *all in the day's work* – *в порядке вещей* («Polite Conversation»); *all the world and his wife* (шутл.) – 1) *все без исключения, много народу*; 2) *всё светское общество, весь «высший свет»*; *quarrel with one's bread and butter* – *бросить занятие, дающее средства к существованию*; *rain cats and dogs* – *идёт сильный дождь*; *a sight for sore eyes* – *приятное зрелище, сердцу отрада* (особенно о желанном госте); *someone is walking over my grave* – *что-то меня дрожь пробирает* и др.

У Александра Попа встречаются следующие ФЕ: *break a butterfly on the wheel* *стрелять из пушек по воробьям* («Epistle to Dr.Arbutnot»); *damn with faint praise* – *осуждать, делая вид, что хвалишь*; *fools rush in where angels fear to tread* – *дураки бросаются туда, куда ангелы и ступить боятся; дуракам закон не писан*. («An Essay on Criticism»); *who shall decide when doctors disagree?* – *что же делать простому смертному, когда мнения знатоков расходятся?* («Moral Essays»).

У Чарльза Диккенса можно встретить такие ФЕ: *an Artful Dodger* – *прохвост: пройдоха* (прозвище карманника Джона Докинса в романе «Oliver Twist»); *Barkis is willing!* – *«Баркис не прочь», мне очень хочется* (выражение из романа «David Copperfield»); *the Circumlocution Office* – *«министерство околичностей»* (по названию бюрократического учреждения в романе «Little Dorrit»); *how goes the enemy?* (разг. шутл.) – *как движется наш враг – время?, который час?* («Nicholas Nickleby»); *in a Pickwickian sense* (шутл.) – *«в пиквикском смысле», безобидно* («Pickwick Papers»); *King Charles's head* – *навязчивая идея, предмет помешательства, «пунктик»*; *never say die* – *не отчаивайтесь*; *not to put too fine a point on it* – *говоря напрямик, попросту говоря, если называть вещи своими именами* («Bleak House»); *prunes and prism* – *жеманная манера говорить, жеманство, манерность* («Little Dorrit») и др. В современном языке используется также *prunes and prisms*.

Вальтер Скотт использует следующие ФЕ: *beard the lion in his den* – *напасть на опасного врага в его собственном жилище* («Marmion»); *a foeman worthy of smb's steel* – *достойный противник, соперник* («The Lady of the

Lake»); laugh on the wrong side of one's month – *приуныть после веселья, от смеха перейти к слезам* («Rob Roy»).

Многим писателям и политическим деятелям удалось обогатить английский язык одним или двумя оборотами, получившими широкое распространение. Рассмотрим некоторые примеры ФЕ, которые появились в разные периоды времени.

XVIII век

Джон Арбетнот: John Bull – «*Джон Буль*» (насмешливое прозвище англичан). Оборот впервые употреблен придворным врачом Дж. Арбетнотом в сатирическом памфлете «Law is a Bottomless Pit» (1712), позднее переизданном под названием «The History of John Bull».

Джон Гэй: (as) cool as a cucumber – *совершенно невозмутимый, спокойный; в ус не дует, и глазом не моргнет* («Poems on Several Occasions»).

Даниэль Дефо: a gentleman's gentleman – «*джентльмен, прислуживающий джентльмену*», слуга («Everybody's Business»); man Friday – *Пятница; верный, преданный слуга* (по имени верного слуги в романе «Robinson Crusoe»).

Вильям Купер: a cup that cheers but not inebriates – «*напиток веселящий, но не пьянящий*», чай («The Task»).

Тобайас Смоллетт: fit like a glove – *быть как раз впору, подходит* («Humphrey Clinker»); fly off at a tangent – *неожиданно отключиться от темы разговора*.

XIX век

Джордж Гордон Байрон: (as) merry as a marriage-bell – *очень веселый, жизнерадостный, полный жизни* («Childe Harold's Pilgrimage»).

Уильям Вордсворт: the child is father of the man – *уже в ребенке заложены черты взрослого человека*.

Томас Кэмпбелл: few and far between – *редкие, редко встречающиеся* («Pleasures of Nore»).

Альфред Теннисон: a little rift within the lute – *начало разлада или безумия; червоточина, «трещина»* («Idylls of the King Merlin and Vivien»).

XX век

Джон Берри: little Mary (*разг. шутл.*) – *желудок, «животик»* (по названию пьесы).

Редьярд Киплинг: *the tail wags the dog* – «*хвост виляет собакой*», *подчиненный командует начальником* («The Conundrum of the Workshops»).

В ряде случаев ФЕ, встречавшиеся ранее, приобрели популярность благодаря их использованию известными писателями. Так, например, ФЕ *vanity fair* – *ярмарка тщеславия*, являющаяся названием знаменитого романа Теккерея, встречается в книге Дж. Беньяка «Pilgrim's Progress» (1678-1684). ФЕ *a skeleton in the closet* – *семейная тайна, скрываема от посторонних*, введенная Теккереем в литературу, была также известна до него. Сравнения *grin like a Cheshire cat* – *ухмыляться, улыбаться во весь рот*; (as) *mad as a hatter* и (as) *mad as a March hare* – *не в своем уме, спятивший, совсем, ума лишился*, популяризированы Л. Кэрролом в книге «Alice in Wonderland».

Гарольд Макмиллан (премьер-министр Великобритании): *the wind of changes* – *ветер перемен* (выражение популяризировал Г. Макмиллан, выступая в южноафриканском парламенте в 1960 г.).

1.4. Заимствованные фразеологические единицы

1.4.1. Фразеологические единицы библейского происхождения

Библия является важнейшим литературным источником ФЕ.

«О колоссальном влиянии, которое оказали на английский язык переводы Библии, говорилось и писалось много; в течение столетий Библия была наиболее широко читаемой и цитируемой в Англии книгой; не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы древнееврейских и греческих идиом) вошли в английский язык со страниц Библии. Число библейских оборотов и выражений, вошедших в английский язык, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелегкой задачей» [40].

Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями. Рассмотрим некоторые из них. Например: *at the eleventh hour* – *в последнюю минуту, в самый последний момент*; *beat swords into plough-shares* – *перековать мечи на орала, перейти к мирному труду*; *can the leopard change his spots?* – «*разве может барс сменить свою пятнистую шкуру?*»; *cast pearls before swine* – *метать бисер перед свиньями*; *filthy lucre* – *презренный металл, деньги*; *in the twinkling of an eye* – *мгновение ока*; *new wine in old bottles* – *новое вино в старых бутылках, новое содержание в старой форме*; *the olive branch* – *оливковая ветвь (символ мира и успокоения)*; *the root of all evil* – *корень зла*; *to sow the wind and reap the whirlwind* – *посеять ветер и пожать бурю*; *a wolf in sheep's clothing* – *волк в овечьей шкуре* и др.

Фразеологизмы библейского происхождения часто во многом расходятся с их библейскими прототипами.

1. Библейский прототип употребляется в буквальном значении. Соответствующий же фразеологизм создается в результате переосмысления его. Оборот *kill the fatted calf* в притче о блудном сыне употребляется в буквальном значении «*заколоть упитанного тельца*». Позднее этот оборот приобрел новое значение *угостить лучшим, что есть дома*. А *millstone about smb's neck* – *тяжелая ответственность, камень на шее*. Оборот восходит к библейскому тексту, имеющему буквальное значение. Фразеологизм часто употребляется с глаголами *hang* и *have*. Слово *about* допускает замену словом *(a)round*.

2. Вариант библейского прототипа становится фразеологизмом. Так, например, оборот *live on the fat of the land* – *жить в роскоши, жить припеваючи* вытеснил библейский прототип *eat the fat of the land*, который не вошел во всеобщее употребление.

3. Изменение формы образного библейского оборота. Фразеологизм *a drop in the bucket* – *капля в море* является измененным библейским выражением: *Behold the nations as a drop of a bucket...*. В ФЕ *gall and wormwood* – *нечто ненавистное, постылое* изменен порядок слов по сравнению с библейским прототипом и отброшены артикли (*the wormwood and the gall*).

Некоторые библеизмы модернизируются, и архаические формы отбрасываются, например: *not to let one's left hand know what one's right hand does* – *левая рука не ведает, что делает правая*. *When thou doest alms let not thy left hand know what thy right hand doeth* – «*У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая*». В Библии оборот употребляется в положительном смысле. В современном языке он переосмыслен и является ФЕ с отрицательной оценкой.

4. Компоненты фразеологизма употребляются в Библии в своих буквальных значениях, но не образуют переменного сочетания. Фразеологизм *loaves and fishes* означает *земные блага*. *Loaves* – *хлебы* и *fishes* – *рыбы* употребляются в евангельском предании о том, как Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами сотни людей, собравшихся слушать его. В Библии употребляется слово *loaves* и слово *fishes*, но не словосочетание *loaves and fishes*. Наибольшее приближение к этому словосочетанию находим в тексте Библии:

There is a lad here, which hath five barley loaves, and two small fishes; but what are they among so many?

5. Некоторые ФЕ восходят к библейскому сюжету, в котором упоминается лишь один компонент фразеологизма. Например, выражение *a doubting Thomas* – *Фома неверный* (или *неверующий*) возникло из евангельской легенды о том, как один из апостолов, Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, не поверил этому. К библей-

скому сюжету восходят оборот forbidden fruit – *запретный плод* и пословица forbidden fruit is sweet (или sweetest) – *запретный плод сладок*.

ФЕ a fly in the ointment *ложка дегтя в бочке меда* основана на следующем библейском иносказании:

Dead **flies** cause the **ointment** of the apothecary to send forth a stinking savour; so doth a little folly him that is in reputation for wisdom and honour.

Выражение the massacre (или slaughter) of the innocents – *избиение младенцев* идет от евангельского рассказа об умерщвлении всех младенцев в Вифлееме по приказу иудейского царя Ирода, когда он узнал от волхвов о рождении Иисуса, которого они называли царем иудейским. Евангельский рассказ не содержит ни одного компонента ФЕ.

6. Создание фразеологизма в результате игры слов. Так, например, ФЕ the land of Nod – *царство сна* возникло в результате игры слов, основанной на одинаковом звучании английских слов nod – *дремота* и Nod – название библейской земли Нод, куда был сослан Каин после убийства Авеля. Выражение создано Свифтом: go into the land of Nod – *отправиться спать* («Polite Conversation»).

Источником нескольких фразеологизмов является молитвенник («The Book of Common Prayer»): for better or for worse – *на радость и горе, в счастье и несчастье* (выражение взято из церковной службы при совершении бракосочетания); from the bottom of one's heart – *от всего сердца, от всей души*; the world, the flesh and the devil (книжн.) – *стремление к удовольствиям, чувственные наслаждения, порочные склонности*.

Фразеологизмы библейского происхождения не являются застывшими цитатами, не допускающими никаких изменений. В современном английском языке многие из них обрастают вариантами, подвергаются различным видам обновления, от них могут образовываться производные. Например:

cast in (или throw in) one's lot with smb. – *связать свою судьбу с кем-л.*; proclaim (cry или shout) from (или upon) the housetops – *объявить во всеуслышание, разгласить на всех перекрестках*; a drop in the bucket (или ocean) – *капля в море* и др.

1.4.2. Фразеологические единицы, заимствованные из различных языков

1. Большое число английских фразеологизмов связано с античной мифологией, историей и литературой. Многие из этих фразеологизмов носят интернациональный характер, так как встречаются в ряде языков. К античной мифологии восходят, например, следующие обороты: Achilles's heel (или the heel of Achilles) – *ахиллесова пята*; the apple of discord – *яблоко раздора*; Augean stable(s) – *авгиевы конюшни*; the golden age – *золотой век* (выражение впервые встречается у греческого поэта Гесиода в поэме

«Труды и дни» в описании века Сатурна, когда люди жили, подобно богам, без забот, раздоров, войн и тяжелого подневольного труда); a labour of Hercules (the labours of Hercules, тж. a Herculean labour или Herculean labours) – *геркулесов труд*; a labour of Sisyphus (тж. a Sisyphian labour) – *сизифов труд*; Lares and Penates (книжн.) – *лары и пенаты, то, что создает уют, домашний очаг* (лары и пенаты в древнеримской мифологии – боги – покровители домашнего очага); the thread of Ariadne (книжн.) – *ариаднина нить, путеводная нить, способ, помогающий выйти из затруднительного положения* (дочь критского царя Ариадна, дав греческому герою Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта).

С гомеровскими поэмами «Илиадой» и «Одиссеей» связаны выражения: between Scylla and Charybdis – *между Сциллой и Харибдой, в безвыходном положении*; Homeric laughter – *гомерический хохот* – (оборот связан с описанием Гомером смеха богов); on the knees of the Gods – *одному богу известно*; Penelope's web – *«планы Пенелопы», тактика оттягивания*; winged words – *крылатые слова*. В «Илиаде» Гомера и позднее в «Энеиде» Вергилия воспеваются мужество защитников Трои. Отсюда выражение like a Trojan – *мужественно, доблестно, героически*. Другим выражением, связанным с троянской войной, является the Trojan Horse – *троянский конь, скрытая опасность*.

В своей книге Л.П. Смит приводит ряд выражений, связанных с древнегреческой и древнеримской литературой, и во многих случаях указывает авторов этих выражений. Из греческой истории и легенд взяты appeal from Philip, drunk to Philip sober – *просить кого-либо о пересмотре принятого им необдуманного решения*; the Gordian knot – *гордиев узел, запутанное сплетение различных обстоятельств* (часто cut the Gordian knot или cut the knot) – *разрубить (гордиев) узел, разрешить затруднения насильственным, прямолинейным способом*.

Выражение the unwritten law – *неписаный закон* принадлежит афинскому законодателю Солону. От философских произведений Платона идут выражения hand on the torch (книжн.) – *передавать светоч знаний, мудрость*; Platonic love – *платоническая любовь*. Выражение beg the question (книжн.) – *начинать с желательного для себя вывода, а не с доказательства*, принадлежит Аристотелю. Ответ великого математика древности Евклида египетскому царю Птолемею Филадельфу, пожелавшему быстро обучиться геометрии, дошел до современности в виде выражения there is no royal road to geometry – *«к геометрии легкого пути нет»*.

Ряд выражений восходит к басням Эзопа и другим греческим сказкам и басням: blow hot and cold – *колебаться, делать взаимоисключающие вещи, занимать двойственную позицию*; kill the goose that laid (или lays) the golden eggs – *убить курицу, несущую золотые яйца*; cry wolf too often (тж. cry wolf) – *поднимать ложную тревогу*; the lion's share – *львиная доля*; sour grapes – *зелен виноград* (о чём-л. недостижимом и потому порицаемом);

cherish (nourish или warm) a viper in one's bosom – *пригреть змею на груди*; an ass in a lion's skin – *осел в львиной шкуре*; a fly on the wheel – *человек, преувеличивающий свое участие в каком-либо деле* (выражение взято из басни Эзопа, популяризировано Лафонтеном в басне «Le Coche et la Mouche» – «Дилижанс и муха»).

С обычаем древних греков и римлян вручать победителю в состязаниях пальмовую ветвь или увенчивать его лавровым венком связаны обороты: bear (carry off или take) the palm – *получить пальму первенства, одержать победу* и yield the palm to smb. – *уступить пальму первенства кому-либо, «признать себя побежденным»*; reap (или win) one's laurels – *стяжать лавры, достичь славы*; rest on one's laurels – *почить на лаврах*.

Многие английские фразеологизмы связаны с Древним Римом. Например, a bed of roses – *«ложе из роз», счастливая, безмятежная жизнь*. Выражение Caesar's wife must (или should) be above suspicion – *«жена Цезаря должна быть выше подозрений»* породило фразеологизм Caesar's wife – *человек, который должен быть вне подозрений* (букв. «жена Цезаря»).

Обороты cross (или pass) the Rubicon – *перейти Рубикон* и the die is cast- *«жребий брошен»* связаны с походами Цезаря; a Lucullian banquet (или feast) – *лукуллов пир, роскошный пир*; fiddle while Rome is burning – *развлекаться во время народного бедствия* (римский император Нерон, известный своей жестокостью, играл на кефаре и слагал стихи, глядя, как горит Рим, подоженный по его приказу); be (или turn) thumbs down (on) – *быть против, запрещать, бойкотировать* и be (или turn) thumbs up (on) – *быть за (кого-либо или что-либо), поощрять* (судьбу побежденного гладиатора решало движение руки императора: опущенный вниз большой палец – смерть, поднятый вверх большой палец – жизнь).

Некоторые фразеологизмы восходят к произведениям древнеримских писателей: a snake in the grass – *змея подколотная, коварный, скрытый враг* (лат. latet anguis in herba – *таится змея в траве* – Вергилий); the golden mean – *золотая середина* (лат. aurea mediocritas – Гораций); the sinews of war (книжн.) – *деньги, материальные средства* (необходимые для ведения войны – лат. nervi belli pecunia – Цицерон).

Многие английские фразеологизмы заимствованы из латинского языка через французский язык. Но имеются и фразеологизмы, заимствованные непосредственно из латинского языка, минуя французский. Это доказывается тем, что эти выражения не употребляются во французском языке: anger is a short madness – *«гнев – недолгое безумие»* (лат. ira furor brevis est – Гораций); forewarned, forearmed – *«заранее предупрежденный – заранее вооруженный, кто предупрежден – вооружен»* (лат. praemonitus, praemunitus); Homer sometimes nods – *каждый может ошибиться; на всякого мудреца довольно простоты* (лат. indignor, quandoque bonus dormitat Homerus – *«я испытываю досаду всякий раз, как задремлет* (т.е.

ошибется в чём-л.) *милый Гомер*» – Гораций); like cures like *клин клином вышибают*; чем ушибся, тем и лечись (лат. similia similibus curantur); one fool makes many – *глупость заразительна* (лат. unius dementia dementes efficit multos); at (или on) the Greek calends (или kalends) (upon) – «до греческих календ», *никогда* (лат. ad calendas (или kalendas) Graecas. Календы – первый день месяца у римлян. Греки время на календы не считали).

В некоторых случаях форма заимствованного английского фразеологизма ближе к латинскому прототипу, чем к соответствующему французскому фразеологизму латинского происхождения. Это также может служить доказательством непосредственного заимствования из латинского языка. Так, английский оборот no simile runs on all fours – *сравнения всегда относительны, ни одно сравнение не бывает совершенно точным* значительно ближе к латинскому прототипу nullum simile quatuor pedibus currit, чем к французскому обороту ioute comparaison cloche – «*всякое сравнение хромает*». Это справедливо и в отношении пословицы do in Rome as the Romans do или when at Rome do as the Romans do – *в чужой монастырь со своим уставом не ходят*.

2. Фразеологические заимствования из французского языка: after us the deluge – *после нас хоть потоп* (фр. apres nous le deluge; слова, приписываемые, согласно различным версиям, Людовику XV или его фаворитке маркизе де Помпадур); appetite comes with eating – *аппетит приходит во время еды* (фр. Appetit vient en mangeant; выражение впервые встречается в сочинении «О причинах» (1515) Жерома д'Анже, епископа города Ле Май; популяризовано Франсуа Рабле в «Гаргантюа»); Buridan's ass – *буриданов осел* (о человеке, не решающемся сделать выбор между двумя равноценными предметами, равносильными решениями и т.п. Burn the candle at both ends – *прожигать жизнь* (фр. bruler la chandelle par les deux bouts); castles in Spain – *воздушные замки*; the fair sex – *прекрасный пол* (фр. le beau sexe); for smb's fair eyes (или for the fair eyes of smb.) – *ради чьих-либо прекрасных глаз, не ради его заслуг, а по личному расположению, ни за что, даром*; the game is not worth the candle – *игра не стоит свеч* (фр. le jeu n'en vaut pas la chandelle); gilded youth – *золотая молодежь* (фр. jeunesse doree); it (или that) goes without saying – *это само собой разумеется* (фр. ceia va sans dire).

Некоторые английские фразеологизмы заимствованы из старофранцузского языка. Например: cry havoc – *разрушить, производить опустошение; подорвать, нанести тяжелый удар* (ст.-фр. crier havot); curry favour with smb. – *заискивать, подлизываться, стараться лестью или услужливостью снискать чью-либо благосклонность* (curry favour – искаж. curry favel от ст.-фр. estriller fauvel – *чистить скребницей рыжую лошадь* (рыжая лошадь считалась олицетворением хитрости и обмана).

Многие английские фразеологические кальки с французского восходят к латинским прототипам: familiarity breeds contempt – *чем ближе знаешь человека, тем яснее видишь его недостатки* (фр. la familiarite engendre le

merpris сравните с лат. nimis familiaritas contemptum park); a storm in a teacup – *буря в стакане воды* (фр. une tempete dans un verre d'eau). Заимствование через французский язык подтверждается большей близостью английского оборота к французскому, чем к латинскому выражению. Аналогичными примерами являются: the style is the man – *«стиль – это человек»* (фр. le style est l'homme meme); necessity is the mother of invention – *«необходимость – мать изобретательности»*.

3. Фразеологические заимствования из немецкого языка немногочисленны: blood and iron – *«железо и кровь»*, *беспощадное применение силы* (нем. hit und Eisen – принцип политики Бисмарка, стремившегося объединить Германию силой прусского оружия); the mailed fist – *«бронированный кулак»*, *военная сила* (нем. gepanzerte Faust; из речи Вильгельма II в декабре 1897 г.); speech is silver, silence is golden – *«слово – серебро, молчание – золото»*; пословица впервые встречается у Томаса Карлейла: As the Swiss Inscription says: Sprechen ist silbern, schweigen ist golden (speech is silver, silence is golden – «Sartor Resartus»). Storm and stress – *«буря и натиск»* (течение в немецкой литературе 70-80 гг. XVIII в.); *период беспокойства, волнения; напряжение* (в общественной или личной жизни), *стремительный натиск* (нем. Sturm und Drang – по названию пьесы Ф. Клингера); a place in the sun – *место под солнцем, право на существование*. Выражение, переведенное с французского la place au soleil (Паскаль. «Pensees»), впоследствии было забыто и снова переведено с немецкого Platz an der Sonne.

Этимология приведенных выше английских фразеологизмов не вызывает сомнений. Но во многих случаях совпадение английских и немецких фразеологизмов отнюдь не означает, что английский оборот является переводом с немецкого. Скорее, наоборот, так как английская литература оказала большое влияние на развитие немецкой литературы. К подобным фразеологизмам относятся, например, следующие обороты: get wind of smth. – *понять, пронюхать что-либо, узнать, откуда ветер дует* (нем. Wind von etwas bekommeii); go to the dogs – *гибнуть, разоряться, разваливаться* (нем. vor die Hunde gehen); let the cat out of the bag – *проболтаться, выдать секрет* (нем. die Katze aus dem Sack lassen. Позднее также let the cat out); still waters run deep – *тихие воды глубоки; в тихом омуте черти водятся* (нем. stille Wasser sind tief); through thick and thin – *решительно, упорно, при всех обстоятельствах, несмотря ни на какие препятствия* (нем.. durch dick und diinn); too many cooks spoil the broth – *у семи нянек дитя без глаза* (нем. vieie Koche verderben den Brei) и многие другие.

4. В английском языке имеется всего несколько фразеологизмов, заимствованных из испанского языка: blue blood – *голубая кровь, аристократическое происхождение* (исп. sangre azul – *голубая кровь*); the fifth column – *пятая колонна, тайные пособники врага* (исп. quinta column – *пя-*

тая колонна.) Выражение возникло во время гражданской войны в Испании, когда фашистский генерал Мола, осаждавший Мадрид четырьмя колоннами, заявил в переданном по радио осенью 1936 г. обращении к населению Мадрида, что в городе у него имеется пятая колонна); the knight of the Rueful Countenance (книжн.) – *рыцарь Печального Образа, Дон Кихот* (исп. el Caballero de la triste figura. Так назвал Дон Кихота его оруженосец Санчо Панса); tilt at windmills – *«сражаться с ветряными мельницами»*, *донкихотствовать* (исп. aco meter mo linos de viento. Сражение с ветряными мельницами – один из эпизодов в романе «Дон Кихот» Сервантеса).

В английском языке встречаются заимствования и из других языков. Рассмотрим их на примерах.

5. Русский язык: the Sick Man of Europe – *«больной человек Европы»* (так назвал царь Николай I Турцию в 1853 г.; в настоящее время любая европейская страна, находящаяся в тяжелом экономическом положении).

6. Датский язык: an ugly duckling – *«гадкий утёнок»* (человек, несправедливо оцененный ниже своих достоинств, проявляющихся неожиданно для окружающих; по заглавию сказки Г.Х. Андерсена о гадком утёнке, который вырос и стал прекрасным лебедем).

7. Голландский язык: forlorn hope – 1) (воен.) *отряд, выполняющий опасное задание или обреченный на верную гибель*; 2) *безнадежное, гиблое дело, последняя надежда* (голл. verioeren hoop – *отряд, обреченный на гибель*); still life – *натюрморт* (pe. still lifes – голл. stilleven).

8. Итальянский язык: every dog is a lion at home *всяк кулик в своем болоте велик* (итал. ogni cane è leone a casa sua – *каждая собака – лев у себя дома*).

9. Китайский язык: lose face – *потерять престиж – быть униженным, обесчещенным* (кит. tui lien).

10. Фразеологизмы, восходящие к арабской литературе. Из сказок «Тысячи и одной ночи» в английский язык пришло несколько выражений: Aladdin's lamp (книжн.) – *волшебная лампа Аладдина* (талисман, выполняющий все желания своего владельца). С этой же сказкой связана ФЕ rub the lamp – *легко осуществить свое желание*; Ainaschar's dream (книжн.) – *пустые мечты, фантазирование*; the old man of the sea – *человек, от которого трудно отвязаться, отделаться, навязчивый человек*; an open sesame – *«сезам, откройся!»*, *быстрый и легкий способ достижения чего-либо*.

Следует проявлять большую осторожность при установлении факта заимствования того или иного оборота, так как параллельное существование в различных языках одних и тех же по значению и образности выражений может не иметь никакого отношения к заимствованию, а объясняется общностью общественно-политических условий жизни народов, говорящих на этих языках, общностью обычаев, традиций, элементов народной мудрости. Так, английский фразеологизм get on one's

high horse (тж. ride the high horse) – *высокомерно держаться, важничать* взят из военного языка; это выражение возникло в связи с тем, что феодалы, обычно сражавшиеся верхом, презрительно относились к пехоте, состоявшей из простолюдинов.

Нет оснований утверждать, что английский фразеологизм является переводом немецкого sich aufs hohe Pferd setzen или французского monter sur ses grands chevaux. Выражения возникли независимо друг от друга в сходных условиях европейского феодализма. Это же справедливо в отношении фразеологизма win one's spurs – *добиться известности, выдвинуться*, которому соответствует немецкий оборот sich die Sporen verdienen и французский gagner Ses eperons. Этот фразеологизм возник в связи со средневековым обычаем награждать золотыми шпорами отличившихся воинов при посвящении их в рыцари.

Фразеологические параллели объясняются часто происхождением из одного общего источника, возможно, и без заимствования одним языком из другого. Например:

Дамоклов меч – англ. Damocles' sword (или the sword of Damocles) - фр. epee de Damocles – нем. Damoklesschwert – исп. la espada de Damocles (из предания о сиракузском тиране Дионисии, который во время пира посадил на свое место завидующего ему Дамокла и повесил над ним меч на тонком волосе); *пиррова победа* – англ. a Pyrrhic victory – фр. la victoire a la Pyrrhus – нем. Pyrrhussieg – исп. victoria Pirrica (эпирский царь Пирр после победы над римлянами воскликнул: «Еще одна такая победа, и я останусь без войска!»); *прокрустово ложе* – англ. the bed of Procrustes, the Procrustean (или Procrustes') bed – фр. le lit de Pro-cruste – нем. Procrustes bett – исп. el lecho de Procrustes (Прокруст – прозвище легендарного древнегреческого разбойника Полипемона, который ловил путников и отрубал им ноги, если они были слишком длинны для его ложа, или растягивал их, если они оказывались слишком короткими).

Обращает на себя внимание тот факт, что аналогичные понятия по-разному оформлены в различных языках. То, что в английском, французском и испанском языках в большинстве случаев является словосочетанием, в немецком языке выражается зачастую сложным словом. Некоторые фразеологизмы в современных языках представляют собой кальки оборотов в древних классических языках, в частности в латинском.

Так, латинский фразеологизм sub rosa – *секретно, тайно* (роза была символом молчания в Древнем Риме) скалькирован в английском языке в форме under the rose, во французском – sous la rose, в немецком – miter die Rose. Латинское выражение advocatus diaboli – *духовное лицо, которому поручено выступить против канонизации святого* скалькировано в английском языке в форме a devil's advocate, во французском – avocat du diable, в итальянском – avvocato del diavolo.

Латинский фразеологизм *sal Atticum* – *тонкое остроумие, изящная шутка* скалькирован в русском, английском, французском, немецком, итальянском и других языках: «*аттическая соль*» – *Attic salt* – *sel attique* – *attisches Salz* – *sali attici*. Выражение восходит к Цицерону. Жители Аттики славились своим остроумием, что неоднократно отмечал Цицерон. По свидетельству Плиния (см. в книге «Натуральная история»), в Аттике, как и в других частях Греции, имевших выход к морю, соль добывалась не из соляных копий, а посредством выпаривания на солнце или вываривания морской воды, отчего аттическая соль была особенно тонкой.

Многие фразеологизмы совпадают в русском, английском и французском языках без какого-либо заимствования, например: *перелетная птица* (англ. *a bird of passage*, фр. *oiseau de passage*, нем. *Zugvogel*). Источники заимствования того или иного фразеологизма не всегда удается установить с достаточной точностью. Так, пословица *a close mouth catches no flies* – «*слово – серебро, молчание – золото*» является переводом итальянской пословицы *in bocca serrata mai non entro mosca* или испанской пословицы *en boca cerrada no entran moscas*.

1.4.3. Фразеологические единицы американского происхождения

Много ФЕ пришло в Англию из США. Они относятся к внутриязыковым заимствованиям. Некоторые из этих фразеологизмов настолько ассимилировались, что в английских словарях после них снята помета, указывающая на их американское происхождение. К таким «американизмам» относятся, например, *bark up the wrong tree* (охот.) – «*лаять на дерево, на котором нет дичи*», *напасть на ложный след, ошибиться, обратиться не по адресу*, *cut по ice* – *не иметь влияния, значения*; *do one's level best* – *сделать все возможное, не щадить усилий*; *face the music* – *стойко переносить неприятности, расплачиваться; расхлебывать кашу*, а (или *the*) *green light* – *зеленая улица, свобода действий*; *have an ax(e) to grind* – *преследовать личные, корыстные цели*; *in the soup* – *в трудном положении, в беде*; *sell like hot cakes* – *раскупаться как горячие пирожки, нарасхват*; *sit on the fence* – *занимать нейтральную или выжидательную позицию*; *spill the beans* – *выдать секрет, проболтаться, проговориться*; *take a back seat* – *стушеваться, отойти на задний план, занимать скромное положение* и многие другие.

Пометы типа *chiefly US* указывают на частичную ассимиляцию американизма. К таким ФЕ относятся обороты *off limits* – *вход запрещен*; *out of sight* – *великолепно, несравненно*; *small potatoes* *мелкая сошка* и др. Эти обороты можно легко принять за исконно английские. Их американское происхождение устанавливается на основании лексикографических данных и анализа источников. В составе некоторых американизмов встречаются американские слова, например, *cent* и *dollar*: *a red cent* *медный*

grosh; feel (или look) like a million dollars (разг.) – *отлично себя чувствовать (отлично выглядеть; иметь шикарный вид)* и др.

Создатели многих оборотов известны. Рассмотрим некоторые из их высказываний.

XVIII век

Бенджамин Франклин: Time is money – *время – деньги* («Advice to a Young Tradesman», 1748).

XIX век

А. Линкольн: swap horses while crossing a stream – *«менять лошадей во время переправы»*, т.е. производить важные перемены в неподходящее время (из выступления Линкольна после избрания его президентом США («Reply to National Union League»). Позднее появился вариант change horses while crossing a stream.

Вашингтон Ирвинг: the almighty dollar – *«всемогущий доллар»* (обычно употребляется иронически); a Rip Van Winkle – *«Рип Ван Уинкл»*, *отсталый, косный человек, ретроград* (по имени проспавшего двадцать лет героя одноименного рассказа).

Фенимор Купер: the last of the Mohicans – *последний из Могикан* (по названию романа). Могикане – вымершее племя североамериканских индейцев. Популярность произведений Купера способствовала внедрению в английский язык фразеологизмов, связанных с жизнью индейцев: bury the hatchet – *заклечь мир, помириться, прекратить вражду*); dig up the hatchet – *начать войну* (у индейцев существовал обычай перед началом военных действий вырывать зарытый в землю томагавк); go on the warpath – *вступить на путь войны, быть в воинственном настроении* и др.

Генри Лонгфелло: ships that pass in the night – *мимолетные, случайные встречи* («Tales of Wayside Inn»). Популярность выражения связана также с использованием его в качестве названия одного из романов писательницы Беатрисы Харраден (1893).

ФЕ the grapes of wrath – *гроздь гнева* (оборот, впервые встречающийся в произведении Дж. Хоу «Battle Hymn of the Republic» (1862), обязан своей популярностью роману Дж. Стейнбека с тем же названием).

Ралф Уолдо Эмерсон: hitch one's wagon to a star – *занестись в мечтах* ("Society and Solitude").

XX век

Джек Лондон: the call of the wild – *«зов природы»*, *обаяние девственной природы* (по названию романа); the iron heel *«железная пята»*, *империализм* (по названию романа).

Теодор Рузвельт (президент США): the big stick – *политика большой дубинки, политика силы* (в письме 1900 г. и позднее в многочисленных выступлениях).

Англоязычная форма американских фразеологических заимствований а британском варианте английского языка полностью исключает перевод. Американские фразеологические заимствования, особенно сленгизмы, отличаются яркой образностью и повышенной экспрессивностью.

1.4.4. Фразеологические единицы, заимствованные в иноязычной форме

В английском языке употребляется значительное число заимствований в иноязычной форме. Многие из них являются интернациональными оборотами. Для большинства из них характерна двухкомпонентная структура, но встречаются и трехкомпонентные обороты: *ad hoc* – *для данного случая*; *bel esprit* – *остроумный человек, остряк*; *bon ton* – *хороший тон, благовоспитанность*; *coup d'etat* – *государственный переворот*; *qui pro quo* – *недоразумение, заключающееся в том, что одно лицо, понятие или вещь принимают за другое*; *raison d'etre* – *разумное основание, смысл*; *status quo* – *статус-кво, существовавшее или существующее в определенный момент положение вещей*; *terra incognita* – *нечто неизвестное, неисследованное, неизведанная область* и многие другие.

В английском языке особенно многочисленны латинские и французские обороты, начинающиеся с предлогов:

per (*per capita* – *на человека, на душу*; *per interim* – *тем временем*);
sub (*sub rosa* – *секретно, тайно*. Отсюда *англ. under the rose*);
de (*de bonne grace* – *охотно, de trop* – *лишний*);
en (*en masse* – *в массе, в целом; целиком*) и др.

Среди иноязычных оборотов встречаются выражения как более общего типа, например, *eau de Cologne* (букв.) – *кельнская вода*; *embarras de richesses* – *затруднения от избытка*; *enfant terrible* – *человек, ставящий других в неловкое положение своей бестактной непосредственностью*; *objet d'art* – *предмет, произведение искусства*, так и обороты, распространенные в специальных отраслях знания и являющиеся терминами: *argumentum a contrario* – *аргумент от противоположного* (термин логики); *corpus delicti* – *состав преступления* (юридический термин); *charge d'affaires* – *поверенный в делах*; *persona (non) grata* – *«персона (нон) грата»* (дипломатические термины); *jeune premier* – *драматический артист, исполняющий роли первого любовника* (театральный термин) и др.

Все заимствованные фразеологизмы по способу заимствования можно разделить на шесть групп. Первые две группы включают ФЕ, образованные путем калькирования. Калька – это образование нового фразеологизма путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы.

1. Полные кальки. Эта группа в свою очередь подразделяется на две подгруппы:

а) кальки, прототипы которых не употребляются в английском языке: common sense – *здравый смысл* (фр. sens commun с лат. sensus communis); make believe – *делать вид* (фр. faire ero ire) и др.

К этому же типу относится ряд пословиц: all roads lead to Rome – *все дороги ведут в Рим* (фр. tous les chemins vont a Rome); a fault confessed is half redressed *невинную голову меч не сечет* (фр. faute confessee est a demi pardonnee); hunger is the best sauce – *голод – лучший повар* (лат. fames optimum condimentum);

б) кальки, прототипы которых употребляются в английском языке: vicious circle – *порочный круг* (приведение в качестве доказательства того, что требуется доказать) и лат. circulus vitiosus; divide and rule – *разделяй и властвуй* и лат. divide et imp era; false step – *ложный шаг* и фр. faux pas и др.

2. Полукальки, т.е. обороты, в которых часть заимствована, а часть переведена. Примером может служить оборот a propos (или apropos) of nothing (фр. apropos de rien) – *ни с того, ни с сего*.

«A dog», he said ... apropos of nothing, «is so much better than the average man that it's an insult to the dog to compare them» (Th. Dreiser).

Aileen ... had heard Cowperwood's voice and was on the qui vive to see him (Th. Dreiser).

3. Оборот, созданный по образцу иностранного слова: by all that's blue! – *черт возьми!* (фр. parbleti – эвфемизм вместо pardieu).

«The black cat ... – by all that's blue! », – cried the captain (Fr. Marryat).

4. Шутливый псевдоклассический оборот: omnium gatherum – *пестрое сборище, мешанина, всякая всячина* (оборот образован в первой половине XVI в.). Omnium (лат.) – *все*, gatherum – псевдолатинское образование от глагола gather.

Фразеологические заимствования всех типов заполняют лакуны в системе номинации, так как они во многих случаях не имеют ни лексических, ни фразеологических синонимов и являются единственными обозначениями тех или иных объектов. В тех случаях, когда в английском языке имеются фразеологические заимствования и их прототипы в иноязычной форме, они различаются в стилистическом отношении, так как эти прототипы носят книжный характер, например, a la lettre – *to the letter – буквально*; cum gran o salis – *with a grain of salt – скептически*; jeunesse doree – *gilded youth – золотая молодежь* и др. Многие заимствованные фразеологизмы входят в синонимические ряды, в состав которых также входят исконно английские ФЕ. В составе таких синонимических рядов фразеологические заимствования различаются оттенками значения. Фразеологические заимствования обогащают фразеологический фонд и расширяют возможности коммуникации.

1.5. Фразеологические единицы в научной литературе

В соответствии со сферой своего употребления фразеологические единицы, используемые в научной литературе можно разделить на три вида: разговорные, нейтральные и книжные. При этом различия между разговорной и нейтральной лексикой, с одной стороны, и нейтральной и литературно-книжной лексикой, с другой, прежде всего, выражаются в эмоциональной и экспрессивной окраске. Стилистическая контрастность разговорных и литературно-книжных фразеологических единиц способствует их выделению на общем фоне нейтральной фразеологии. Необычность и кажущаяся на первый взгляд неуместность разговорной лексики в научной статье, книге, монографии и т.д. придает ей заметную эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Рассмотрим три вида фразеологических единиц, встречающихся в научной литературе:

I. Разговорные

at second hand – «из вторых рук, понаслышке»

on hand – «имеющийся в распоряжении»

to shut one's eyes to something – «смотреть сквозь пальцы, закрывать глаза на что-либо»

to break one's head against something – «ломать себе голову над чем-либо»

by leaps and bounds – «не по дням, а по часам, семимильными шагами»

to try one's hand with something – «попробовать свои силы в чем-либо; взяться за что-либо; попытаться счастье»

a child's play – «детские игрушки; легкое, пустяковое дело»

cheek by jowl – «рядом, бок о бок»

II. Нейтральные

on foot – «в движении»

to pave the way for something – «устранить препятствие, расчистить путь»

to throw light on something – «проливать свет на что-либо»

to bear in mind – «иметь в виду»

to call to mind – «вспоминать, припоминать»

to stand or fall – «остаться в живых, уцелеть или погибнуть»

to take refuge in – «прибегать к чему-либо»

III. Литературно-книжные

to fiddle while Rome is burning – «развлекаться во время народного бедствия»

to pass the Rubicon – «перейти Рубикон»

to err is human – «человеку свойственно ошибаться»

Разговорные фразеологические единицы используются:

а) для выражения одобрения (восхищения) в связи с той или иной работой ученого. Например: to be at home on a subject «хорошо знать предмет», heart and soul «всей душой», «вкладывая всю душу», to take one's breath away «поразить», «удивить»;

б) для отрицательной характеристики работы ученого: to have no leg to stand upon «не иметь основания», fall short of something «не хватать, иметь недостаток чего-либо», «уступать в чем-либо», to put the cart before the horse «поставить с ног на голову, принимать следствие за причину», at second hand «из вторых рук, понаслышке», to be out of keeping with something «не соответствовать чему-либо», to shut one's eyes to something «закрывать глаза на что-либо, смотреть сквозь пальцы на что-либо», to fall flat «провалиться, не иметь успеха». Например:

«The view which made a potential Briareus as to limbs, seems itself to be considered *as no longer having a leg to stand upon*»

«So far is this (the clearness of protected infusions) from being an exaggeration, that *it falls short of the truth*»;

в) для описания (без оценки) объекта исследования. Например: to push someone from one's stool «победить, опрокинуть», to be on side of the house «иметь одинаковый характер (природу происхождения)», «придерживаться одинаковых взглядов, занимать аналогичную позицию», to come to hand «подвернуться под руку», to bring into play «пускать в ход, заставлять работать», to win the day «взять верх», to tell stories «рассказывать небылицы», by leaps and bounds «очень быстро, не по дням, а по часам», at a stroke «одним ударом, сразу», «в два счета»:

«The greater number of legs cannot be any indication of organization, or a centipede might dispute supremacy with ourselves, and *push us from our stools*».

Разговорная фразеология может употребляться наряду с другими элементами, характерными для устной речи: так, ей сопутствует использование:

а) местоимения I:

«I have had so many instances of hybrids taking... most frequently to the side of the mother, that to those who, like *me*, have tried their hand with many genera, it would be a matter of supererogation to give instances»;

б) разговорных оборотов речи типа so much for, to begin with:

«*So much for* the first memoir, which of it alone contained all that has come to hand, would have marked an epoch in our knowledge of these fish forms»;

в) гиперболы, столь характерной для устного типа речи:

«The deep-sea dredgings in this cruise yielded *no end of* novelties. They were enough to take one's breath away»

г) инверсии:

«*So far is this from being an exaggeration that it falls short of the truth*».

Группа нейтральных фразеологических единиц может включать также и пословицы. Например:

«*But, happily, facts are stubborn things*».

Особенность использования разговорных и нейтральных фразеологических единиц в научной литературе состоит в том, что контекст, в котором они встречаются, носит книжный характер. Например, фразеологическая единица *to shut one's eyes to something* «соседствует» с литературно-книжным прилагательным *inevitable*:

«*...is Me to shut eyes to the inevitable conclusion that...*»

call to mind – с литературно-книжным существительным *endowments*:

«*...we must also bear in mind that the endowments of the lower nerve-centers are different...*» etc.

Использование поговорки в тексте научного характера представляется самому автору научной статьи необычным явлением; в связи с этим поговорка берется им в кавычки. Однако автор не только один раз приводит поговорку, но в дальнейшем может повторять ее в видоизмененной форме.

Выводы

Таким образом, фразеологизмы могут использоваться не только в художественной литературе, но и в научной. Особенности их использования зависят тематики научного текста и способа его представления: научный доклад, статья, монография и т.п. Устная речь некоторых выступающих может быть насыщена фразеологизмами разного рода, тогда как в письменных текстах их количество, как правило, сведено до минимума. Наличие фразеологизмов в устной речи может привлечь внимание слушающих к предмету сообщения, вызвать их интерес. Такая речь становится яркой и более доступной для понимания.

В соответствии со сферой своего употребления фразеологические единицы, используемые в научной литературе, можно разделить на три вида: разговорные, нейтральные и книжные. При этом различия между разговорной и нейтральной лексикой, с одной стороны, и нейтральной и литературно-книжной лексикой, с другой, прежде всего, выражаются в эмоциональной и экспрессивной окраске. Стилистическая контрастность разговорных и литературно-книжных фразеологических единиц способствует их выделению на общем фоне нейтральной фразеологии. Необычность и кажущаяся на первый взгляд неуместность разговорной лексики в научной статье, книге, монографии и т.д. придает ей заметную эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Фразеологизмы – высоко информативные единицы языка; они не могут рассматриваться как «украшения» или «излишества». Подобная трактовка фразеологизмов встречается в некоторых работах и в данное время является устаревшей. Фразеологизмы – одна из языковых универсалий, так как нет языков без фразеологизмов. Английская фразеология очень богата, и у нее многовековая история.

Современный английский язык является языком аналитическим. Повышенный аналитизм английского языка пронизывает всю английскую фразеологию, влияет на структуру фразеологизмов. Аналитизмом английского языка объясняется широкое распространение в нем оборотов типа noun + noun, являющихся нестойкими сложными словами и легко распадающимися и превращающимися в словосочетания. Эти обороты, допускающие раздельное написание, the Badger State амер. – «Барсучий штат» (прозвище штата Висконсин), a girl Friday – помощница, правая рука, надежный работник (особенно о девушке-секретаре) и др. мы относим к периферии фразеологического состава.

Показателем аналитизма является также широко распространенное в английском языке атрибутивное использование фразеологизмов различных структурных типов. Следует иметь в виду, что наряду с преобладающими элементами аналитизма в английской фразеологии имеются и элементы синтетизма, к которым можно отнести, например, широкое использование прилагательных в сравнительной степени в адъективных сравнениях.

Фразеология – чрезвычайно сложное явление, изучение которого требует своего метода исследования, а также использования данных других наук – лексикологии, грамматики, стилистики, фонетики, истории языка, истории, философии, логики и страноведения. Мнения лингвистов по ряду проблем фразеологии расходятся, и это вполне естественно. Тем не менее, важной задачей лингвистов, работающих в области фразеологии, является объединение усилий и нахождение точек соприкосновения в интересах, как теории фразеологии, так и практики преподавания иностранных языков.

Фразеологизмы могут быть использованы в научной литературе. Но их количество в научных текстах сравнительно невелико. Однако они делают речь яркой и выразительной. Способствуют привлечению внимания как говорящего, так и слушающего. Кроме того, они могут способствовать снятию трудностей восприятия информации в письменном тексте, а при устной речи снимают напряжение и помогают сосредоточиться на тематике высказывания.

Глава 2. РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Заимствования являются важными средствами обогащения языка. В процессе своего исторического развития английский язык обогатил свой лексический состав на основе заимствований из многих других языков. Период норманнского завоевания способствовал обогащению английского языка за счет французского. В процессе культурно-исторического развития в английский язык было заимствовано много слов из испанского, итальянского, голландского, русского и других языков Европы. Слова заимствуются как в период военных действий, так и в мирное время, когда происходит развитие торгово-промышленных отношений, осуществляются связи в научной и культурной сферах. Развитие экономических связей и спортивные мероприятия также влекут за собой появление новой лексики.

2.1. Виды заимствований в английском языке и способы их реализации в речи

Какой бы язык ни был выбран для исследования роли заимствований в нём, очевидно, что заимствования по-разному отражаются на обогащении словарного состава. В одних языках они не оказали существенного влияния, в других, происходя в разные исторические эпохи, имели столь существенное влияние на словарный состав языка, что преобразованию подвергались даже служебные слова. В английском языке процент заимствований значительно выше, чем во многих других языках. Английский язык, больше чем какой-либо другой язык, имел возможность заимствовать иностранные слова в условиях прямого непосредственного контакта: сначала в средние века от сменявших друг друга на Британских островах иноземных захватчиков, а позже в условиях торговой экспансии и колонизаторской активности самих англичан.

Подсчитано, что число исконных слов в английском словаре, составляет всего около 30%. Это обстоятельство давало многим исследователям повод преувеличивать значение заимствований и считать английский язык не германским, а романо-германским языком, отмечать смешанный характер английской лексики как его самую важную особенность, а иногда и вообще сводить всю лексикологию английского языка к проблеме заимствований. В действительности, заимствования являются одним из важных способов обогащения словарного состава, но не единственным и даже не самым главным.

То или иное влияние одного языка на другой всегда объясняется историческими причинами: войны, завоевания, путешествия, торговля и

т.п. приводят к более или менее тесному взаимодействию различных языков.

По источнику и эпохе заимствования в словарном составе английского языка различают:

- Кельтские заимствования.
- Латинские заимствования первых веков нашей эры, т.е. попавшие еще до прихода англосаксов на Британские острова (так называемый 1-й слой латинских заимствований).
- Латинские заимствования VI-VII вв., т.е. эпохи введения христианства в Англию (так называемый 2-й слой латинских заимствований).
- Скандинавские заимствования эпохи скандинавских набегов (VIII-IX вв.) и особенно скандинавского завоевания (X в.).
- Старые французские заимствования (XII-XV вв.), обусловленные норманским завоеванием.
- Латинские заимствования XV-XVI вв., т.е. связанные с эпохой Возрождения (так называемый 3-й слой латинских заимствований).
- Новые французские заимствования после XVI в.

Происходили заимствования из греческого, итальянского, голландского, испанского, русского, немецкого и др. языков. Все это обусловлено экономическими, политическими, культурными событиями заимствования.

Интернациональные или международные слова, заимствованные из одного источника, имеют графическое и звуковое сходство и, совпадая до некоторой степени по смыслу, составляют как бы общее достояние ряда языков. Большая часть их является результатом параллельного обогащения новых языков за счет лексики древних, т.е. латинского и греческого (*democracy, proletarian, philosophy, atom, satellite, synonym, rhythm*). Другая часть идет из современных языков:

- Soviet, kolkhoz, sputnik – из русского
- Revolution, bourgeois – из французского
- Sonata, soprano – из итальянского

В Англии, как и в других странах Западной Европы, латинский язык занимал весьма своеобразное положение. В течение многих столетий язык использовался как язык богослужения, другой сферой его применения были научные трактаты. Такое своеобразное положение этого языка в английском обществе обеспечило ему возможность служить тем источником, из которого всегда можно черпать слова для выражения новых понятий. Отличительной чертой латинских заимствований является то, что эти заимствования содержат множество глаголов, прилагательных и сравнительно немного существительных, в то время как заимствования древнеанглийского периода состоят почти исключительно из существительных:

- Annual < лат. *Annualis* – годовой

Cordial	<	лат. Cordialis – сердечный
Dental	<	лат. Dentalis – зубной

Наибольшее число заимствований из французского языка в новоанглийский период падает на вторую половину XVII и первые десятилетия XVIII века. В это время в Англии произошла буржуазная революция, свергнувшая династию Стюартов. Однако уже в 1660 году эта династия была вновь восстановлена при поддержке английской аристократии и крупной буржуазии. Находившиеся во время революции во Франции английские аристократы во главе с будущим королем Карлом II усвоили очень многое из французской культуры того времени и, вернувшись после реставрации Стюартов на родину, стали внедрять там французскую культуру.

Целый ряд новых вещей и явлений, рожденных этой культурой, вошли в жизнь господствующих классов Англии, а вместе с ними в английский язык проникло много французских слов, обозначающих эти вещи и явления. Характерными признаками заимствований этого периода является сохранение французского произношения и орфографии. Так, окончание -ise, -in(e) произносится как [i:s], [i:n], например:

Machine	– машина
Magazine	– журнал
Police	– полиция

Италия была одной из первых стран в Европе, где стали складываться капиталистические отношения. Уже в XIV веке там существовала торговая буржуазия, располагавшая значительными денежными средствами. Вместе с ростом торговой буржуазии в стране появилась интеллигенция, в составе которой находились врачи, художники, архитекторы, учителя, создавшие высокую культуру.

В период развития капитализма в Англии, особенно в XIV веке, представители высших слоев английского общества проявляли огромный интерес к Италии. Многочисленные посещения англичанами итальянских городов, непосредственное знакомство с итальянской культурой оказали большое влияние на распространение этой культуры в Англии, что сопровождалось изучением итальянского языка. В этот период английский язык пополняется целым рядом слов, заимствованных из итальянского языка.

Среди них следует назвать слова, связанные с торговлей, финансовыми операциями и ведением бухгалтерского учета, получившими в свое время в Италии значительное развитие. Одним из таких слов является слово bank – банк. Наряду со словом bank, в английский язык проникло другое итальянское слово – bankrupt – банкрот.

Оно происходит из итальянского слова banca, что означает скамейка, полка.

Вместе с развитием торговли в Италии развивалось и военное дело. Некоторые слова, обозначавшие понятия, связанные с военной организацией, проникли также и в английский язык, как и в другие европейские языки. Сюда относятся существительные *alarm* – тревога, *colonel* – полковник, *squadron* – эскадрон, эскадра и некоторые другие.

Как уже указывалось выше, английская культура эпохи Возрождения испытала на себе значительное влияние итальянской культуры. Это особенно относится к области изобразительного искусства, архитектуры и музыки. Поэтому вполне естественно, что целый ряд понятий, относящихся к этим областям, усвоенным англичанами вместе с соответствующими вещами и явлениями, назван словами, заимствованными из итальянского языка.

Так, в области изобразительного искусства были заимствованы слова *mezzotinto* – меццотинто (особый способ типографического воспроизведения гравюр), *studio* – студия (мастерская художника и ряд других).

В области архитектуры были заимствованы существительные: *balcony* – балкон, *fresco* – фреска, *cornice* – карниз, *mezzanine* – антресоли, *stucco* – штукатурка.

Особенно много слов было заимствовано из области музыки и музыкальной культуры. Сюда следует отнести:

- Название музыкальных инструментов, например: *cello* – виолончель, *piano* – рояль, *violin* – скрипка, *piccolo* – малая флейта;

- Названия певческих голосов, например: *bass* – бас (мужской голос), *baritone* – баритон, *contralto* – контральто, *soprano* – сопрано;

- Названия музыкальных произведений, как например: *opera* – опера, *sonata* – соната, *aria* – ария.

Наконец, в области поэзии можно отметить заимствования таких слов, как *canto* – песнь и *stanaza* – строфа.

Одним из ближайших в территориальном отношении соседей Англии является Голландия. Из истории Англии известно, что уже в XIII-XIV веках английское правительство привлекало фламандских ткачей, предоставляя им возможность селиться целым поселком и организовать ткацкое дело.

В XVI веке после освобождения Голландии от феодальной Испании и установления в стране буржуазной республики, стали развиваться торговля и судоходство. Приобретение Голландией многочисленных колоний также способствовало быстрому росту ее капиталистического хозяйства. Наличие в Голландии в XVII-XVIII веках огромного торгового флота, флота, перевозившего товары почти всех европейских государств во все концы земного шара, имело важное значение для роста голландского торгового капитала. Развитие голландского кораблестроения и судоходства оказало влияние на кораблестроение в Англии, которая успешно соперничала с Голландией и в XVIII веке вытеснила последнюю со всех позиций на

мировом рынке. Эти связи оставили след в английском словарном составе в виде двух групп слов:

- слов, обозначающих некоторые понятия, связанные с ткачеством, например:

Rock < голл. Rocke – прялка

Spool < голл. spoel – шпулька

- слов, обозначающих понятия, связанные с мореплаванием, например:

Sloop < голл. sloep – шлюп

Yacht < голл. jacht – яхта

Наконец, небольшое число слов вошло в английский язык из языка бу-ров – голландских крестьян, переселившихся в Южную Африку в XVII ве-ке. Сюда могут быть отнесены такие слова, как:

Kraal < голл. Kraal – туземный поселок

Veldt < голл. veldt – южно-африканская степь

Totrek < голл. trekken – тащить

Заимствования из русского языка не особенно многочисленны в английском языке. Это объясняется тем, что связи между русским и английским народами установились очень поздно, лишь в XVI веке, и к тому же носили весьма ограниченный характер. Во второй половине XVI века в связи с развитием капитализма в Англии и расширением морской торговли там возникает интерес к Московскому государству. Организованная в Лондоне Московская торговая компания имела целью устано-вить и развивать торговлю с Московским государством. В Москву были отправлены послы и представители торговых компаний. Возникла дипломатическая переписка между Иваном IV (1530-1584) и английской королевой Елизаветой (1533-1603).

В дошедших до нас воспоминаниях и описаниях Московского государства, сделанных англичанами, встречается ряд русских слов, отражающих особенности русского быта и государственного устройства. В числе слов, заимствованных в течении XVI века, следует назвать слова:

Rouble – рубль

Cossack – казак

Tsar – царь

На протяжении XVII-XVIII веков в английский язык проникли следу-ющие слова: astrakhan – каракуль, происходящее от имени города Астра-хань; copeck – копейка; ukase – указ; samovar – самовар; zakouska – закус-ка; troyka – тройка; steppe – степь; verst – верста; vodka – водка; knout – кн-ут. Последнее слово дало производный глагол to knout – бить кнутом.

Возникновение первого в мире социалистического государства – СССР, развитие социалистического производства, культуры и морали – все эти факторы послужили основанием для возникновения целого ряда новых слов и выражений, получивших широкое распространение не только в нашей стране, но также и за рубежом.

Целый ряд русских слов послеоктябрьской эпохи проник и в английский язык. Среди них назовем слова, связанные с новым государственным строем: Soviet – совет; bolshevik – большевик; bolshivism – большевизм; komsomol – комсомол, получившее затем второе значение комсомолец.

Развитие русской агрономической науки послужило основанием для появления в английском языке слова, *yarovisation* – яровизация, от которого был образован глагол *to yarovize* – яровизировать, *podzol* – подзолистая почва, от которого было образовано прилагательное *podzolic* – подзолистый. В английском языке существует около 820 слов немецкого происхождения – научных и технических терминов, созданных в Германии из классических корней.

Из немецкого языка заимствованы названия отдельных минералов и металлов, напр, *bismuth, cobalt, gneiss, quartz, zink*.

Минералогические и геологические термины становятся особенно многочисленными в XVIII столетии, составляя более половины всех немецких заимствований этого периода. Кроме указанных, слов к ним относятся: *spathic* «шпатовый», *fel(d) spar* < нем. *Feldspar* «полевой шпат», *sinter* «окалина», «шлак», *wolfram* «вольфрам», *hornblende* «роговая обманка», *nickel* «никель», *meershaum* «морская пенка», *speiss* «штейн». В XIX в. были заимствованы слова *gangue* «порода» нем. *gang*, *loess* «лесс», *spiegeleisen* «зеркальный чугу́н», «шпигель», *kieselguhr* «кизельгур», «диатомит» и др.

Несколько слов немецкого происхождения служат названиями продуктов питания и напитков, например: *stein, lagerbeer, sauerkrauft*. Такие слова менее многочисленны чем французские заимствования в этой же области и отличаются меньшей степенью ассимиляции по сравнению с последними.

Небольшое количество немецких заимствований относится к обиходной лексике: *carouse* «попойка» нем. *trinkengaraus* «выпивать до конца»; *waltz* «вальс»; *wanderlust* «любовь к путешествиям»; *junker* «молодой немецкий дворянин»; *lobby* «передняя»; *kinchin* «ребенок» – жаргонное слово < нем. *kindchen*; *zigzag* «зигзаг»; *iceberg* < нем. *Eisberg*.

Из современного немецкого языка были заимствованы слова *rucksack, zappelein*, а также отдельные музыкальные термины, например: *kappellmeister, leitmotif, zither*.

К области военного дела относятся слова *lansquenet* «наемник» < нем. *Landsknecht* (через французский язык); *sabre* (через французский язык) < нем. *Sabel*, в конечном счете, славянского происхождения. Слово *plunder* было занесено в английский язык в XVII в. солдатами, которые служили под командованием Густава Адольфа.

В XVIII-XIX вв. заимствованы следующие слова немецкого происхождения *hetman* (польская форма немецкого слова *Hauptman*); *jaeger* «стрелок» < нем. *Jager* «охотник», *landsturm* «ополчение» и др.

Выводы

Роль заимствований в различных языках неодинакова и зависит от конкретных исторических условий развития каждого языка. Несмотря на обширный приток иноязычных слов, английский язык подчинил их закономерностям не только звукового строя и грамматики, но и своей лексической системы. Таким образом, тысячи иноязычных слов были ассимилированы, усвоены английским языком, стали его неотъемлемой частью. Такое явление способствовало обогащению английского языка, расширению его словарного состава.

Однако некоторые заимствованные слова не утратили своего сходства с родным языком. Это прослеживается либо в написании, либо в произношении слов, например произношение *ch* в словах *machine*, *Chicago* и др. Написание слов через *gh* – *night*, *might* и т.п. под влиянием французского языка и другие случаи.

Глава 3. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Итак, покажем в общих чертах динамику взаимодействия и взаимопроникновения американского и британского вариантов в области лексики. Если в течение раннего периода наиболее характерной чертой американского варианта было его обособление от британского литературного образца, то с течением времени положение заметно изменилось. Современный период характеризуется значительным сближением американского варианта английского языка (АЕ) и британского варианта английского языка (ВЕ) в области лексики. Этому способствовали рост культурных и экономических связей между Англией и США, тесное сотрудничество между обеими странами в период 1-й и особенно 2-й мировых войн, а также развитие современных средств массовой коммуникации.

Изучению роли прессы в распространении и ассимиляции американизмов в ВЕ посвящена работа немецкого ученого Г. Пантена (Panten, 1959). Его исследования служат весьма убедительным подтверждением того факта, что английская пресса является одним из наиболее действенных и активных каналов популяризации американизмов в Англии.

Лексикографические пособия явно не успевают регистрировать этот процесс проникновения американизмов в британский вариант. На страницах английских газет нам могут встречаться такие примеры использования следующих лексических единиц, которые сопровождаются в словарях пометой «американизм»: *to root* (болеть за команду), *to mushroom* (быстро расти), *rocker-faced* (с непроницаемым лицом), *gimmick* (уловка), *stopover* (остановка в пути), *to baby-sit* (присматривать за ребенком), *know-how* (производственный опыт) и др.

Чрезвычайно показательно сопоставление данных лексикографических пособий довоенного и послевоенного периодов. Например, автор одного из довоенных словарей Хоруилл (Horwill, 1935) рассматривал в качестве американизмов *carpet-bagger*, *fan*, *horse-sense*. В то же время английский словарь Chambers (издательство 1961 года) уже не сопровождает эти единицы пометой (US).

Одним из показателей ассимиляции заимствованных американизмов является, на наш взгляд, то, что они нередко включаются в микросистему ВЕ не в виде изолированных вкраплений, а совместно со связанными с ними элементами словообразовательной или лексико-семантической парадигмы (сравните, например: *baby-sitter* – *to baby-sit*; *rocker face* – *rocker – faced*; *to root* – *rooter*; *highbrow* – *lowbrow*).

Процесс заимствования бритацизмов в АЕ значительно уступает по своим масштабам проникновению американизмов в британский вариант.

Об этом, в частности, свидетельствуют данные эксперимента, осуществленного М. Олвудом, который проверял степень знакомства американских студентов с бритуцизмами и британских студентов с американизмами (Allwood, 1968). Выяснилось, что студенты-англичане значительно лучше знают американизмы, чем американские студенты - бритуцизмы. Это объясняется определенными экстралингвистическими факторами (значительным влиянием США на Англию в области экономики, политики, культуры).

3.1. Влияние бритуцизмов на американскую лексику

Тем не менее, бритуцизмы оказывают определенное влияние на американскую лексику. Так, из ВЕ было заимствовано весьма распространенное в США слово *smog*, образованное путем стяжения *smoke* и *fog*. Из сленга британских ВВС (Высшие военно-воздушные силы) в АЕ проникли глагол *to brief* и существительное *briefing* (первоначально «инструктаж перед боевым вылетом», впоследствии «любой инструктаж»). Нередко бритуцизм, получив распространение в Америке, начинает конкурировать со своим американским аналогом. У таких пар, как *shop : store*, *luggage : baggage*, *chest of drawers : bureau*, *dinner jacket : tuxedo*, *dressing-gown : bathrobe* наметилась определенная смысловая и стилистическая дифференциация.

На уровне лексико-семантической системы АЕ и ВЕ находятся в наиболее тесном соприкосновении и взаимодействии. Границы между такими категориями, как «американизм», «бритуцизм» и «общеанглийская лексическая единица» порой оказываются весьма подвижными. Тем не менее, несмотря на наличие ряда промежуточных, переходных случаев, разграничение указанных категорий представляется вполне правомерным, поскольку оно отражает реально существующие, хотя и не изолированные друг от друга, группировки лексических единиц.

Вопрос об ассимиляции заимствованных лексических единиц требует серьезного изучения. Сам по себе факт окказионального использования американизма в британских источниках еще не служит достаточным основанием для причисления его к общеанглийской лексике. Упомянутое выше исследование Г. Пантена убедительно свидетельствует о том, что американизмы, используемые в британской прессе, требуют дифференцированного подхода. Многие из них, например, встречаются в цитатах из выступлений американцев, а также в материалах, принадлежащих перу американских авторов или англичан, живущих в течение длительного времени в США.

В этом отношении чрезвычайно показательны данные опроса информантов, проведенного Г. Пантенем с целью проверки фактической ассимиляции американизмов, встречающихся на страницах английской газеты. Анализ ответов информантов показывает, что примерно в 50% всех случаев информанты либо вовсе не знали данной единицы, либо владели ею лишь рецептивно. Есть все основания полагать, что по масштабам использования американизмов газетно-публицистический жанр значительно опережает лексический запас среднего образованного англичанина.

В то же время анализ полностью ассимилированных заимствований из АЕ и единиц, находящихся в процессе ассимиляции, позволяет выделить следующие основные группы единиц с наиболее ярко выраженной тенденцией к взаимопроникновению. Это, во-первых, лексические единицы, восполняющие пробел в системе номинации. Речь идет об американизмах, обозначающих предметы и явления, не имеющие устойчивых названий в ВЕ. К их числу относятся *commuter* (житель пригорода, работающий в городе), *blurb* (издательская реклама на суперобложке), *trailer* (прицеп), и упомянутые выше *know-how* и *baby-sitter*.

С другой стороны, такие единицы, как *jukebox* (автомат проигрывания пластинок), *milk-shake* (молочный коктейль), *sundae* (мороженое с фруктовым сиропом) и широко известные *chewing-gum*, *western*, *bikini* и др., характерны тем, что они являются названиями, импортированными вместе с обозначаемыми ими предметами (по терминологии Л. Блумфилда – *cultural borrowings*).

3.2. Американские и британские заимствования

Некоторые из заимствований представляют собой названия широко известных в Англии американских реалий (*ranch*, *congressman*, *Secretary of State*, *rodeo* и др.).

Наконец, весьма многочисленную группу составляют слова и устойчивые словосочетания, обладающие яркой экспрессивно-стилистической окраской, которые пополняют лексику ВЕ экспрессивно окрашенными эквивалентами стилистически нейтральных лексических единиц:

Заимствование из АЕ:

to steamroller

gimmick

graft

to boost

foolproof

up-and-coming

bunk

brainwashing

Общеанглийский синоним:

to suppress

trick

corruption

to publicize

simple

promising

nonsense

indoctrination

Наблюдения над образными экспрессивно окрашенными лексическими единицами, не проникающими из американского в британский вариант, свидетельствуют о том, что одним из препятствий к их ассимиляции в ВЕ служит неясность их внутренней формы для англичан. Этим, в частности, объясняется относительная стабильность американизмов, основанных на образном переосмыслении малоизвестных англичанам спортивных терминов (например, *huddle* «секретное совещание», *to pinch-hit* «замещать», *off one's base* «ошибающийся, не в курсе дел», *with two strikes against one* «с неравными шансами»).

С другой стороны, прозрачность внутренней формы в немалой мере способствовала ассимиляции в ВЕ таких американизмов как *to strike oil* (разбогатеть), *lunatic fringe* (экстремистское меньшинство), *to hit the headlines* (стать знаменитым). Обратите внимание на следующий пример, свидетельствующий о четком осознании образа, лежащего в основе заимствованного американизма: «*Holding down a job*» (the phrase comes to us from America) и *conjures up the picture of a cowboy "holding down" a bucking broneho* (Johnstone).

3.3. Проникновение бритацизмов в американизмы

Те же условия, очевидно, сохраняют свою силу и в отношении бритацизмов, проникающих в американский вариант. Так, например, американцам, по свидетельству Маркварда, не ясна внутренняя форма образного британского фразеологизма *sticky wicket* «трудная задача», основанного на переосмыслении термина из малоизвестной в США игры в крикет.

Опросы информантов свидетельствуют о том, что в беспрепятственном общении между носителями АЕ и ВЕ, помимо общеанглийской лексики, существенную роль играет и та локально маркированная лексика, которой говорящие на АЕ и ВЕ владеют рецептивно.

Образ лексико-сематических различий между АЕ и ВЕ показывает, что различительные элементы значительно чаще встречаются в устно-

разговорной, чем в книжно-письменной речи, что, по-видимому, в значительной мере объясняется тем фактом, что книжно-письменная разновидность АЕ в прошлом испытывала на себе гораздо большее влияние британской нормы, чем устная речь (Pyles, 1952).

Что касается книжно-письменной лексики, то ее функционально-стилистические разновидности обнаруживают различную степень насыщенности различительными элементами. Сферой минимальной концентрации следует считать научную прозу, где различия обычно сводятся к отдельным терминологическим расхождениям. "Прочитав научную статью, – пишут по этому поводу Марквардт и Квирк, – совершенно невозможно определить, где она была написана – в Америке или в Англии" (Marckwardt, Quirk, 1964). Наибольшее сосредоточение различительных элементов обнаруживается в тех жанрах письменной речи, которые в большей мере тяготеют к разговорному стилю (например, в рекламе, газетных фельетонах, спортивных обзорах, драматургии и др.).

Выделяются также и некоторые тематические группы, в которых обнаруживаются наибольшие различия, обусловленные определенными экстралингвистическими факторами. Так, например, отсутствие унификации при выработке терминологии в некоторых областях техники в XIX веке и начале XX в. привело к значительным расхождениям в автомобильной и железнодорожной терминологии. Приведем некоторые примеры из автомобильной терминологии:

BE
bonnet
hood
dynamo
mudguard
sparkling-plug
sump/crankcase
АЕ
hood
top
generator
fender
spark-plug
crankcase

В то же время в других, более новых отраслях техники степень унификации терминов значительно выше.

Влияние экстралингвистических факторов на лексико-семантические расхождения проявляется иногда в так называемой «аттракции синонимов», т.е. в образовании широких синонимических рядов вокруг понятий, имеющих особое значение для данного народа. По-видимому, не случайно, что именно в американском варианте имеется довольно обшир-

ный ряд идеографических синонимов, соответствующих понятию «автострада»: superhighway – express-way – freeway – turnpike – parkway.

Выводы

Процесс взаимопроникновения лексических единиц американского и британского вариантов носит, несомненно, весьма интенсивный характер. Очевидно и то, что на лексико-семантическом уровне оба варианта значительно приблизились друг к другу по сравнению с XIX веком и даже с началом XX века. Поэтому правомерен вопрос: можно ли предположить, что в будущем произойдет полное стирание лексико-семантических различий между АЕ и ВЕ? Разумеется, ответ на этот вопрос может носить лишь чисто гипотетический характер.

Тем не менее, анализ тенденций, определявших в прошлом взаимодействие обоих вариантов в области лексики, позволяет предположить, что такого рода нивелировка различий едва ли возможна. В самом деле, анализ изложенного выше материала убедительно доказывает, что межвариантные лексические заимствования, как правило, носили вполне закономерный характер, заполняя вакуум либо в системе номинации, либо в ареале экспрессивно-стилистических средств.

С другой стороны, единицы, не подпадающие под эту категорию, в течение длительного периода времени проявляют значительную устойчивость к нейтрализации локального признака. Сюда относятся обширные группы различительных элементов в бытовой лексике (такие, как lift: elevator, braces: suspenders, biscuit : cookie и многие другие). Можно предположить, что, несмотря на интенсивные темпы заимствований, различительные элементы будут по-прежнему возникать благодаря созданию в том или ином варианте неологизмов, часть которых в силу тех или иных причин (некоторые из них упоминались выше) не окажется достоянием носителей другого варианта.

Взаимодействие лексико-семантических микросистем АЕ и ВЕ требует весьма глубокого и всестороннего анализа, в том числе анализа социолингвистического. В то же время имеющиеся в нашем распоряжении данные убедительно говорят о том, что параллельно процессу интеграции продолжается процесс дифференциации, и что нет никаких оснований предполагать, что первый процесс в обозримом будущем нейтрализует второй.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зарубежные исследования Л. Блумфилда, Н. Хомского и Ч. Филлмора внесли большой вклад в развитие лингвистической науки. Их теоретические изыскания нашли дальнейшее развитие за рубежом и в России. Лингвистическая концепция Блумфилда – это цельная и последовательная теория, в основе которой находится структура языка. Л. Блумфилд не только разработал основы лингвистического анализа по непосредственным составляющим, но и ввел в лингвистический анализ понятие субстанции. Он внес вклад в развитие американского языкознания – дескриптивной лингвистики, выдвинув ряд общелингвистических установок. Его исследования способствовали развитию лингвистической науки в США, а в дальнейшем и в других странах. Совершенная структурная лингвистика базируется на основе лингвистической концепции Блумфилда.

Хомский Н. представлен как основоположник алгебраической лингвистики, которая рассматривает правила порождения предложений. Предложение рассматривается либо как одноуровневая цепочка символов, либо как структура с несколькими уровнями. Его исследования основаны на методе формально-логического анализа, нацеленного на логико-математическое моделирование языков. Однако он не рассматривал предложение с точки зрения его значения. Этим вопросом занимался Ч. Филлмор. Он придавал большое значение семантическому аспекту языка. Ч. Филлмор разработал систему семантических падежей, прослеживая роли тех или иных компонентов в рамках предложения. Падежная система Филлмора положена в основу многих лингвистических исследований отечественных и зарубежных лингвистов продолживших разработку теории семантических падежей, важным является то, что он рассматривал предложение не как формальную структуру, а обратил внимание на значение и смысл содержащихся в нем компонентов, что очень важно для развития лингвистической науки в целом.

Кроме анализа теоретических концепций в монографии рассматриваются некоторые вопросы современной английской лексикологии: происхождение и способы функционирования фразеологических единиц, роль заимствований в системе английского языка и сравнительно-сопоставительный анализ британского и американского вариантов английского языка. Среди фразеологизмов представлены единицы терминологического и нетерминологического происхождения, библеизмы, шекспиризмы, ФЕ, заимствованные из разных языков. Показана их структура, способы употребления в устной и письменной речи, указаны исторические персоны и писатели, которые их использовали. Даются эквиваленты ФЕ на русском языке и их толкование.

Во II главе 2-й части представлены заимствования из разных языков, используемые в английском языке, рассматриваются исторические периоды появления таких слов, подчеркивается как значимость, так и способы обогащения английского языка. Заимствования составляют широкий пласт английского языка, т.к. исконно английских слов всего лишь 30%. Многие из них ассимилировались и функционируют по правилам английского языка. Это слова из французского, немецкого, итальянского, русского и других языков, которые способствуют расширению лексического состава английского языка.

В монографии также рассматриваются лексические единицы, являющиеся принадлежностью американского варианта английского языка в сопоставлении с британскими единицами. Проводится подробный анализ и приводятся примеры из вокабуляра бритаизмов и американизмов. Показано, что происходит процесс взаимопроникновения лексики американского и британского вариантов. Однако различные черты продолжают существовать. Но, тем не менее, не смотря на исторические различия, американский вариант нельзя считать самостоятельным языком.

Таким образом, вся информация, содержащаяся в данной монографии, является полезной для изучения студентами, обучающимися по направлению «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Знакомство с лингвистическими концепциями ученых-лингвистов и материалами из современной лексикологии английского языка способствуют расширению кругозора студентов и обогащению знаниями в области лингвистики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
2. Андреев, Н.Д. Квазилингвистика Хомского [Текст] / Н.Д. Андреев // Вопросы языкознания. – 1976. – № 5.
3. Антрушина, А.Н. Лексикология современного английского языка [Текст] / А.Н. Антрушина. – М.: Дрофа, 2001. – 208с.
4. Апресян, Ю.Д. Что такое структурная лингвистика [Текст] / Ю.Д. Апресян // Иностраный язык в школе. – 1961. – № 3.
5. Апресян, Ю.Д. О понятиях и методах структурной лексикологии.// Проблемы структурной лингвистики [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1962. – С.141-162.
6. Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [Текст] /Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 160 с.
7. Аракин, В.Д. История английского языка [Текст]: учеб. пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки» / В.Д. Аракин. – М.: Просвещение, 1985. – 236 с.
8. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка [Текст]: учеб. пособие / И.В. Арнольд – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 212 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Проблемы морфологии в трудах американских дескриптивистов [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Т.Н. Климов, Е.С. Кубрякова // Вопросы теории лингвистики. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
10. Арутюнова, Н.Д. Американский структурализм.//Основные направления структурализма [Текст] / Н.Д. Арутюнова, Т.Н. Климов, Е.С. Кубрякова. – М.: Просвещение, 1964. – 116 с.
11. Ахманова, О.С. Основные направления лингвистического структурализма [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. – 118 с.
12. Бархударов, Л.С. Структурная лингвистика [Текст]/ Л.С. Бархударов // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1966. – №8.
13. Бархударов, Л.С. Структурная лингвистика, «Наука и жизнь» [Текст]/ Л. С. Бархударов, №8, 1966.
14. Бархударов, Л.С. К вопросу об отношении формальных и семантических моделей предложения [Текст] / Л. С. Бархударов // Теория языка. Англистика. Кельтология. – М.: Наука, 1976. – С.11-18.
15. Берлизон, С.Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении [Текст]/ С.Б. Берлизон // Семантическая структура слова и фразеологизма. – Рязань, 1980.
16. Блумфилд, Л. Язык [Текст] / Л. Блумфилд; пер. с англ. – М.: Просвещение, 1968. – 306 с.

17. Боас, Ф. Введение к «Руководству по языкам американских индейцев» [Текст] / Ф. Боас // В.А. Звегинцев, История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. 2. – М.: Просвещение, 1960. – 164 с.
18. Бурлакова, В.В. Синтаксические структуры современного английского языка [Текст] / В.В. Бурлакова – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
19. Ванников, Ю.В. Полная синтаксическая модель предложения и типы её реализации в тексте [Текст] / Ю.В. Ванников // Трансформационный метод в структурной лингвистике – М.: Наука, 1964. – 176 с.
20. Волосевич, С.П. Замена компонентов фразеологических единиц в аспекте номинации и коммуникации [Текст] / С.П. Волосевич. – М.: Высшая школа, 1989. – 196 с.
21. Воронина, Н.А. К вопросу о структурной схеме предложения [Текст] / Н.А. Воронина // Вестник МГУ. – Сер. 10. Философия. – 1974. – №6.
22. Гак, В.Г. О французской фразеологии и французско-русском фразеологическом словаре [Текст] / В.Г. Гак, Я.И. Рецкер. – М.: Просвещение, 1963. – 156 с.
23. Глисон, Г. Введение в дескриптивную лингвистику [Текст] / Г. Глисон. – М.: Учпедгиз, 1959. – 112 с.
24. Гухман, М.М. Исторические и методические основы структурализма [Текст] / М.М. Гухман. – М.: Просвещение, 1964. – 128 с.
25. Засорина, Л.Н. Введение в структурную лингвистику [Текст] / Л.Н. Засорина. – М.: Высшая школа, 1974.- 209с.
26. Звегинцев, В.А. Современные направления в зарубежном языкознании [Текст] / В.А.Звегинцев // Новое в лингвистике. Вып. IV. – М.: Прогресс, 1965.
27. Звегинцев, В.А. Структурализм в лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во АН СССР, 1977. – Сер. литер. на ин. яз. – Т.36. – №3.
28. Звегинцев, В.А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий [Текст] / В.А.Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – Прогресс, 1981. – Вып. X. – С.5-32.
29. Ильиш, Б.А. История английского языка [Текст]: учебник для студентов педагогических институтов по специальности "Иностранные языки" / Б.А. Ильиш. – М.: Высшая школа, 1968. – 350 с.
30. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка [Текст] / Б.А. Ильиш – Л.: Просвещение, 1971. – 366 с.
31. Карпов, Л.Н. Методологические аспекты структурной лингвистики [Текст] / Л.Н. Карпов // Филологические науки. – 1976. – №6.
32. Кондрашов, Н.А. История лингвистических учений [Текст] / Н.А. Кондрашов. – М.: Просвещение, 1979. – 140 с.
33. Кунин, А.В. Английская фразеология [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Просвещение, 2003. – 344 с.

34. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии [Текст] / Б.А.Ларин. – Л.: Учпедгиз, 1956. – 158 с.
35. Маслов, С.Ю. Основные направления структурализма. [Текст] / С.Ю. Маслов // Русский язык в школе. – 1966. – №5.
36. Макколи, Дж.Д. О месте семантики в грамматике языка [Текст] / Дж.Д. Макколи; пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып.Х. – С.235-301.
37. Новое в структурной лингвистике. 1960-1965. № 1-4.
38. Ревзин, И.И. Структурная лингвистика и единство языкознания [Текст] / И.И. Ревзин // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3.
39. Ревзин, И.И. Современная структурная лингвистика [Текст] / И.И. Ревзин. – М.: Наука, 1977. – 269 с.
40. Смит, Л.П. Фразеология английского языка [Текст] / Л.П. Смит. – М.: Учпедгиз, 1959. – 208 с.
41. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
42. Тер-Минасова, С.Г. Методологические проблемы изучения фразеологии [Текст] / С.Г. Тер-Минасова // Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1985. – №5. – С.42-48.
43. Филлмор, Ч. Дело о падеже [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике; пер. с англ. М.: Прогресс, 1981. – Вып. Х. – С.369-495.
44. Филлмор, Ч. Дело о падеже открывается вновь [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1981. – Вып.Х. – С.496-530.
45. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике; пер. с англ. – М.: Радуга, 1983. – Вып.ХІІ. – С.74-122.
46. Фрей, У. «Школа» Блумфилда. [Текст] / У.Фрей // Новое в лингвистике.– М.: Прогресс, 1965. – Вып. ІV. – 367 с.
47. Хомский, Н. Синтаксические структуры [Текст] / Н. Хомский // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – Вып. ІІ. – С.171-174.
48. Швейцер, А.Д. Очерк современного английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Высшая школа, 1963. – 216 с.
49. Швейцер, А.Д. Литературный английский язык в США и Англии [Текст] / А.Д. Швейцер – М.: Высшая школа, 1971. – 200 с.
50. Aarsliff, H. The history of linguistics and professor Chomsky. «Language», 1970.
51. Burlakova, V. Contribution of English and American linguistics: to the Theory of Phrase. – М.: Higher School, 1971. – 107 p.
52. Chomsky, N. Syntactic structures. The Hague, 1957. – 269 p.
53. Chomsky, N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass), 1965.

54. Chomsky, N. Language and mind. New York – Chicago – San Francisco Atlanta, 1968. – 212 p.

55. Chomsky N. Topics in the theory of generative grammar. //Sebeok TH A (ltd.) Current trends in linguistics, v.3, the Hague, 1966, P.1-60.

56. Chomsky, N. Form and meaning in natural language // Communication. Amsterdam – London, 1969.P.69-85.

57. Fillmore, Ch. J. Topics in Lexical Semantics // Current Issues in Linguistic Theory / R.W. Cole. Bloomington, London, 1977. – P.76-138.

58. Fillmore, Ch.J. Toward a modern theory of case // The Ohio State University project on linguistic analysis. – Report №13. 1966. P.1-24.

59. Gray, L. Mehanizme et mentalisme en langage, «Aeta Linguista», Copenhagen, vol. V, 1949. 162 p.

60. Halliday. M.A.K. Some notes on deep grammar // Journal of linguistics, 1966. №2. – P.55-67.

61. Katz, J. J. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge (Mass), 1964. – 163 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Задание. Ознакомьтесь с особенностями американского варианта английского языка.

Vocabulary of American English

It is quite true that the vocabulary used by American speakers, has distinctive features of its own. More than that: there are whole groups of words which belong to American vocabulary exclusively and constitute its specific features. These words are called Americanisms.

The first group of such words may be described as historical Americanisms.

At the beginning of the 17th century the first English migrants began arriving in America in search of new and better living conditions. It was then that English was first spoken on American soil, and it is natural that it was spoken in its 17th century form. For instance, the noun «fall» was still used by the first migrants in its old meaning «autumn», the verb «to guess» in the old meaning «to think», the adjective «sick» in the meaning «ill, unwell». In American usage these words still retain their old meaning whereas in British English their meanings have changed.

These and similar words, though the Americans and the English use them in different meanings, are nevertheless found both in American and in British vocabularies.

The second group of Americanisms includes words which one is not likely to discover in British vocabulary. They are specifically American and we shall therefore call them «proper Americanisms». The oldest of these were formed by the first migrants to the American continent and reflected, to a great extent, their attempts to cope with their new environment.

It should be remembered that America was called «The New World» not only because the migrants severed all connections with their old life. America was for them a truly new world in which everything was strikingly and bewilderingly different from what it had been in the Old Country (as they called England): the landscape, climate, trees and plants, birds and animals.

Therefore, from the very first, they were faced with a serious lack of words in their vocabulary with which to describe all these new and strange things. Gradually such words were formed. Here are some of them. «Backwoods» («wooded, uninhabited districts»), «cold snap» (a sudden frost), «blue-grass» (a sort of grass peculiar to North America), «blue-jack» («a small American oak»), «cat-fish» («called so because of spines linked to cat's claws»), «bull-frog» (a huge frog producing sounds not unlike a bull's roar), «sun-fish» (a fish with a round flat golden body).

If we consider all these words from the point of view of the «building materials» of which they are made we shall see that these are all familiar to English, even though the words themselves cannot be found in the vocabulary of British English. Yet, both the word-building pattern of composition and the constitutional formula of English are the same.

Later proper Americanisms are represented by names of objects which are called differently in the United States and in English. For example, the British «chemist's» is called «drug store» or «druggist's» in the United States, the American word for «sweets» (Br) is «candy», «luggage» (Br) is called «baggage» (Amer), «underground» (Br) is called «subway» (Amer), «lift» (Br) is called «elevator» (Amer), «railway» (Br) is called «railroad» (Amer), «carriage» (Br) is called «car» (Amer), «car» (Br) is called «automobile» (Amer).

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ АНГЛО-РУССКИХ СЛОВАРЕЙ

- 1) Англо-Русский Лингвострановедческий Словарь «Американа»
- 2) Бизнес Толковый Словарь
- 3) The New Encyclopedia Britannica
- 4) Oxford Students Dictionary of Current English
- 5) The Oxford Duden Pictorial English Dictionary
- 6) Англо-русский Синонимический Словарь
- 7) Webster's Third New International Dictionary and Seven Language Dictionary
- 8) Историко-этимологический Словарь Современного Английского языка

1. Англо-Русский Лингвострановедческий Словарь «Американа»

под ред. док. фил, наук проф. Т.Л. Чернова,

Авторы: проф. В.Н. Беляков, М.В. Волянин.

Издательство: Copyright «Полиграмма», 1996 г.

Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа» является первым двуязычным словарем, предлагающим многочисленные энциклопедические сведения о США. Он содержит более 20 000 словарных статей по истории государства, экономическому и социальному устройству, литературе и искусству, а также жизненным повседневным этапам страны. Словарь предназначен для специалистов в области английского языка, переводчиков, тех, кто интересуется проблемами США. Словарь имеет пометы: жарг. – жаргонное слово, кул. – кулинария, см. – смотри, разг. – разговорное выражение. Количество слов: словарь содержит более 20000 словарных статей по истории, экономике, литературе, искусству и др.

Примеры:

- 1) beard [bird] тв. «ляп» \\\ оговорка, допущенная диктором или исполнителем во время передачи в эфире, тж. Bloomer
- 2) frat \\\ жарг. 1. студенческое братство см. fraternity 2. член студенческого братства тж. Frat rat 3. студент из состоятельной семьи, соблюдающий нормы поведения и стиль одежды представителей среднего класса <middle class>
- 3) Kodak//кодак\\\ товарный знак фотокинотоваров компании «Истмен кодак» <Eastman Kodak. Co.> г. Рочестер, штат Нью-Йорк. Слово кодак было придумано Дж. Истменом в 1888 при выпуске на рынок первого массового фотоаппарата, по замыслу автора оно должно было одинаково звучать на всех языках.
- 4) ranch//1. ранчо. Животноводческое хозяйство на западе США, обычно занимающее большую территорию, в которой разводят крупный рогатый скот, лошадей или овец. Обслуживается ковбоями <cowboy>, наемными пастухами, наездниками-скотоводами. 2. ферма\\\ в повседневной речи США – любительская ферма\\\3. duderanch

5) rock n roll \\
ранняя форма рок музыки, характерная для 1950-60 х гг. и популярная особенно среди представителей поколения «бума рождаемости» <baby boom>. Сочетает в себе музыкальные стили ритм энд блюз и кантри. Для нее характерны танцевальный метроритм, динамичность использования электроинструментов.

2.Бизнес Толковый Словарь

Originally published by Oxford University press

Автор: общая редакция д.э.н. Осадчая И.М.

Издательство: «Весь мир», Москва, 1998 г.

Количество слов: Словарь содержит свыше 4000 понятий. Словарь дает наиболее полное представление обо всех областях современного бизнеса: предпринимательской деятельности, банковском деле и международных финансах, операциях с ценными бумагами и недвижимостью, налогообложением и бухгалтерском учете, фрахтовых сделках и страховании, менеджменте, маркетинге и рекламе.

Словарь предназначен для учащихся и преподавателей, а также предпринимателей, финансистов, юристов, бухгалтеров, рекламных агентов, издательских работников. Издание снабжено указателем русских терминов.

Примеры:

1) ACC: аббревиатура понятия «Корпорация сельскохозяйственного кредита» (Agricultural Credit Corporation Ltd.)

2) appreciation (повышение): 1. Повышение стоимости актива, как правило, в результате инфляций. Обычно растет стоимость земли и зданий: директора компании обязаны пересматривать стоимость земли и зданий, а также других активов, т.е. учитывать их рост. 2. Повышение стоимости одной валюты с «плавающим» курсом относительно другой валюты. Ср., depreciation (обесценивание); devaluation (девальвация).

3) comptroller (контроллер): Название должности финансового директора в некоторых компаниях или главного финансового менеджера группы компаний. Это название гораздо более широко распространено в США, нежели в Великобритании,

4) ex quau (франко-набережная): условия поставки товаров, когда продавцу оплачивают все издержки по их доставке в порт назначения, разгрузке и погрузке на шоссейный или железнодорожный транспорт. После этого все расходы по транспортировке несет покупатель.

5) gazump (незаконная попытка повысить плату): попытка повысить цену или принять более выгодное предложение при продаже земли, зданий и т.п., после того как продажная цена устно согласована, но не до обмена контрактами (exchange of contracts).

3. The New Encyclopedia Britannica

Authors: Peter B. Norton, President and Chief Executive Officer, Joseph J. Esposito, President, Publishing group.

Publishing house: Encyclopedia Britannica Inc., Chicago, 1994.

The 12 volumes of the Micropaedia contain tens of thousands of short articles on specific persons, places, things and ideas, arranged in alphabetical order. The Micropaedia can be used as an information resource on its own; and it can function as support for the longer articles in the Micropaedia. The Micropaedia in turn is supported by references in the IDEX and by the lists of suggested readings in the Propaedia. Finally, the Micropaedia is the portion of the Encyclopedia Britannica best suited for the reader who wishes to browse among the countless subjects in all fields of human learning and history in all times and places.

Examples:

- 1) chalcocite, a sulfide mineral that is one of the most important ores of copper. Valuable occurrences include deposits of sulfide minerals at Ely, Nev. And Morenci, Ariz, where other components of the original rock have been dissolved away; it is also found with bornite in the sulfide veins of tsumeb, South West Africa, and Butte, Mont. For detailed physical properties, see sulfide mineral.
- 2) Chervil, annual herb of the family Apiaceae. Native to the Black sea and Caspian Sea regions of the southern USSR and to western Asia, chervil is cultivated in Europe for its lacy, decomposed, aromatic leaves, which are dried and used to flavour foods, particularly fish, salads, soups, eggs.
- 3) coriander, Spanish CILANTRO dried fruit, common name of the seed of coriandrum sativum, a feathery annual herb of the family Apiaceae. Native to the Mediterranean and Middle East regions, the herb is cultivated in Europe, Marocco and the USA for its seeds which are used to flavour many foods, particularly sausages, etc.
- 4) cosmogony, is astronomy, study of the evolutionary behavior of the universe and the origin of its characteristic features. For scientific theories on the unsolved problem of the origin of the solar system, see planetesimal; photo planet.
- 5) cupboard, type of the furniture that originated in the Middle Ages as a board or table for cups. The word also may have been used for a stepped sideboard and later for open shelves to display plate.

4. Oxford Students Dictionary of Current English

Author: A.S. Hornby

Издательство: Oxford University Press, Москва «Просвещение», 1984 г. (1-е издание 1978 г.; 1981 г.)

Словарь представляет собой учебное и справочное пособие, включает 35 000 слов и выражений, а также 50 000 примеров, иллюстрирующих словоупотребление.

Настоящее его издание является перепечаткой с небольшими изменениями английского издания словаря.

Словарь предназначен для учителей и преподавателей, студентов и учащихся старших классов.

Contents: sample entries; the arrangement of the entries; symbol and abbreviations used; the dictionary; appendices – irregular verbs; abbreviations, numbers, weight and measures, punctuation.

Количество слов: 35 000 слов и выражений и 50 000 примеров, иллюстрирующих словоупотребление.

Symbols and abbreviation used:

Adj. – adjective

Adv. – adverb

Astron. – astronomy

Fr. – French

L – look at

T – taboo

Examples:

1) Acoustic adj. of sound, the science of sound and the sense of hearing. n. [C] studio hall, etc. from the consideration of how well music, speech, etc. can be heard.

2) cantata n [C] (pl~s) short musical work (usually telling a story) to be sung by soloists and a choir.

3) dim adj. (-mer, -mest) 1. not bright; not (to be) seen clearly; the ~ outline of buildings on a dark night 2. (of the eyes) not able to see clearly: His eyesight is getting ~mer.

(4) exterior adj. outer; situated on or coming from outside:

The ~ of a building interior (1). n. [C] outside; outward appearance; a good man with a friendly face.

5) friend n. [C] 1. person, not a relation, who one knows and likes well: He has been a good ~ to me, 2. helpful thing or quality: Among gossips silence can be your best 3. helper or sympathizer: a good~ of the poor also quaker.

5. The Oxford Duden Pictorial English Dictionary

Author: Edited by John Pheby, Oxford with the assistance of Poland.

Издательство: Oxford University Press, Oxford, Bibliographisches Institute Mannheim, Russki Yasik, Moscow, 1985. (1-е изд. 1979 г.; 1981 г.)

Данный словарь – переиздание в СССР словаря, выпущенного в 1981 г. как результат совместной работы издательств «Oxford University Press» (Великобритания) и «Duden» (ФРГ). Словарь содержит около 28 000 иллюстраций отдельных предметов и их названия на английском языке, охватывает 384 темы из повседневной жизни, науки, техники, искусства, спорта, флоры и фауны. Словарь снабжен подробным индексом, облегчающим нахождение того или иного термина.

Продолжение прил. 2

Предназначен для широкого круга читателей, изучающих английский язык на среднем и продвинутом этапах или работающих с английским языком. Распространяется только на территории СССР и НРБ.

Abbreviations:

Am. – american usage; *coll.* – colloquial; *f* – female; *form.* – formerly; *joc.* – jocular; *m.* – male; *poet.* – poetic.

Examples:

1) Office

1 – partition wall	6 – clerical assistant
2 – filing drawer with suspension file system	7 – letter tray
3 – suspension file	8 – wall calendar
4 – file tab	9 – data center
5 – file	10 – connecting element

2) Musical instruments

1 – organ	6 – guitar
2 – front view of organ	7 – jazz trumpet
3 – display pipes	8 – cogna drum
4 – piano	9 – accordion
5 – lute	

3) Park

1 – grotto	6 – fountains
2 – stone statue	7 – pedestal
3 – orangery	8 – park keeper
4 – boscage	9 – stone vase
5 – open-air theatre	10 – park bench

4) Restaurant

1 – beer pump	6 – coat hook
2 – drip tray	7 – bottle
3 – beer glass	8 – tray
4 – shelf for glass	9 – wine list
5 – hat peg	10 – regular customer

5) Computer center

1 – disk store	6 – punched card
2 – magnetic type	7 – card stracher
3 – console operator	8 – operator
4 – intercom	9 – dial
5 – operating indicators	10 – internet telephone list

6. Англо-русский Синонимический Словарь

Авторы: Ю.Д.Апресян, В.В. Вотякова, Т.Э. Латышев

Издательство: «Русский язык», 1979 г.

Словарь содержит около 350 синонимических рядов английского языка. В каждой словарной статье дается толкование общего значения ряда на русском языке и его перевод, подробная характеристика сходств и различий между синонимами, анализ условий, в которых синонимы способны заменять друг друга, а также описание структуры синонимического ряда.

Синонимические ряды иллюстрированы цитатами из классической и современной литературы на английском языке.

Словарь предназначен для специалистов по английскому языку, преподавателей, студентов и переводчиков.

Примеры:

1) intelligent, clever, alert, quick-witted, разг. smart, bright. Способный быстро и правильно принимать решение или понимать людей, ситуацию или информацию, умный, сообразительный, толковый.

2) melody, tune, air – последовательность звуков разной высоты и длительности, составляющие одно музыкальное целое, мелодия, мотив, напев.

Melody – наиболее общее слово – может обозначать простую или сложную, красивую или некрасивую мелодию, исполняющуюся на любых инструментах и составляющую большую или меньшую часть любого музыкального произведения.

Tune – обозначает отдельную музыкальную фразу, Air – песня.

3) smell, scent, odour, aroma

Smell – общее по значению слово, указывающее на ощущения запаха, независимо от его силы, производящей впечатление, или его источник.

Scent – предполагает тонкий, обычно приятный запах, для восприятия которого необходимо иметь чуткое обоняние.

Odour – подчеркивает факт наличия характерного запаха. Обозначает сильный, легко воспринимающийся запах, по которому можно определить не только вещество или предмет, но и местонахождение.

Aroma – приятный, сильный, легко воспринимающийся запах, свойственный тем веществам, которые одновременно обладают и определенными вкусовыми качествами.

4) strong, stout, sturdy, stalwart, tough strong - описывает силу мышц

Stout – указывает не только на силу мышц, но и на плотное телосложение

Sturdy – фиксирует внимание на общем физическом здоровье, крепкое телосложение

Stalwart – предполагает большую физическую силу, сочетающуюся с рослостью и атлетическим телосложением

Tough – крепость всех тканей тела

5) tramp, trudge, plod

Tramp – предполагает помимо общего значения «идти медленно с трудом» тяжелую поступь, и часто отсутствие определенной цели

Trudge – значит «идти с трудом, преодолевая усталость, но упорно и настойчиво»

Plod – указывает еще на большие усилия, еще большую усталость или необходимость преодолевать еще большие трудности.

7. Webster's Third New International Dictionary and Seven-Language Dictionary

Encyclopedia Britannica, Inc.

Made in the USA, 1993 by Merriam Webster, Inc., Chicago.

Contents:

Preface; Editorial Staff; Outside consultants; Explanatory Chart; Explanatory notes; Divisions in Boldface; Entry words; Spelling; Plurals; Capitalization; The writing of Compounds; Meriam-Webster Pronunciation Symbols; Guide to Pronunciation; Divisions in respelled Pronunciations; Punctuation forms of Address.

This dictionary has over 450 000 words.

Examples:

1) artichoke 1. a tall herb that resembles a thistle and has coarse pinnately incised leaves 2. the flower head of the artichoke having large oval involucrial bracts with fleshy bases that with the receptacle are cooked as a vegetable – called also globe artichoke 3. Jerusalem artichoke

2) bar chart n. a graphic representation for comparing numbers by means of rectangles of uniform widths but of lengths proportional to the numbers being represented – called also bar graph

3) boccaro; a usu. Dark red and often ornately modeled stoneware produced in China and introduced into Europe in the 17th century

4) cantor 1. choir leader 2. a synagogue official who sings or chants liturgical music and leads the congregation in prayer - called also hazan

5) fraternal worker: a person engaged professionally in the work of a church who comes from and is usu. supported by a church in another country.

8. Историко-Этимологический словарь Современного Английского Языка

Автор: М.М. Маковский

Издательство: «Диалог», 2000 г. – 416 с. (1-е изд. 1999 г.)

Историко-этимологический словарь современного английского языка – 1-й этимологический словарь английского языка в России. Словарь содержит 800 словарных единиц. Для сравнения приводится материал около 150 индоевропейских языков – как новых, так и древних. Цель словаря – выявление исходных метафорических образов-символов (часто давно забытых в современном языке), которые легли в основу значения того или иного слова и мотивировали его значение. В словаре используются новейшие методы этимологизирования – как лингвистические, так и культурно-исторические, позволяющие проследить различные этапы изменения значения слова и объяснить в рамках истории и культуры – связь различных значений между собой.

Словарь адресован студентам и аспирантам языковых вузов, ученым-лингвистам, а также всем интересующимся скрытыми сторонами развития английского языка и историей отдельных английских слов.

Структура:

Слова расположены в порядке английского алфавита. Значение, как заглавных слов, так и слов различных языков, привлеченных для сравнения, переводятся на русский язык.

Примеры:

1) *accuse* – *v.* «обвинять», соотносится с префиксом *ad-* (>*ac*)+лат. **cusare* «призывать к ответу» < лат. *Causa* «причина, повод, побудительное начало»> вина.

2) *ale* *n.* «пиво». Главными чудесами для язычников были – открытие огня и открытие опьяняющего напитка, использовавшегося при сакральном возлиянии (внутренний огонь). Внутреннее горение как бы отрывало человека от земли и несло его ввысь к божеству, в другие миры (ср. лат. *altus* - высокий).

3) *beast* *n.* зверь. Соотносится с и-е корнем **dheues* - дышать (подобно тому как *animal* – животное соотносится с и-е **an-*, животные в древности считались тотемами, в которых обитал «дух рода»); литовск, *dausas* «дух».

4) *fiend* *n.* черт. Ср. др.-англ. *feond* – враг, букв, ненавистник, др.-сев. – *fjandi*, др.-нем. - *fiant* соотносится с др.-сев. *fja*, обвинять.

5) *link* *n.* факел. Соотносится с др.-англ. *lieg* – огонь, лат. *ligare* – связывать, и-е – жуть. В свете этих данных становится понятным и англ. *link* связывать, связь.

Каждый словарь служит для получения специальных данных, необходимых сведений и может пополнить имеющиеся знания о языке.

Приложение 3

Запомните следующие пословицы.

1) Bite off more than one can check – взяться за непосильное дело.

2) By bell, book and candle – окончательно, бесповоротно.

Продолжение прил. 3

3) Carry coals to NewCastle – возить уголь в Ньюкасл.

4) a good Jack makes a good Gill – у хорошего мужа и жена хороша.

5) Sally Lunn – сладка булочка.

6) Be born under a lucky star – родиться под счастливой звездой.

7) The old Lady of Threadneedle Street – Английский банк.

8) As well be hanged for a sheep as a lamb – если суждено быть повешенным за овцу, то почему бы не украсть заодно и ягненка.

9) Spick and span – элегантный, с иголочки.

10) Break a butterfly on the wheel – стрелять из пушек по воробьям.

11) After us the deluge – после нас хоть потоп.

Сравнительный анализ английских и русских пословиц

Стремясь улучшить и разнообразить собственный словарный запас, каждый может изучить пословицы и поговорки, как в русском, так и в английском языках. Как говорил Дубровин М.И.: «Мудрость и дух народа ярко проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа».

Пословицы и поговорки живут в народной речи веками. Они сопровождают людей с давних времен. В краткой и образной форме отражают жизнь и историю. Они возникли в глубокой древности и отражают все стороны жизни людей и по сей день.

При изучении иностранного языка происходит соприкосновение с культурой народа. Пословицы и поговорки помогают лучше понять национальный характер людей, создавших их, их интересы, отношения к различным ситуациям, их быт, их традиции.

Английский язык очень богат фразеологическими выражениями, пословицами и поговорками, которые постоянно встречаются в литературе, в газетах, в фильмах, в передачах радио и телевидения, а также в каждом дневном общении англичан, американцев, канадцев, австралийцев. Английская фразеология, очень разнообразная, достаточно сложна для людей изучающих английский язык. Из известных науке языков нет таких, в которых бы совсем не было фразеологических оборотов, пословиц и поговорок. Но в английском языке их намного больше, чем в других языках.

Считается что, существуют две категории, на которые можно разделить английские и русские поговорки, сравнив их переводы:

Первая категория – *эквивалентные поговорки*, то есть те поговорки, в которых совпадает и значение, и дословный перевод.

Вторая категория – поговорки, *не имеющие эквивалента*, но их смысловое значение одинаково.

Теперь рассмотрим поподробнее каждую категорию. Что касается эквивалентных поговорок их относительно не так много. Например:

A black hen lays a white egg. От черной курочки да белое яичко.

A good name is better than riches. Добрая слава лучше богатства.

A great ship asks deep waters. Большому кораблю — большое плавание.

A hungry belly has no ears. Голодное брюхо ко всему глухо.

A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds. Противник дел, любитель слов, подобен саду без плодов.

A new broom sweeps clean. Новая метла хорошо метет.

A storm in a teacup. Буря в стакане воды.

A wolf in sheep's clothing. Волк в овечьей шкуре.

All are not saints that go to church. Не всяк праведник, кто в церковь ходит.

All is well that ends well. Всё хорошо, что хорошо кончается.

All that glitters is not gold. Не всё то золото, что блестит.

Appearances are deceitful. Наружность обманчива.

Appetite comes with eating. Аппетит приходит во время еды.

As plain as two and two make four. Ясно, как дважды два — четыре.

Better late than never. Лучше поздно, чем никогда.

Better the foot slip than the tongue. Лучше оступиться, чем оговориться.

Crows do not pick crow's eyes. Ворон ворону глаз не выклюет.

Deeds, not words. (Нужны) дела, а не слова.

Don't look a gift horse in the mouth. Дареному коню в зубы не смотрят.

Drunkenness reveals what soberness conceals. Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Early to bed and early to rise makes a man healthy, wealthy and wise. Кто рано ложится и рано встает, здоровье, богатство и ум наживет.

Easy come, easy go. Что без труда наживается, легко проживается.

Extremes meet. Противоположности притягиваются.

Facts are stubborn things. Факты — вещь упрямая.

Far from eye, far from heart. С глаз долой, из сердца вон.

Forbidden fruit is sweet. Запретный плод сладок.

He laughs best who laughs last. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

He who makes no mistakes, makes nothing. Не ошибается тот, кто ничего не делает.

If you run after two hares, you will catch neither. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

It is never too late to learn. Учиться никогда не поздно.

Man proposes but God disposes. Человек предполагает, а бог располагает.

Neither fish nor flesh. Ни рыба, ни мясо.

No flying from fate. От судьбы не уйдешь.

One scabby sheep will mar a whole flock. Одна паршивая овца все стадо портит.

Silence gives consent. Молчание — знак согласия.

Speech is silver but silence is gold. Слово — серебро, молчание — золото.

Strike while the iron is hot. Куй железо, пока горячо.

The devil is not so black as he is painted. Не так страшен чёрт, как его малюют.

The end justifies the means. Цель оправдывает средства.

The face is the index of the mind. Глаза (лицо) — зеркало души.

The falling out of lovers is the renewing of love. Милые бранятся, только тешатся.

The game is not worth the candle. Игра не стоит свеч.

There is no smoke without fire. Нет дыма без огня.

Things past cannot be recalled. Прошлого не воротишь.

Time is money. Время — деньги.

Truth comes out of the mouths of babies and sucklings. Устами младенца глаголит истина.

What must be, must be. Чему быть, того не миновать.

Что касается пословиц и поговорок, не имеющих эквивалента, но с одинаковым смысловым значением их остается огромное множество. Рассмотрим наиболее яркие примеры:

A beggar can never be bankrupt. Бедняк никогда не обанкротится. Голой овцы не стригут.

A cat in gloves catches no mice. Кот в перчатках мышей не поймает. Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.

Between the cup and the lip a morsel may slip. Кусочек может упасть, пока его несешь от чаши ко рту. Не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь.

East or West — home is best. Восток ли, запад ли, а дома лучше всего. В гостях хорошо, а дома лучше.

Every dog is a lion at home. Дома каждый пес чувствует себя львом. Всяк кулик в своем болоте велик.

“Hamlet” without the Prince of Denmark. — “Гамлет” без принца Датского. Яичница без яиц.

Just as the twig is bent, the tree is inclined. Куда веточка гнется, туда и дерево клонится. Яблоко от яблони недалеко падает.

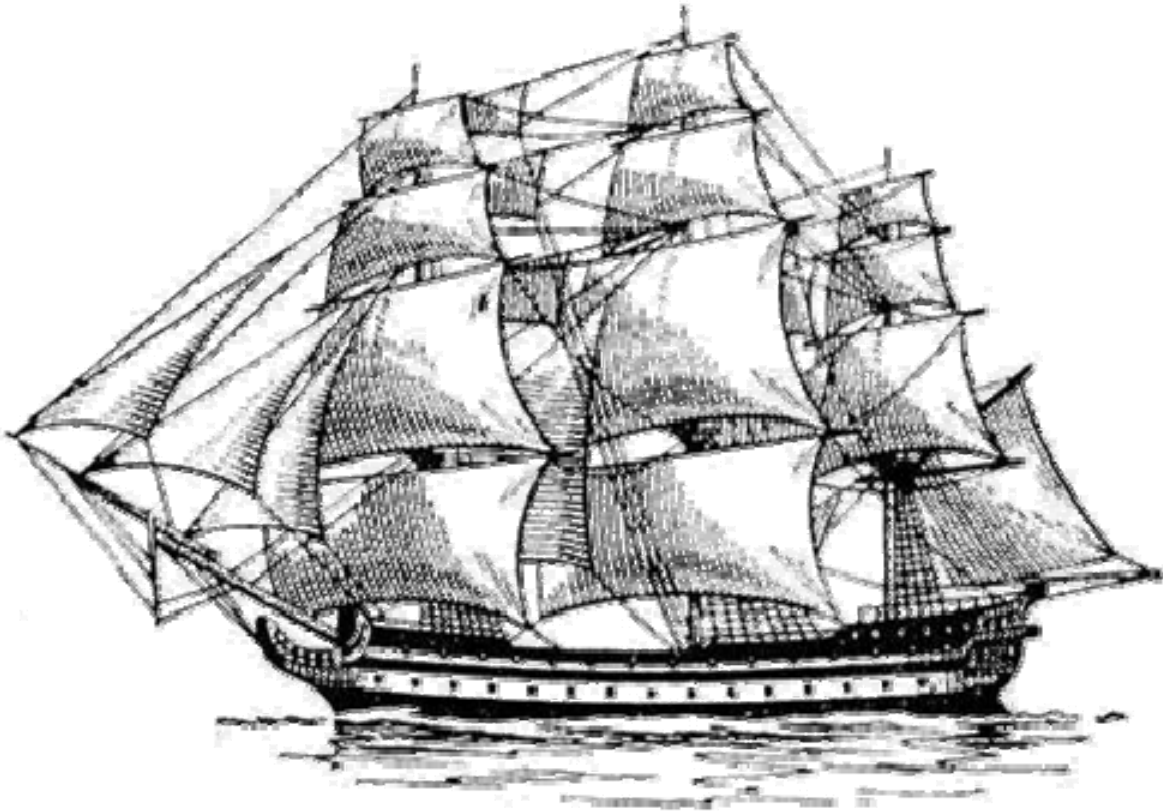
Make haste slowly. Торопись медленно. Тише едешь, дальше будешь

To send (carry) owls to Athens. — Посылать сов в Афины. — Ездить в Тулу со своим самоваром.

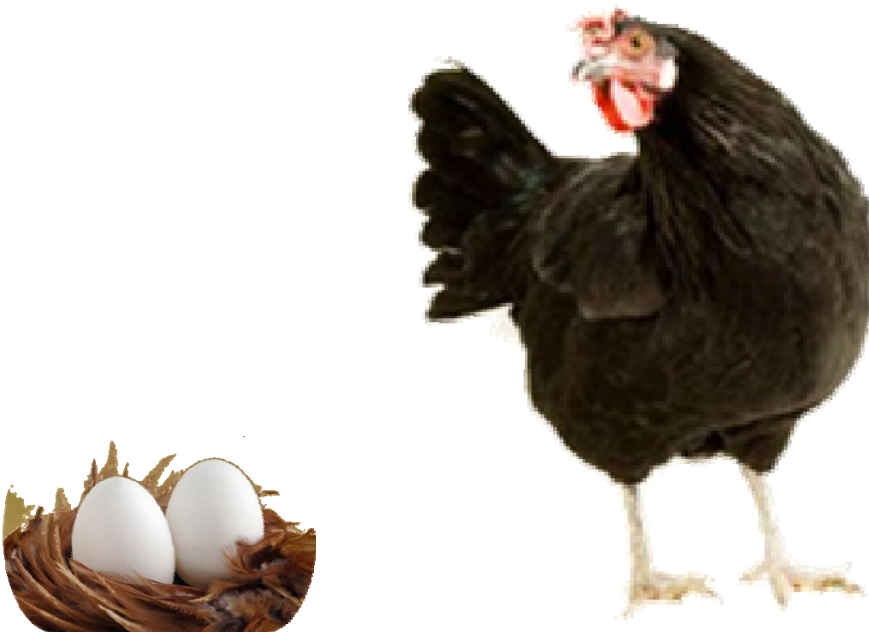
В заключении хотелось бы отметить, что сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеется в русских поговорках и английских, что способствует лучшему восприятию иностранного языка. Пословицы и поговорки многообразны, они находятся как бы вне временного пространства. Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает речи неповторимое своеобразие и особую выразительность. В свою очередь каждый должен обогатить свои знания иностранного языка всевозможными фразеологическими оборотами и выражениями, чтобы речь была красивой и выразительной.

Изучите следующие пословицы.

A great ship asks deep waters. Большому кораблю – большое плавание.

A black hen lays a white egg. От черной курочки да белое яичко.

Продолжение прил. 4
A new broom sweeps clean. Новая метла хорошо метет.

A storm in a teacup. Буря в стакане воды.

A wolf in sheep's clothing. Волк в овечьей шкуре.

All that glitters is not gold. Не всё то золото, что блестит.

Продолжение прил. 4

Appearances are deceitful. Наружность обманчива.

As plain as two and two make four. Ясно, как дважды два — четыре.

$$2 \times 2 = 4$$

Don't look a gift horse in the mouth. Дареному коню в зубы не смотрят.

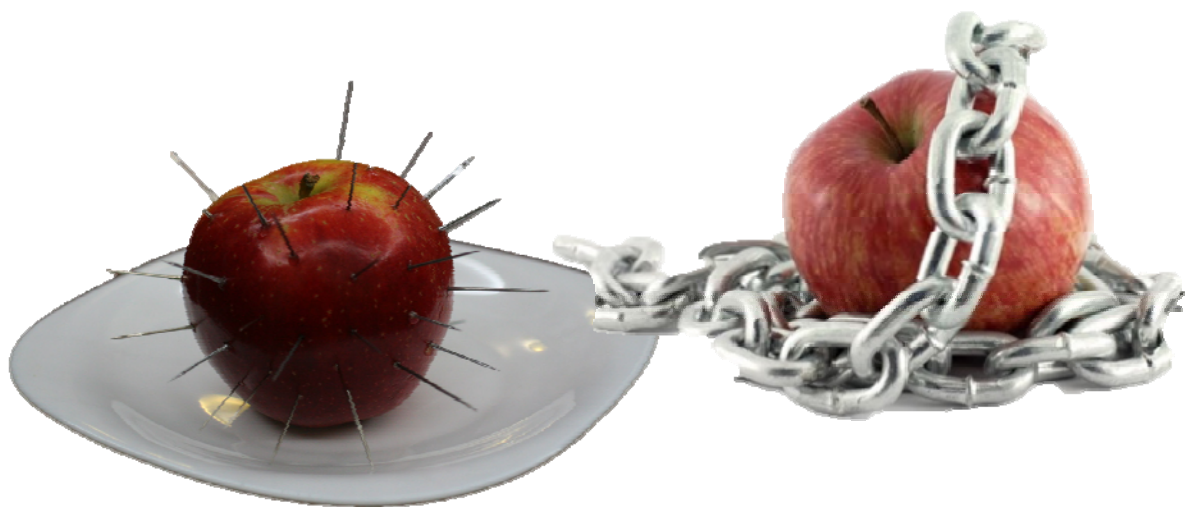
Продолжение прил. 4
Extremes meet. Противоположности притягиваются.

Far from eye, far from heart. С глаз долой – из сердца вон.

Продолжение прил. 4
Forbidden fruit is sweet. Запретный плод сладок.

If you run after two hares, you will catch neither. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

Продолжение прил. 4
It is never too late to learn. Учиться никогда не поздно.

Neither fish nor flesh. Ни рыба, ни мясо.

No flying from fate. От судьбы не уйдешь.

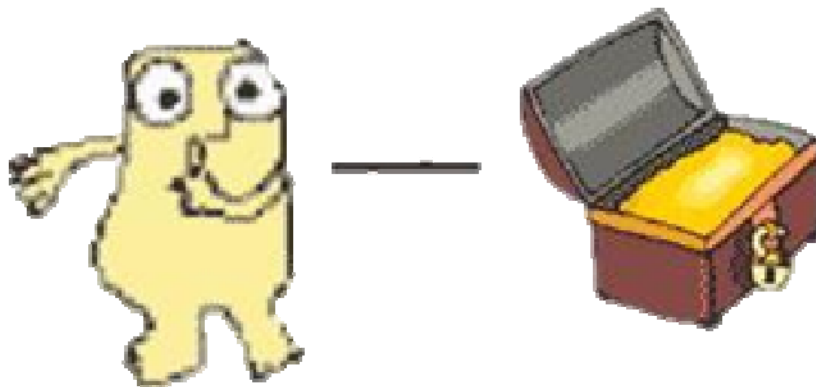
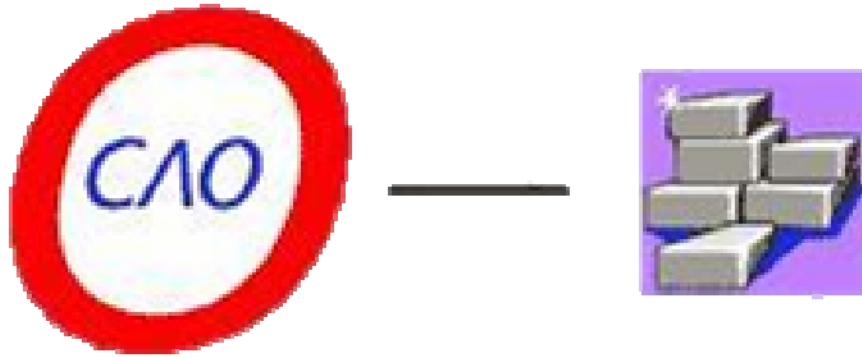

One scabby sheep will mar a whole flock. Одна паршивая овца все стадо портит.

Продолжение прил. 4

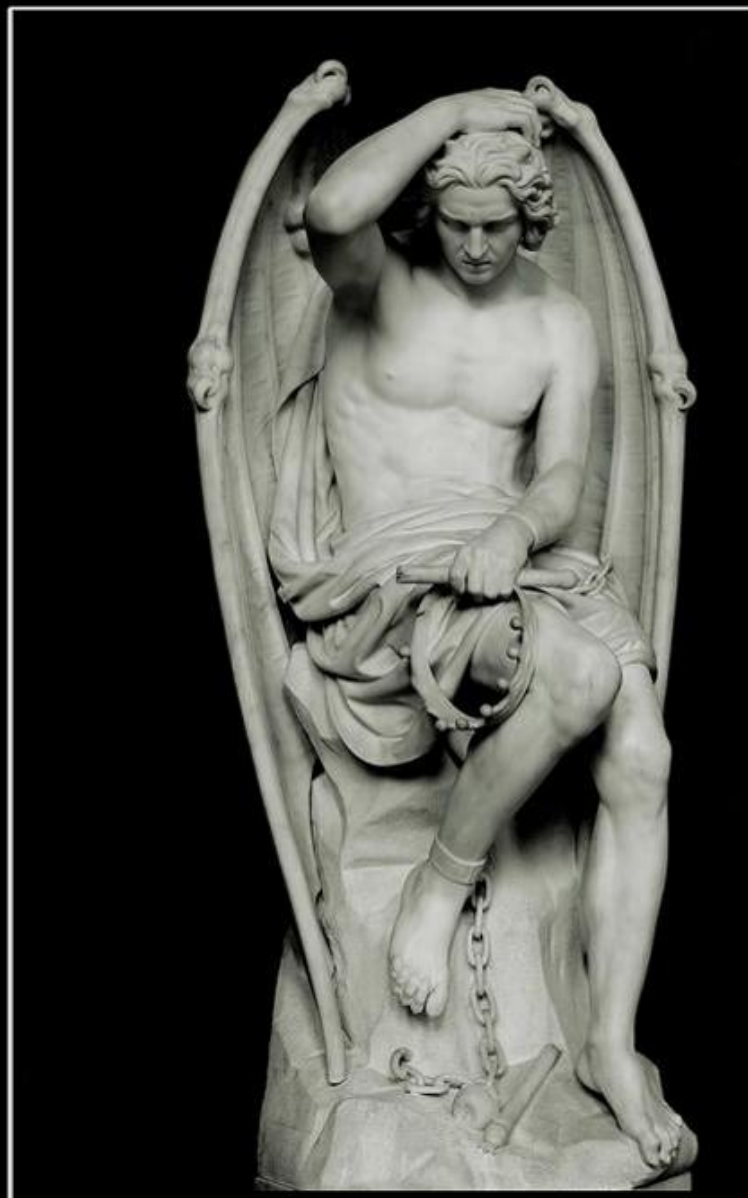
Speech is silver, but silence is gold. Слово – серебро, молчание – золото.

Strike while the iron is hot. Куй железо, пока горячо.

Продолжение прил. 4
The devil is not so black as he is painted. Не так страшен черт как его
малюют.

Не так страшен черт, как
его малюют...

DEMOTIVATORS.RU

Продолжение прил. 4

The end justifies the means. Цель оправдывает средства.

The game is not worth the candle. Игра не стоит свеч.

Time is money. Время – деньги.

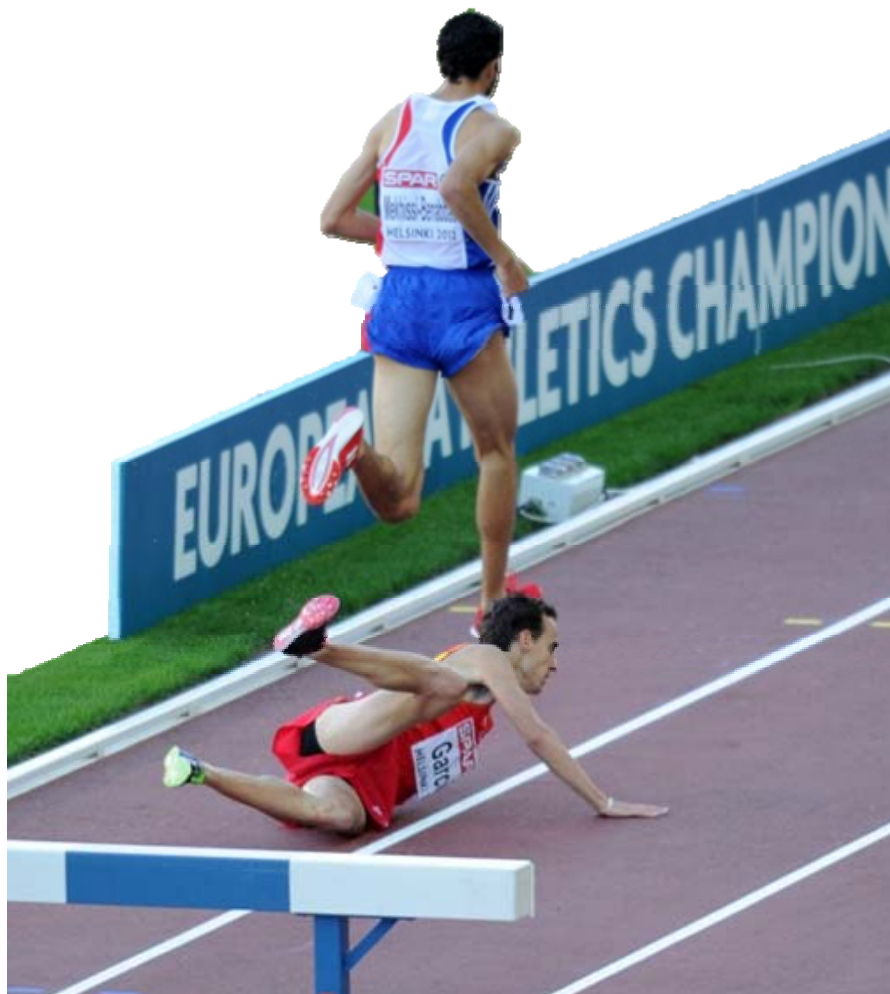

A cat in gloves catches no mice. Кот в перчатках мышей не поймает.

Продолжение прил. 4

Between the cup and the lip a morsel may slip. Кусочек может упасть, пока его несешь от чаши ко рту. Не говори “гоп”, пока не перепрыгнешь.

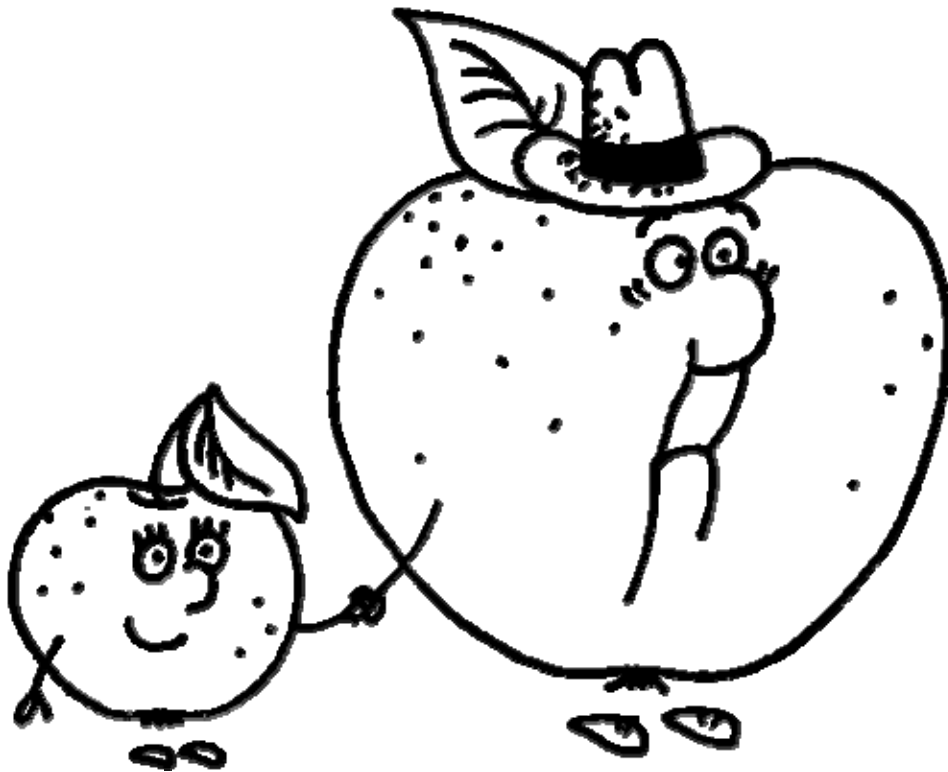

Продолжение прил. 4

Every dog is a lion at home. Дома каждый пес чувствует себя львом.
Всяк кулик в своем болоте велик.

Just as the twig is bent, the tree is inclined. Куда веточка гнется, туда и
дерево клонится. Яблоко от яблони недалеко падает.

Продолжение прил. 4
East or West – home is best. Восток ли, запад ли, а дома лучше всего.

Make haste slowly. Торопись медленно.

Окончание прил. 4

To send (carry) owls to Athens. Посылать сов в Афины. Ездить в Тулу со своим самоваром.

В ТУЛУ

СО СВОИМ

НЕ ЕЗДЯТ

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Часть I. ИЗ ИСТОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.....	4
Глава I. ЯЗЫКОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. БЛУМФИЛДА	4
1.1. Истоки и проблематика американского структурализма.....	4
1.2. Влияние теоретических основ бихейвиоризма на теорию языка Блумфилда.....	6
1.3. Проблема значения в концепции Л. Блумфилда.....	8
1.4. Трактовка Блумфилдом противопоставления диахрония – синхрония	9
1.5. Проблемы языка и речи у Л. Блумфилда.....	10
1.6. Проблемы морфологии в трудах Л. Блумфилда	11
В ы в о д ы	14
Глава 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Н. ХОМСКОГО	16
2.1. Структурализм и его основные методы анализа.....	16
2.2. Лингвистические исследования в рамках формальных грамматик.....	19
2.3. Основные понятия алгебраической лингвистики	20
2.4. Порождение грамматически правильных предложений.....	22
2.5. Причины неудач порождающих грамматик	26
В ы в о д ы	34
Глава 3. СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАДЕЖЕЙ ПО Ч. ФИЛЛМОРУ	35
3.1. Особенности выявления синтаксических категорий.....	36
3.2. Семантические падежи по Ч. Филлмору	39
В ы в о д ы	41
Глава 4. ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА И АСПЕКТЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ.....	42
4.1. Коммуникативно-синтаксический аспект	43
4.2. Конструктивно-синтаксический аспект	44
4.3. Семантическая субкатегоризация.....	45
Выводы	49
Часть II. ВОПРОСЫ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ.....	50
Глава 1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	50
1.1. Исконно английские фразеологические единицы терминологического и нетерминологического происхождения.....	51
1.2. Шекспиризмы и их использование в языке.....	54
1.3. Другие литературные источники фразеологических единиц.....	56

1.4. Заимствованные фразеологические единицы	59
1.4.1. Фразеологические единицы библейского происхождения	59
1.4.2. Фразеологические единицы, заимствованные из различных языков	61
1.4.3. Фразеологические единицы американского происхождения	68
1.4.4. Фразеологические единицы, заимствованные в иноязычной форме	70
1.5. Фразеологические единицы в научной литературе	72
В ы в о д ы	74
Глава 2. РОЛЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	76
2.1. Виды заимствований в английском языке и способы их реализации в речи	76
В ы в о д ы	82
Глава 3. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОГО И БРИТАНСКОГО ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	83
3.1. Влияние брителицизмов на американскую лексику	84
3.2. Американские и британские заимствования	85
3.3. Проникновение брителицизмов в американизмы	86
В ы в о д ы	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	91
ПРИЛОЖЕНИЯ	95
П р и л о ж е н и е 1	95
П р и л о ж е н и е 2	97
П р и л о ж е н и е 3	105
П р и л о ж е н и е 4	111

Научное издание

Горбунова Валентина Сергеевна
Сботова Светлана Викторовна
Куляева Елена Юрьевна

ОСНОВЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
Монография

В авторской редакции
Верстка Н.В. Кучина

Подписано в печать 27.06.14.   Формат 60x84/16.
Бумага офисная «Снегурочка». Печать на ризографе.
Усл.печ.л. 7,7.   Уч.-изд.л. 8,25.   Тираж 500 экз. 1-й завод 100 экз.
Заказ № 212.

Издательство ПГУАС.
440028, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28